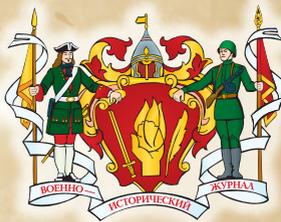

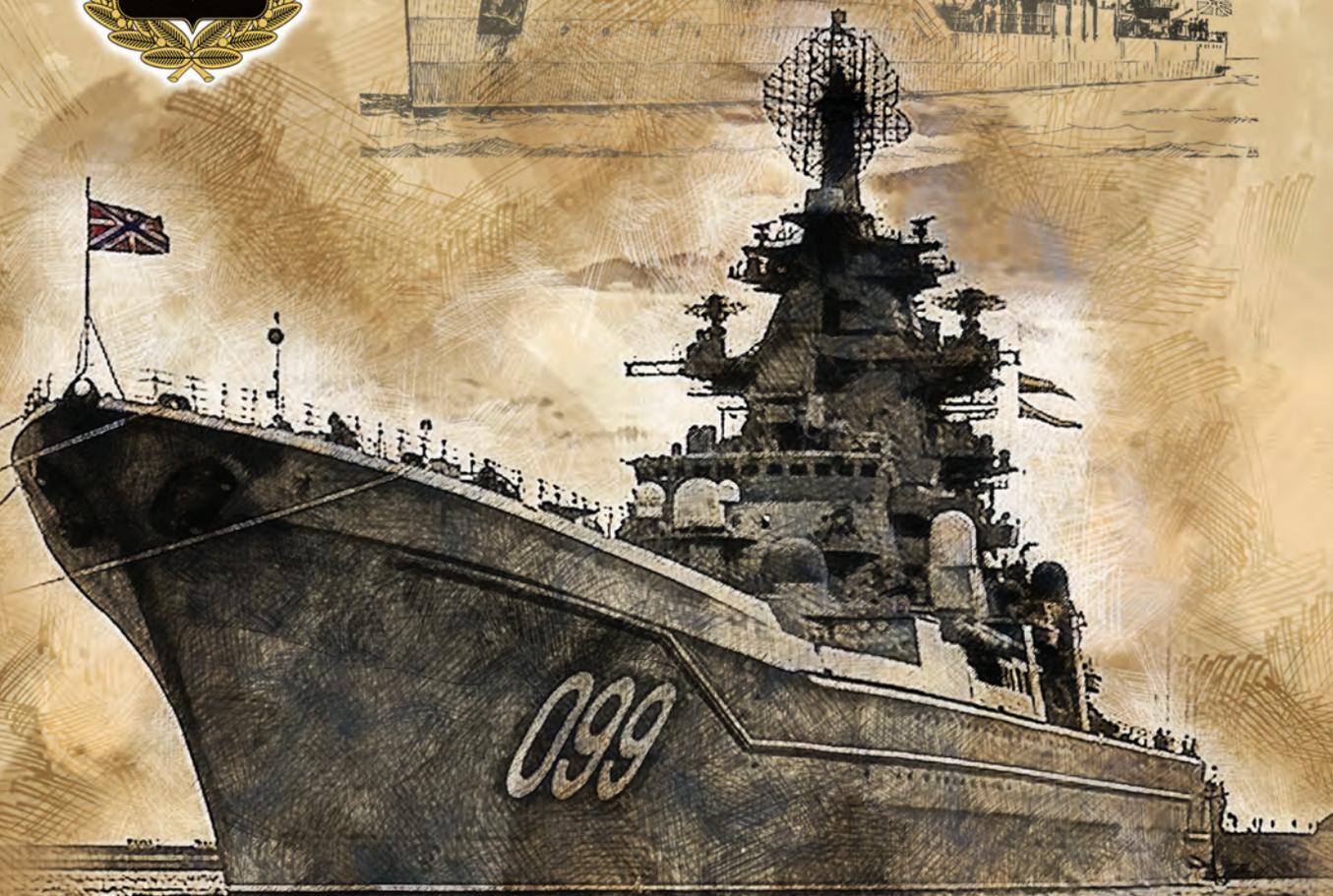
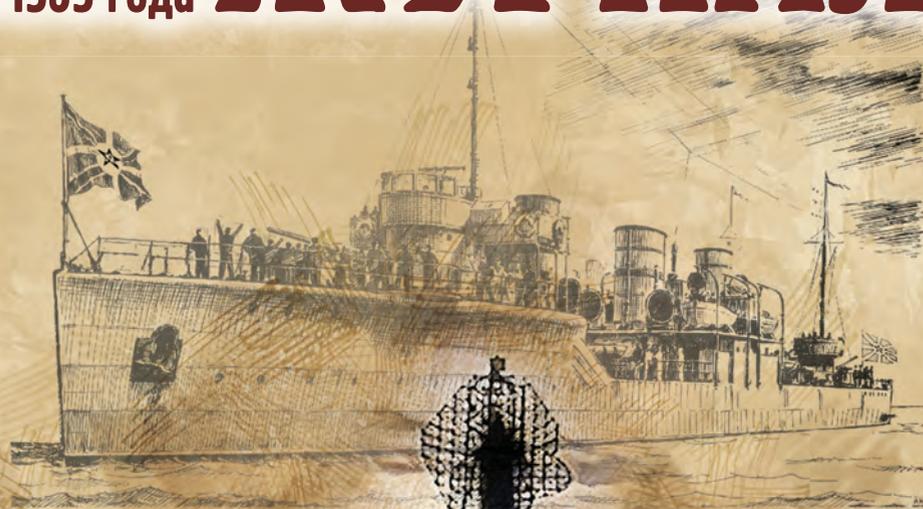
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

6/2023

ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

СЕВЕРОМОРСКИЙ ЩИТ РОССИИ

1 июня — День Северного флота

Север любит сильных, мужественных и отважных людей, не боящихся студёных морей и океанских глубин. Таковы моряки Северного флота, стоящие на защите заполярных и арктических рубежей России, её национальной безопасности.

День Северного флота ВМФ РФ — 1 июня — ежегодный праздник, отмечаемый в соответствии с приказом главнокомандующего ВМФ России от 15 июля 1996 года. В этот день в 1933 году начальник Штаба РККА издал циркуляр о формировании Северной военной флотилии с базированием в Мурманске. В 1937 году флотилия была преобразована в Северный флот (СФ). По названным годам рождения российский СФ стал самым «молодым» в сравнении с Балтийским, Тихоокеанским и Черноморским флотами РФ, которые в 1990-х годах начали вести отсчёт своих годовых праздников соответственно с 1703, 1731 и 1783 гг. Возникшую историческую «несправедливость» устранил приказ главкома ВМФ от 25 мая 2014 года, в котором на основании исторических сведений годом образования СФ определён 1733-й, когда в Архангельске, ставшем военным портом, был сформирован первый военно-морской отряд кораблей. Годовым праздником осталась прежняя дата — 1 июня. Таким образом, в 2023 году СФ по праву отмечает своё 290-летие.

Именно на Архангельск в 1693 году обратил свой взгляд молодой Пётр I, искавший для России выход на морские пути. К 1693—1694 гг. относятся постройка Петром I первых морских военных кораблей на Соломбальской верфи (близ Архангельска) и первые его выходы в Белое море. По велению царя первый главный командир порта в Архангельске контр-адмирал П.П. Бредаль организовал здесь адмиралтейство и военно-морской отряд кораблей, именовавшийся эскадрой при Архангельском военном порту или Архангельской военной флотилией, затем Беломорской. Она охраняла побережье Белого моря и Кольского полуострова. В 1701 году корабли флотилии в дельте Северной Двины участвовали в отражении атаки отряда шведских кораблей на Новодвинскую крепость. В дальнейшем флотилия (эскадра) в различные периоды разделялась на несколько самостоятельных отрядов, вновь воссоздавалась. В 1916 году преобразована во Флотилию Северного Ледовитого океана. С установлением советской власти на Севере — Беломорская военная флотилия, в 1920—1922 гг. — Морские силы Северного моря. В 1933 году создана Северная военная флотилия, основу которой составили два отряда кораблей, направленных с Балтийского флота. С преобра-

зованием флотилии в СФ были приняты меры по укреплению его корабельного состава и авиации флота.

В годы Великой Отечественной войны СФ оборонял морское побережье, поддерживал сухопутные войска, защищал свои морские сообщения, нарушал морские коммуникации противника, осуществлял проводку союзных конвоев. Большим вкладом СФ в успешное проведение стратегической Петсамо-Киркенесской операции 1944 года. Всего за время войны в результате действий сил СФ уничтожены 262 и повреждены 118 боевых кораблей, транспортов и вспомогательных судов противника, около 1300 вражеских самолётов. За боевые заслуги в годы войны 12 боевых кораблей, частей и соединений флота преобразованы в гвардейские, 47 награждены орденами, 14 присвоены почётные наименования. За ратные подвиги 48 тыс. человек награждены орденами и медалями, а 85 из них присвоено звание Героя Советского Союза; командир торпедного катера А.О. Шабалин и лётчик Б.Ф. Сафонов удостоены этого высшего звания дважды; морской разведчик В.Н. Леонов награждён второй медалью «Золотая Звезда» в сентябре 1945 года на ТОФ.

В послевоенное время СФ значительно повысил свою боевую мощь, став наиболее крупным объединением ВМФ, способным решать оперативно-стратегические задачи. Его основу составили атомные ракетные и торпедные подводные лодки, ракетноносная авиация, ракетные, авианесущие и противолодочные корабли. В 1965 году флот был награждён орденом Красного Знамени. Продолжая славные традиции, моряки Северного флота умело, стойко и мужественно выполняют свой воинский долг. Так было, например, в период Сирийской операции 2015—2017 гг. В 2019 году СФ удостоен ордена Ушакова.

В соответствии с указом Президента РФ от 21 декабря 2020 года СФ является межвидовым стратегическим территориальным объединением Вооружённых сил РФ, выполняющим задачи военного округа. Он предназначен для защиты национальных интересов России на арктическом направлении, а также в других районах Мирового океана в установленных границах ответственности. В рамках стратегического сдерживания ракетными подводными лодками флота непрерывно решаются задачи боевого патрулирования и боевого дежурства в заданных районах Мирового океана. Десятки учений, тысячи выполненных мероприятий боевой подготовки и успешно проведённые испытания перспективных видов вооружений демонстрируют готовность флота к решению боевых задач.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
ЧАЧУХ

Игорь Мадинович,
заслуженный журналист РФ,
полковник запаса

Заместитель
главного редактора
КИКНАДЗЕ

Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАРАН,

полковник запаса

Научные редакторы

П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;

А.Л. БОЧАРОВА;

Е.В. ДОБЫЧИНА,

кандидат

исторических наук;

В.А. ЕВДОКИМОВ,

подполковник запаса;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,

полковник запаса,

кандидат философских

наук, старший научный

сотрудник;

С.В. МАНЮКОВ,

полковник запаса;

А.Н. ОВЧИННИКОВ,

подполковник запаса;

А.В. ПЕТРОЧНИН;

А.А. ПИМЕНОВ,

полковник в отставке;

О.А. ТВИРОВА

Ответственный секретарь

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

А.А. ЛАНЦОВА

(заместитель

ответственного

секретаря);

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;

А.М. ПЕТРОВ,

полковник запаса

Заведующий редакцией

Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод

А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка

Е.Н. КУЗНЕЦОВА

Обложка номера

И.В. НИКОЛАЕВ

капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера использованы фотографии кораблей Северного флота ВМФ России разных лет

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ УЧРЕДИТЕЛЬ: МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЖУРНАЛ

ИЮНЬ

№ 6 (758)

2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.М. БАРИНОВА — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

N.M. BARINOVA — the Director of Historical Documents Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (History), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы запаса, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, res.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (History) (Moscow)

А.В. КИРИЛИН — референт заместителя министра обороны Российской Федерации, генерал-майор запаса, кандидат исторических наук (Москва)

A.V. KIRILIN — Assistant to the Deputy Minister of Defence of the Russian Federation, Major-General (res.), Cand. Sc. (History) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАРАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (res.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — заместитель директора Российского государственного военного архива (Москва)

V.N. KUZELENKOV — the Deputy Director of the Russian State Military Archives (Moscow)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (History), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (History) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Yu.A. PETROV — the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

«Военно-исторический журнал» включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

2-я стр. обл. Североморский щит России. 1 июня — День Северного флота

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

- 4 **Л.П. МУРОМЦЕВА, В.Б. ПЕРХАВКО** — «Товарищ ополченец! Ты встал на борьбу против вооружённого до зубов свирепого врага». Воины дивизий народного ополчения Москвы грозного 1941 года
- 20 **А.А. ЕФИМОВ, И.А. АНОХИНА** — Снайперское движение «утраивало силы... армии, её боеспособность». Отечественные мемуаристы о военно-политическом сопровождении боевой деятельности снайперов Красной армии
- 36 **В.С. МИЛЬБАХ, В.А. ЧЕРНУХИН** — «Артиллерии стоять насмерть — ни шагу назад!». Проблемные вопросы подготовки и применения артиллерии в Курской стратегической оборонительной операции (5—23 июля 1943 г.)

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

- 48 **А.В. ТОЛОЧКО** — «Если минный транспорт исполнил свой долг, то может и погибнуть...». Минный транспорт «Енисей» в Русско-японской войне 1904—1905 гг.

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

- 58 **Я.Н. ЕРМОЛОВИЧ** — Развитие военно-уголовного законодательства в поздний советский период (1960—1991 гг.)

ИСТОРИЯ ВОЙН

- 66 **Е.Н. РУКАВИШНИКОВ** — Опыт, обретённый ценой неудач. Неаполитанский десант капитан-командора А.С. Грейга (1805—1806 гг.)

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

- 76 **А.В. ВЛАДЗИМИРСКИЙ** — «Испытываю какое-то странное чувство, “говоря” по “Бодо”. Чудесная это машинка...». По материалам фронтовых дневников А.А. Вишневого к истории применения телекоммуникационных средств в медицинской науке и технике

ИМЕНА И СУДЬБЫ

- 88 **Д.Ю. ЛИТИНСКИЙ, Ю.В. СЛЕСАРЕВ, М.Ю. Гаршин** — «Служба авиации... может быть употребима и для активных боевых действий». Роль капитана 2 ранга Б.П. Дудорова в создании отечественной морской авиации

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- 96 **А.В. ГРОМОВ** — «Эти орудия при штурме Варшавы были отняты охотниками Преображенского полка». Артиллерийские орудия Спасо-Преображенского собора всей гвардии: апокрифы и легенды

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

- 106 **М.В. ИЛЮШИН** — «...Эта связь — ВЧ, — как говорится, нам была богом послана». К 80-летию войск правительственной связи

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

114 Дивизия Знамени Победы

116 **Е.И. ЛИШТОВАННЫЙ** — Пограничники в операциях против милитаристской Японии

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

4-я стр. обл. Главный военно-морской храм России. 210 лет Морскому Никольскому собору в Кронштадте (Публикация Н.Ф. Ковалевского)

CONTENTS

MEMORABLE DATES	
Russia's South Marine Shield. June 1, The Northern Fleet Day	p. 2 of the cover
GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945	
L.P. MUROMTSEVA, V.B. PERKHAVKO — «Comrade militiaman! You have risen to fight the fierce enemy, armed to the teeth». Militia fighters in Moscow in the terrible 1941	4
A.A. YEFIMOV, I.A. ANOKHINA — The sniper movement «tripled the strength... of the army and its fighting ability». Domestic memoirists on military and political support of combat activities of Red Army snipers	20
V.S. MILBAKH, V.A. CHERNUKHIN — «Artillery, endure to the end! Never retreat!». Problems of Preparation and Application of Artillery in Kursk Strategic Defensive Operation (July 5–23, 1943)	36
MILITARY CHRONICLE OF THE FATHERLAND	
A.V. TOLOCHKO — «...If a mine transport has done its duty, it can also perish...». Mine transport Yenisey in the Russian-Japanese War of 1904–1905	48
ARMY AND SOCIETY	
Ya.N. YERMOLOVICH — Development of Military-Criminal Legislation in the Late Soviet Period (1960–1991)	58
THE HISTORY OF WARS	
Ye.N. RUKAVISHNIKOV — Experience gained at the cost of failures. The Neapolitan landing of Commodore Captain A.S. Greig (1805–1806)	66
COMMANDERS AND MILITARY LEADERS	
A.V. VLADZIMIRSKY — «I have a strange feeling talking on the Baudot. It's a wonderful machine...». Based on materials from A.A. Vishnevsky's front diaries — on the history of telecommunications in medical science and technology	76
NAMES AND DESTINIES	
D.Yu. LITINSKY, Yu.V. SLESAREV, M.Yu. GARSHIN — «Aviation Service... can also be used for active combat operations». The Role of Captain 2nd Rank B.P. Dudorov in the Creation of Domestic Naval Air Force	88
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY	
A.V. GROMOV — «These guns were taken away by the volunteers of the Preobrazhensky Regiment during the storming of Warsaw». Artillery guns of The Cathedral of the Lord's Transfiguration of all the Guards: apocrypha and legends	96
FROM THE HISTORY OF WEAPONS AND EQUIPMENT	
M.V. ILYUSHIN — «... This connection - HF - as they say, was sent to us by God.» To the 80th anniversary of the government communications troops	106
MILITARY HISTORIAN'S BOOKSHELF	
Victory Banner Division	114
Ye.I. LISHTOVANNY — Border guards in operations against militaristic Japan	116
MEMORABLE DATES	
The Main Naval Church of Russia. 210th Anniversary of The Naval cathedral of St. Nicholas in Kronstadt (<i>Publication by N.F. Kovalevskiy</i>)	p. 4 of the cover

Л.П. Муромцева,
В.Б. Перхавко

«ТОВАРИЩ ОПОЛЧЕНЕЦ! ТЫ ВСТАЛ НА БОРЬБУ ПРОТИВ ВООРУЖЁННОГО ДО ЗУБОВ СВИРЕПОГО ВРАГА»

Воины дивизий народного ополчения Москвы грозного 1941 года

Сведения об авторах. Муромцева Людмила Петровна — доцент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: muromtseva_mila@mail.ru);

Перхавко Валерий Борисович — ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: perkhavko@gmail.com).

Аннотация. В статье на основе анализа архивных материалов и опубликованных источников представлены процесс формирования дивизий народного ополчения Москвы в июле 1941 года, их военная подготовка и участие в боевых действиях. Уделено внимание началу изучения истории ополченских формирований Москвы в отечественной историографии. Ведущую роль в их организации сыграли райкомы партии и МГК ВКП(б). При этом принцип добровольчества сочетался с партийно-комсомольской мобилизацией. Большую помощь в снабжении ополченцев оказали столичные предприятия. Авторы относят к ополченским формированиям также истребительные батальоны НКВД, коммунистические и рабочие батальоны Москвы октябрьского набора 1941 года, отряды невоеннообязанных строителей оборонительных сооружений и подразделений противовоздушной обороны. Народное ополчение, создание которого базировалось на патриотических настроениях, включало представителей разных национальностей, выходцев из рабочего класса, колхозного крестьянства, студенчества и особенно творческой и технической интеллигенции. По уровню образования ополченские части превосходили регулярные соединения РККА, в ряды которой их включили в сентябре 1941 года. Несмотря на недостаточный уровень боевой выучки и нехватку вооружения, народные ополченцы, героически сражаясь с превосходившими силами вермахта под Ельней и Вязьмой, внесли свой вклад в защиту советской столицы. Из-за огромных безвозвратных потерь, превышавших 80 проц., большинство из 12 стрелковых дивизий, в которые были переименованы московские дивизии народного ополчения июльского призыва, пришлось в ноябре 1941 года расформировать, но сохранившиеся соединения участвовали в Сталинградской битве и дошли до Берлина.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; патриотизм; Москва; дивизии народного ополчения; историография; новые архивные материалы; формирование; состав; военная подготовка; боевые действия.

Немало ценных для историка свидетельств о дивизиях народного ополчения Москвы 1941 года хранятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (г. Подольск), Центральном архиве города Москвы, Центральном музее Вооружённых сил, Музее обороны Москвы, Государственном историческом музее, Музее истории Москвы, Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Российском государственном архиве литературы и искусства¹. Особый интерес представляют находящиеся в Научном архиве Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН) материалы Комиссии по

В Научном архиве ИРИ РАН хранятся интересные воспоминания бывшего начальника политотдела 8-й дивизии народного ополчения (ДНО) Н.И. Соколова и стенограмма беседы с бойцом этой же дивизии П.М. Якобсоном. При этом мы просматривали не только материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны и ОПИ ГИМ, но также личные листки по учёту кадров тех бывших сотрудников Института истории АН СССР и выделившегося из него в 1968 году Института истории СССР АН СССР, кто вступил в 1941 году в ряды народных ополченцев (В.А. Дунаевского, Б.Л. Маркуса, П.Г. Рындзюнского). Вот лишь один пример. Студент исторического факультета Московского университета Владимир Аронович Дунаевский (1919–1998), вступивший в начале июля 1941 года добровольцем в 8 ДНО Краснопресненского района

истории Великой Отечественной войны (руководитель И.И. Минц)². Она первоначально именовалась Комиссией по созданию хроники Великой Отечественной войны и была создана в Москве уже в декабре 1941 года, а с начала 1942-го работала при президиуме АН СССР³. Лишь незначительная часть её материалов, касавшихся ополченских формирований Москвы 1941 года, была опубликована и использовалась в научной литературе⁴. В данной статье сделан обзор подборки неопубликованных документов из НА ИРИ РАН и ОПИ ГИМ, повествующих о бойцах и командирах дивизий народного ополчения, созданных в 12 районах Москвы в начале июля 1941 года⁵.

Москвы, далеко не сразу стал указывать об этом в анкетных данных: видимо, из-за того, что попал в октябре того же года в окружение⁶.

Примечательно, что благодаря представителям гуманитарной интеллигенции, которые стали политработниками ополченской дивизии Киевского района Москвы, ещё в 1942 году появились первые работы по её истории. В качестве приложения к красноармейской газете «Боевое знамя» в 1942-м Госполитиздат выпустил тиражом 3000 экз. брошюру «В боях за родину» под редакцией Я.А. Конрода, состоявшую из статей и очерков, которые были опубликованы в газете «Боевое знамя» Н-ского стрелкового соединения. В её подготовке участвовали также И. Аргинский, Г. Берёзко, А. Макаровский, В. Мирошевский и др. (имя батальонного комиссара Б.Л. Маркуса, чьё изображение имеется на групповой фотографии политотдела

дивизии, в выходных данных и тексте почему-то отсутствует)⁷. Редактором этой дивизионной газеты стал историк В.М. Мирошевский.

Старший батальонный комиссар Д.Т. Шепилов подписал предисловие к брошюре. В ней популярным языком описаны фронтовые будни «народно-ополченческого соединения», сформированного в Киевском районе Москвы в начале июля 1941 года и принявшего боевое крещение уже 3 октября на р. Десне, западнее г. Кирова. Первым командиром соединения был полковник А.В. Богданов, военкомом — секретарь парторганизации Института экономики АН СССР И.А. Анчишкин. В дальнейшем в ноябре—декабре 1941-го войны-ополченцы сражались под Каширой, за Алексин, Тулу и Полотняный Завод. Эту брошюру (подписанную к печати 11 июня 1942 г. и напечатанную в московской типографии «Искра революции») по пра-

СОЗДАДИМ МОГУЧЕЕ НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ!

**...КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК
ВСЬ СОВЕТСКИЙ НАРОД
ЗА СВОБОДНУЮ РОДИНУ ВСТАНЕТ ...**

Плакат «Создадим могучее народное ополчение!»
Художники С.Г. Корольков, С.И. Гини, 1941 г.

Сведения о ходе формирования 2-й дивизии народного ополчения Москвы (июль 1941 г.)

РАССЕКРЕЧЕНО
Art N / ... от 31.01.94

325 СВЕДЕНИЯ
О ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТИ 2-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ СТАЛИНСКОГО РАЙОНА НА 16-00 ЧАСОВ 7/УЛ-ПГ.

№ п/п	Наименование частей	Всего		Рядов.		Средств		Транспорт		Собственн. лошадей
		чел.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	
1.	Управление дивизии	18	28	9	20	75	5	-	-	5
2.	4 стрелковый полк	51	27	282	1660	1	5	-	-	6
3.	5 стрелковый полк	58	24	43	717	1	5	-	-	6
4.	6 стрелковый полк	52	23	130	1417	1	5	6	-	6
5.	Отд. артдивизии 45мм пуш.	11	7	13	42	73	-	2	-	2
6.	Томе 75 мм пушек	13	8	68	68	73	-	2	-	2
7.	Отд. снайп. роты	3	3	10	15	31	-	1	-	1
8.	Отд. роты связи	8	1	-	57	66	-	1	-	1
9.	Отд. снайп. роты	6	1	9	131	147	-	1	90%	3
10.	Отд. артотт. роты	3	2	-	9	14	1	8	xx	10
Итого в дивизии		223	124	504	4136	1907	9	30	91	3
11.	Запасн. стр. полк	16	13	-	-	29	-	-	-	-
12.	Брон. танк. дивизион	5	7	3	16	75	-	-	-	-
Всего в районе штаб налицо		244	144	507	4196	2001	9	30	91	3

Примечание: В звезду обласно комплектования 4 батальона не назначены.

КОМАНДИР 2 СТАЛИНСКОГО РАЙОНА ДИВИЗИИ
ПРЕДС. ТРЕХЧЛЕН. КОЛЛЕГИИ
СЕКРЕТАРЬ СТАЛИНСКОГО РАЙОНА

ву можно считать первенцем в историографии народного ополчения Москвы 1941 года.

В издании «В боях за родину» отмечается, что первоначально «в рядах ополченцев оказались и неустойчивые люди, струсившие перед лицом грядущих боёв». Но после обучения уже в августе и сентябре «ещё недавно рыхлое тело соединения приобретает упругость настоящей воинской части», и «ополченческие ряды становятся рядами регулярной пехоты РККА»⁸.

В одном из разделов брошюры, озаглавленном «Женщина на линии огня», повествуется о храбрости разведчицы Шуры Воротниковой, военфельдшера Софьи Ильиничны Яхонтовой, санинструкторов Евдокии Лямчевой, Анны Марковой, Ольги Чухловой и Нины Яхонтовой⁹.

Как свидетельствуют документы, директор Института экономики АН СССР доктор экономических наук, профессор Борис Львович Маркус (1900—1949) с июля 1941 года являлся бойцом, а затем инструктором пропаганды полка и политотдела ДНО Киевского района Москвы, которая участвовала в Сталинградской битве¹⁰.

Будучи политработником Сталинградского фронта, Маркус под псевдонимом Борис Львов к началу 1943 года (ещё в дни сражения за Сталинград) подготовил рукопись «Ополчение Киевского района Москвы в боях за столицу», где дал условную нумерацию полков Н-ской ДНО (переименованной затем в 173-ю стрелковую дивизию) в период военного времени¹¹.

Б.Л. Маркус широко использовал документы штаба и политотдела дивизии, а также собственные впечатления и воспоминания однополчан. Несмотря на то что ответствен-

ным редактором книги стал член-корреспондент АН СССР И.И. Минц, эту очень интересную рукопись фронтовика-подполковника, удостоенного двух боевых орденов, не удалось, к сожалению, издать ни в годы Великой Отечественной войны, ни после её окончания. Дело в том, что Б.Л. Маркус, описывая героизм ополченцев, не замалчивал и некоторые негативные факты (нарушения воинской дисциплины, ротозейство, расхлябанность, воровство и мародёрство отдельных бойцов, дезертирство с поля боя командира одного из полков капитана Иванова и др.)¹².

Создание ополченских формирований спустя десять дней после начала Великой Отечественной можно рассматривать в определённом смысле как проявление отчаяния высшего партийно-государственного руководства СССР, осознанного после сдачи Минска и Риги, что регулярных частей РККА недостаточно для отпора врагу. В ночь на 2 июля 1941 года под председательством В.М. Молотова в Кремле состоялось совещание ЦК ВКП(б), на котором местным партийным организациям было дано указание возглавить создание народного ополчения. Сразу же после этого совещания военный совет Московского военного округа (МВО) принял постановление № 0031 «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения», 6-й пункт которого гласил: «Боевая подготовка частей производится по специальному плану Штаба МВО»¹³. Этот документ послужил основой секретного постановления (вышло с грифом «Не публиковать») Государственного Комитета Обороны (ГКО) № 10 от 4 июля 1941 года «О добро-

вольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»¹⁴.

Постановление приняли на следующий день после радиообращения председателя СНК СССР и председателя ГКО СССР И.В. Сталина к советскому народу, в котором говорилось о необходимости создания армий народного

га. Законченные «тройкой» дела по мобилизации передавались в райвоенкоматы для оформления. Предписывалось формировать дивизии за счёт мобилизации жителей в возрасте от 17 до 55 лет в срок с 3 по 5 июля в Москве и с 3 по 6 июля — в Московской области. 40—50 проц. комсостава ополченских формирований июля 1941-го придавались

Словосочетание «добровольная мобилизация» в июльских постановлениях 1941 года можно толковать по-разному. Но в действительности имели место и добровольчество, и мобилизация коммунистов и комсомольцев

ополчения «в каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага»¹⁵.

Согласно постановлениям в Москве план мобилизации составлял 200 тыс., в области — 70 тыс. человек. Ими планировалось укомплектовать 25 дивизий ополченцев. Мобилизация и формирование частей проводились по территориальному признаку. Каждый административный район Москвы формировал свою дивизию, которая доукомплектовывалась группами ополченцев из определённых районов Подмосковья. Для руководства работой по мобилизации жителей в дивизии ополчения и организации их материально-технического снабжения в районах Москвы и области создавались чрезвычайные «тройки» (первый секретарь райкома ВКП(б), райвоенком и начальник райотдела НКВД), находившиеся под руководством штаба окру-

новым дивизиям из кадров округа, остальные командиры назначались из ополченцев. От мобилизации освобождались призывники, имевшие на руках мобилизационные предписания, работники тех наркоматов оборонной промышленности, станкостроительных заводов и предприятий, которые районная «тройка» сочла бы исполнявшими оборонные заказы особой важности. Снабжение частей ополчения транспортом, рабочим инструментом, кухнями, обеспечение перевозки пищи и боеприпасов в радиусе 150 км от Москвы требовалось осуществлять за счёт ресурсов соответствующих районов и расположенных в них предприятий. Оружие и боеприпасы должен был обеспечить штаб МВО. За мобилизованным в ополчение сохранялось ежемесячное денежное содержание по последней занимаемой им должности, а в случае его

инвалидности или смерти ему или его семье гарантировалась военная пенсия.

Словосочетание «добровольная мобилизация» в июльских постановлениях 1941 года можно толковать по-разному. Но в действительности имели

7 июля, когда около 140 тыс. добровольцев записали в 12 дивизий неполного состава. В 25 батальонов истребителей танков вступили 18 тыс. жителей Москвы.

По сути дела, к народным ополчениям 1941 года в ши-

Павла Ивановича Костягина¹⁸. Ряд ополченцев из командного состава 13 ДНО Ростокинско-го района Москвы были направлены для организации партизанской борьбы в тыл противника, на территорию Белоруссии¹⁹. Перечень примеров подобного рода можно продолжить. К сожалению, в середине октября 1941 года в райкомах партии Москвы из-за опасения попадания в руки врага были уничтожены июльские списки ополченцев, что в послевоенное время осложнило для выживших участников Великой Отечественной войны поиск доказательств их участия в боевых действиях.

Отдел пропаганды и агитации МГК ВКП(б) и Управление политической пропаганды МВО издали в 1941 году листовку «Товарищи народные ополченцы Великой Отечественной войны», в которой содержались такие призывы: «Товарищ ополченец! Ты встал на борьбу против вооружённого до зубов свирепого врага. Помни, враг жесток и немолчим. Победу над сильно вооружённым врагом можно одержать только при хорошем знании военного дела. Изучай оружие, которым наша страна вооружила Красную армию. В совершенстве владей винтовкой, пулемётом, гранатой, миномётом, лопатой. Чтобы каждый удар штыка, каждый твой выстрел на смерть поражал врага. Будь готов к любым лишениям, к любым трудностям, которые неизбежны во время войны. Используй каждую минуту для совершенствования своих военных знаний. Трудно в учении — легко в бою! Чем больше упорства, тем ближе победа!.. Помни, сила армии в дисциплине! Дисциплина в армии — залог победы. Приказ командира — закон. Всю свою волю мобилизуй на чёткое и

«Будь готов к любым лишениям, к любым трудностям, которые неизбежны во время войны. Используй каждую минуту для совершенствования своих военных знаний. Трудно в учении — легко в бою!»

место и добровольчество, и мобилизация коммунистов и комсомольцев. Правда, тех, кто уклонился от участия в народном ополчении, формально не причисляли к дезертирам и не преследовали по законам военного времени.

Уже к 13 ч 1 июля на заводе «Красный пролетарий» в добровольцы записались более 1000, а на «Электrozаводе» к 18 ч того же дня — 320 рабочих. 2 июля во Фрунзенском районе было подано свыше 4500, в Ленинском — 3800, в Таганском — 2700 заявлений. Всего за четыре дня (2—5 июля) от москвичей поступило 168 470 заявлений. На 35—40 проц. ополчение состояло из людей с высшим и средним образованием, что было гораздо выше образовательного уровня РККА в целом. По воспоминаниям ополченца историка А.Е. Гордона, 5 ДНО Фрунзенского района Москвы на 60 проц. состояла из коммунистов и комсомольцев. Возраст ополченцев колебался от 17 до 55 лет¹⁶. Набор в ополчение в Москве прекратили уже

роком смысле следует отнести не только собственно ДНО, но и коммунистические, рабочие полки, истребительные батальоны, отряды ПВО, боевые рабочие дружины. Кроме того, это были создавшиеся «снизу» партизанские отряды и подпольные группы, а также отряды строителей оборонительных укреплений¹⁷. Входившие в них патриоты-добровольцы не жалели сил, здоровья, да и жизни для защиты Родины. Бойцы истребительных батальонов всегда считали себя народными ополченцами и в послевоенное время собирались ежегодно на встречи ветеранов в Центральном парке культуры и отдыха Москвы — обычно 3 июля, в день, когда началось массовое формирование дивизий народного ополчения Москвы. Порой ополченцы, выйдя из окружения, в октябре—ноябре 1941 года вливались в ряды истребительных, коммунистических и рабочих батальонов столицы. Такова, к примеру, военная судьба слушателя Высшей дипломатической школы, затем дипломата

точное выполнение приказа командира. Расхлябанность, недисциплинированность — союзники врага. Сам никогда не нарушай железной воинской дисциплины и всемерно способствуй укреплению дисциплины в своей части. Помни, товарищ ополченец, что враг силён, хитёр и коварен, опытен в распространении провокационных слухов. Отрешись от благодушия и беспечности... Свято храни военную и государственную тайну, не болтай с посторонними, неизвестными тебе людьми. Задерживай подозрительных лиц, разоблачай болтунов, провокаторов и будь беспощаден к шпионам и диверсантам!»²⁰.

Научный сотрудник ГИМ Н.Д. Столова ещё в 1942—1943 гг.

сделала несколько записей, касавшихся истории ДНО Бауманского района Москвы, формирование которой началось 2—3 июля 1941 года. Она пополнилась также за счёт 300—400 добровольцев из Молотовского района столицы и 150 человек из Московской области. Ополченцев разместили в школах № 343, 350, 352. Комиссия по их приёму работала в Клубе шофёра на Ново-Рязанской улице (д. 26). Уже 9 июля дивизия отбыла в г. Химки для проведения военных занятий, а затем её перебросили под г. Дорогобуж. В записках Столовой упоминаются имена ряда народных ополченцев, в частности политрука роты истребительного батальона Манахова, капитана Фёдорова,

профессоров Кона, Лapidуса, Сергеева, Сергиенко, Файнгира²¹. Наряду с представителями научно-педагогического мира воинами 7 ДНО стали многие квалифицированные рабочие (слесари, токари, фрезеровщики и др.). На двух фотографиях зафиксирована поездка в Дорогобуж 3 октября 1941 года делегации Бауманского района Москвы для вручения знамени 7 ДНО²². С этим знаменем её 1-й полк вскоре сумел выйти из окружения, в котором оказался 6 октября 1941 года.

Записи Столовой содержат также информацию о 16-м истребительном батальоне Бауманского района Москвы, которым командовал майор Нагасов, а комиссаром был Сибельдин. В этот батальон

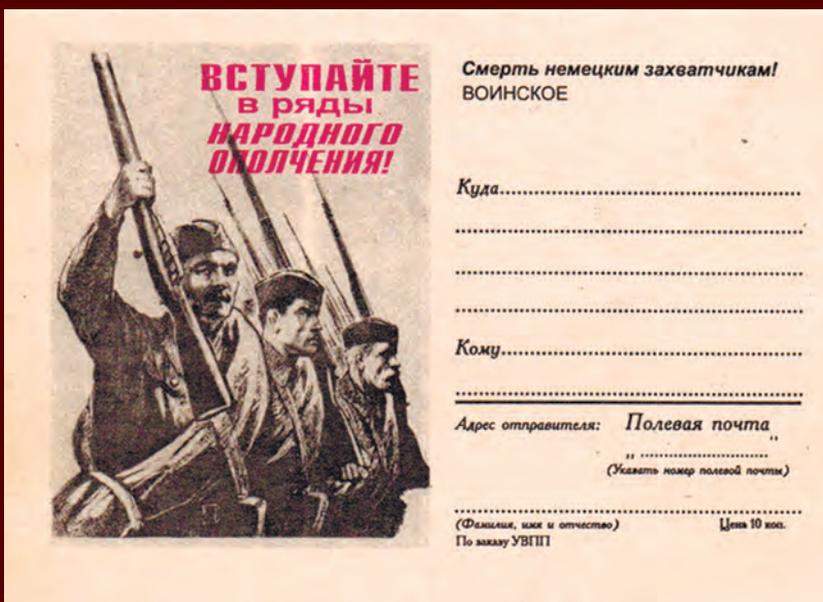
Маршируют народные ополченцы
1941 г.

Ополченцы на строительстве оборонительных укреплений под Москвой в августе 1941 г.

Художник А.С. Жаренов
НА ИРИ РАН

Открытка для воинского письма (1941 г.)

Ополченцы-артиллеристы

Художник А.С. Жаренов
НА ИРИ РАН

перевели часть народных ополченцев из 7 ДНО перед отправкой её на фронт²³. В октябре 1941-го 16-й истребительный батальон, вошедший в состав 4-го Московского стрелкового рабочего полка, занял боевые позиции на линии обороны: село Крылатское, дер. Татариново, Кунцево. Сегодня об этом напоминают название Рубежного проезда и скромный камень в Крылатском (на пересечении Рубежного проезда с Рублёвским шоссе). После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой батальон в феврале 1942 года перебросили на фронт в село Новоникольск около посёлка Нелидово (Калининская область). Там героически сражался красноармеец А. Ильин. Отправленный в разведку, получив ранение в спину, он продолжил вести бой, за что был удостоен ордена Красной Звезды²⁴.

10 декабря 1943 года археолог Д.А. Крайнов, бывший до ухода в народное ополчение сотрудником ГИМ, направил письмо с фронта с боевым приветом директору музея Анне Самойловне Карповой. Археолог проинформировал её о своих мытарствах после окружения под г. Спас-Деменском, в окрестностях которого безоружные и голодные ополченцы из Ленинского района Москвы бродили пять дней, пока не попали в немецкий плен. Под Смоленском, воспользовавшись вьюгой, Д.А. Крайнов смог совершить побег из кратковременного пленения, потом (при попытке пробраться к Москве) он опять был пленён и снова бежал: недалеко от Гомеля он на ходу выпрыгнул из эшелона с советскими военнопленными, сильно повредив ногу. Какое-то время до прихода наших Д.А. Крайнов работал в Театре русской драмы в г. Клинцы на Брянщи-

не. Затем опять добровольно вступил в Красную армию. На тот момент автор письма, обладавший хорошими слухом и голосом, находился в составе дивизионного ансамбля красноармейской самодеятельности, а в свободное время писал сатиры, стихи и частушки на злободневные темы. Его сатира в трёх действиях «Пирог и пышки, синяки и шишки» была основана на материалах одного из докладов И.В. Сталина²⁵. Однако вскоре Д.А. Крайнова арестовали и осудили на десять лет исправительно-трудовых лагерей, из которых он был освобождён лишь в начале 1950-х годов.

Из стенограммы беседы с ведущим макетно-муляжным кабинетом ГИМ Мстиславом Васильевичем Городцовым (1896—1968), участником Первой мировой и Гражданской войн (в качестве кавалериста-подрывника), можно узнать, что в привлечении людей (в том числе беспартийных) к участию в народном ополчении большую роль играли партийные организации и райкомы партии²⁶. При этом М.В. Городцов, отравленный на фронте ещё в 1916 году и контуженный при ликвидации Антоновщины, будучи белобилетником (проблемы со слухом и ногами) и освобождённым от воинской обязанности, во время пеших маршей передвигался с большим трудом, постоянно отставая от остальных ополченцев. По его воспоминаниям, в ДНО Ленинского района командирами взводов нередко назначали без изучения документов о военном опыте ополченцев, и в таких условиях бывший писарь времён Первой мировой войны мог сразу стать взводным командиром. Первоначально для ополченцев организовывали только строевую подготовку, причём на пятерых выдавали лишь одну устаревшую или

учебную винтовку²⁷. Их военная подготовка продолжилась в лесу у станции Толстопальцево, где был устроен лагерь в шалашах. Поскольку Мстислав Васильевич не очень хорошо передвигался на ногах, ему во время учений приходилось, сидя в кустах, изображать неприятеля. Тогда ополченцам довелось один раз сражаться с вражескими диверсантами. В районе г. Спас-Деменска М.В. Городцова после врачебного осмотра исключили из рядов ополчения, и он вернулся в ГИМ. Завершая свои воспоминания, М.В. Городцов констатировал: «Состав дивизии ополченческой был разношёрстный. Слишком большая разница была в возрастах. И, пожалуй, лучше было бы, если бы личный состав был разбит по возрастным признакам и по роду оружия, если бойцы ополчения раньше служили в армии. Младший командный состав дивизии находился, безусловно, не на должной высоте. И я сомневаюсь, чтобы они могли мало-мальски управлять подразделениями во время боя»²⁸.

Согласно воспоминаниям начальника артиллерии 8 ДНО полковника Д.А. Юревича, записанным 8 февраля 1945 года, ополченцам в июле 1941 года первоначально выделили польские винтовки без ремней и небезопасные в обращении гранаты польского производства, а также наставления по обучению стрельбе из французских 77-мм пушек. Позже, после получения советских 76-мм пушек выпуска 1929—1930 гг., артиллеристам пришлось переучиваться²⁹. Такая же ситуация была характерна и для обеспечения других ополченских формирований. По свидетельству политработника 9 ДНО Москвы М.Э. Фидельмана, ополченцам досталось устаревшее разнокалиберное

оружие времён Первой мировой войны: бельгийские, немецкие («Маузер»), польские («Бердан»), русские, финские, французские («Лебель») винтовки; французские пушки; ручные пулемёты систем «Браунинг» и «Кольт» старых образцов³⁰. В ряде ополченских частей имелись также 55-мм и 82-мм миномёты³¹.

Однако практически ни одно из ополченских формирований Москвы 1941 года не было обеспечено полным боекомплектом, транспортом, средствами связи, обмундированием и шанцевым инструментом³². Комиссар 2-го батальона 30-го полка 13 ДНО Москвы Д.Ф. Медведев, тяжело раненный в боях под Вязьмой в октябре 1941 года, в 1947-м вспоминал: «Людей хороших много было. Досадно, что оружия не было, не было противотанковых средств. Если бы были противотанковые средства, эти люди, несмотря на то, что они мало подготовлены, делали бы чудеса. Душа у них была замечательная. Люди были замечательные, но беда в том, что у нас даже винтовок хороших не было. Вооружение было плохое, не было противотанковых гранат»³³.

В Институте философии АН СССР, по воспоминаниям профессора-философа Б.Г. Сафронова, сформировали артиллерийский расчёт во главе с директором академиком Б.М. Кедровым, а его жена — научный сотрудник Биохимического института имени А.М. Баха Т.Н. Ченцова, также добровольно вступившая в народное ополчение, — была назначена подносчицей снарядов³⁴.

Новоиспечённых артиллеристов нужно было в кратчайшие сроки обучить стрельбе с закрытых позиций и прямой наводкой, а также быстрой установке орудий на позици-

ях. Но сами пушки поступали в части народного ополчения с опозданием, а на основе текстов одних лишь наставлений обучиться стрельбе было невозможно. Тогда находчивые философы-ополченцы соорудили бутафорское орудие из берёзовых брёвен.

Если потребности дивизий народного ополчения в высшем и среднем командном составе удалось в основном удовлетворить за счёт кадровых военных, то гораздо хуже

жизни... Программа подготовки предусматривает занятия по изучению материальной части оружия, средств связи, инженерного дела. Много внимания уделяется тактике — действиям в разведке и охране, искусству наступления, обороны, встречного боя. Намечено провести несколько специальных занятий, чтобы ознакомить ополченцев с методами борьбы против вражеских диверсантов и парашютистов. Вся учёба ведётся

столь же откровенно признала: «На оборонительных рубежах (Сычѳвка, Андреевский район) дивизия работала по 11 ч в сутки и проделала большую работу. Обучение не проводили и к боевым действиям не готовились». Понадобилось вмешательство райкома партии, МГК ВКП(б) и даже ЦК ВКП(б), чтобы ополченцы 4 ДНО в августе приступили наконец к военной подготовке.

В ответ на критические замечания 3 августа 1941 года (видимо, по указанию командующего войсками МВО генерал-лейтенанта П.А. Артемьева) газета «Красный воин» опубликовала несколько материалов об обучении народных ополченцев военному делу: «Из-за бугра мчится танк “противника”. Медленно поворачивается башня, выискивая цель. Грозно нацелилась пушка. Вот-вот грянет орудийный выстрел. Но в это мгновение ополченец Юдаков, приподнявшись из небольшого окопчика, метко бросает гранату на башню танка. Так тренируются бойцы народного ополчения подразделения тов. Егорова в истреблении танков и гранатометании. В подразделении уже выявилась целая группа метких гранатомѳтчиков. Ополченец Ошарин бросает гранату точно в цель на расстоянии 45 м. Иванов и Ежов — на 40 м» (старший политрук Н. Сорокин); «Успешно идёт учёба в нашем подразделении народного ополчения. Бойцы проходят огневую подготовку, осваивают оружие, готовятся к решительным боям. За время пребывания в части я изучил материальную часть ручного пулемѳта и научился метко метать гранаты. Систематическая тренировка в гранатометании вырабатывает меткость и ловкость. В настоящее время я с гордостью заявляю, что смогу без промаха поразить враже-

В Институте философии АН СССР сформировали артиллерийский расѳѳт во главе с директором академиком Б.М. Кедровым, а его жена — научный сотрудник Биохимического института имени А.М. Баха Т.Н. Ченцова, также добровольно вступившая в народное ополчение, — была назначена подносчицей снарядов

обстояли дела с младшими командирами, стоявшими во главе взводов и отделений. Да и недавние выпускники военных училищ не имели ни боевого, ни практического опыта. А ведь они непосредственно должны были воздействовать своим примером и увлекать ополченцев в бой. Кроме того, ополченцев не успели даже обучить как следует военному делу. 9 июля 1941 года газета «Красная звезда» опубликовала содержание беседы своего корреспондента с начальником штаба ДНО Свердловского района Москвы, который с излишним оптимизмом сообщил: «Прежде всего, мы стремимся приучить ополченцев к условиям суровой походной

ускоренными темпами, ни одна минута не пропадает зря»³⁵. Возникает риторический вопрос: разве можно было всё это осуществить в течение пяти дней с начала формирования народного ополчения, да ещё и в условиях Москвы?!

Секретарь же Куйбышевского райкома партии Москвы Н.М. Шахова в отѳѳте от 21 сентября 1942 года честно написала: только «с 8 июля 1941 г. дивизия начала заниматься военным обучением, главным образом строевой подготовкой»³⁶.

Речь идёт о 4 ДНО, которую в ночь на 12 июля отправили на строительство оборонительных сооружений вообще без оружия. Далее Н.М. Шахова

(1-я стрелковая дивизия)³⁹. Ополченец 8 ДНО П.М. Якобсон признавал в апреле 1944 года: «Плохо мы воевали потому, что нас плохо учили... Наш полковник был такого партизанского склада характера и не мог заставить людей учиться, и мы стреляли очень плохо. Из 160 человек только 4 человека попали три раза из 42 в мишень»⁴⁰. Такими слабыми результатами в боевой подготовке народных ополченцев, недокомплектом вооружения и личного состава дивизий были крайне недовольны генералы Г.К. Жуков и И.И. Федюнинский. Лишь в подмосковных лагерях после 10—12 июля народных ополченцев стали более интенсивно обучать штыковому бою, стрельбе, метанию гранат⁴¹.

Часть дивизий народного ополчения Москвы в июле—

организованы в стрелковые дивизии неполного состава. Переименование не привело, однако, к качественному улучшению их снабжения обмундированием, оружием и боеприпасами. В таком неподготовленном к боевым действиям виде эти дивизии и бросили в начале октября 1941 года в бой под Вязьму и Ельню. Итог известен: большинство бывших ополченцев, ставших одним росчерком пера воинами Красной армии, погибли, скончались от ран либо попали в плен. А их родственники получили скудные и холодные официальные извещения: «Ваш муж (сын) пропал без вести».

И сгинувших бесследно в огне войны, и попавших в плен советская власть считала «пропавшими без вести». Их вдовы и дети не пользовались никакими льготами.

ских лагерей на территории Польши и там захороненных в братских могилах. Среди этих материалов оказалось и личное дело пленного офицера-ополченца 8 ДНО, бывшего начальника железнодорожной станции Загорск (ныне г. Сергиев Посад) Сергея Ивановича Захарова (1892—1942). В его деле, как и в делах других военнослужащих, оказавшихся в фашистском плену, сохранилось немало данных: место и дата рождения, гражданская профессия, воинское звание и воинская часть, домашний адрес, семейное положение, имя, отчество и фамилия жены. Была зарегистрирована и точная дата гибели — 16 октября 1942 года, когда Захарову едва исполнилось 50 лет⁴³.

Как специалисту-железнодорожнику Сергею Ивановичу, находившемуся уже в годах, страдавшему от язвенной болезни желудка, никогда ранее не воевавшему, присвоили в ополчении офицерское звание воентехника 1 ранга, соответствовавшее званию старшего лейтенанта. Он, видимо, отвечал за снабжение своего 1301-го полка вооружением и боеприпасами, о чём свидетельствуют воспоминания других ополченцев, в частности Б.И. Гущина из 9 ДНО Кировского района⁴⁴. Служить С.И. Захаров попал во 2-й (затем переименованный в 23-й, а позже в 1301-й) стрелковый полк 8 ДНО Краснопресненского района Москвы. О том, что в состав этой дружины входил батальон ополченцев из Загорска, вспоминал 8 февраля 1945 года полковник Д.А. Юревич (в 1941-м — начальник артиллерии 8 ДНО)⁴⁵.

Артиллерист 975-го артполка 8 ДНО, впоследствии профессор, многолетний сотрудник Института истории СССР АН СССР В.А. Дунаевский, отме-

Лишь в подмосковных лагерях после 10—12 июля народных ополченцев стали более интенсивно обучать штыковому бою, стрельбе, метанию гранат

августе 1941 года занималась строительством оборонительных сооружений Можайской линии обороны, а также уборкой урожая в колхозах. Такое отвлечение сил ополченцев отрицательно сказалось на их боевой подготовке. Об этом писал в мемуарах политрук А.С. Жаренов, художник «Мосфильма» (всё это проиллюстрировав зарисовками ещё на войне)⁴².

В сентябре де-юре (но не де-факто) московское ополчение на время прекратило своё существование: добровольные народные дружины были ре-

Только 22 июня 2001 года, в день 60-летия вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, на историко-документальной выставке «Мы победим?!», проводившейся в Выставочном зале федеральных архивов и посвящённой этой скорбной дате, организация «Военные мемориалы» продемонстрировала посетителям результаты своей патриотической работы. Это была электронная база данных на советских офицеров, в т.ч. из московских дивизий народного ополчения, ставших узниками фашист-

чал в своих воспоминаниях «О прошедшем»: «Если присоединившиеся к нам добровольцы из Воскресенского, Загорского, Коломенского, Ногинского, Подольского, Солнечногорского районов Московской области были люди достаточно закалённые, многим московским ополченцам, в частности, некоторым студентам, было тяжело, хотя стенаний ни от кого мне слышать не приходилось»⁴⁶. Об этом же сообщал и ветеран этой дивизии Ю.М. Пошеманский, выпустивший книгу очерков об однополчане «Солдаты Красной Пресни». В ней говорится о зачислении в дивизию жителей Подмосковья (в том числе Загорского района)⁴⁷. В книгу Ю.М. Пошеманского включена и составленная полковником Н.Г. Домницким историческая справка о боевом пути 8 ДНО⁴⁸.

Штаб формирования дивизии находился на ул. Заморенова, д. 29, и в Стрельбищенском переулке, д. 14. Сбор ополченцев проводился в основном в средних школах № 93, 89, 95, 105, а 2-й полк разместился в школах № 83, 101. 8 ДНО Краснопресненского района Москвы отличалась по своему составу. Вместе с рабочими «Трёхгорки», металлического завода «Красная Пресня», вагоноремонтного завода в состав 8 ДНО сражаться с фашистами отправился цвет столичной интеллигенции. В дивизию входили роты, неофициально именовавшиеся «писательской», «научной» и «актёрской». В первой служили члены Союза писателей СССР, вторая состояла из профессоров, преподавателей и студентов МГУ имени М.В. Ломоносова, ещё две роты сформировали из музыкантов Московской консерватории (в т.ч. из Квартета имени Л. Бетховена), артистов Театра Революции и др. Отме-

Знак ветерана 8-й дивизии народного ополчения Москвы

тим, что на 80 проц. дивизия состояла из людей с высшим и средним образованием.

На фронт пытались уйти также Давид Ойстрах и Эмиль Гилельс, но получили отказ. В «актёрскую» роту 8 ДНО записался будущий драматург, а тогда молодой актёр Виктор Розов. Скульптор Евгений Вучетич стал рядовым 13 ДНО Ростокинского района. В ополчение ушли писатели Василий Гроссман, Александр Бек, Юрий Лебединский и др. Среди них был и доброволец, один из основателей журнала «Огонёк» Ефим Давыдович Зозуля (1891—1941). Два месяца он прослужил в артиллерийской части одной из ДНО, а затем стал военным корреспондентом газеты 31-й армии «Иду на врага» (скончался от ран в госпитале в г. Рыбинске)⁴⁹.

Писатель Эммануил Казакевич, будучи признанным негодным к военной службе (по зрению), записался в народное ополчение, участвовал в боях,

работал военным корреспондентом, позже (в июне 1943 г.) самовольно уехал из запасного полка на фронт, за что даже находился под следствием. Его боевая биография честно отражена в одном из писем жене: «Вот итог за три года и один месяц: я совершил не менее пяти подлинных подвигов; в самые трудные минуты был весел и бодр; и подбадривал других; не боялся противника; не лебезил перед начальством; не старался искать укрытия от невзгод, а шёл им навстречу и побеждал их; любил подчинённых и был любим ими; оставался верен воспоминаниям о тебе и двух детских жизнях — нашей плоти; сохранял юмор, веру и любовь к жизни во всех случаях; был пять раз представлен к награждению орденами и получил пока только один орден; из рядового стал капитаном; будучи почти слепым, был прекрасным солдатом и хорошим разведчиком; не использовал своей профессии писателя и плохое зрение для устройства своей жизни подальше от пуль; имел одну контузию и два ранения»⁵⁰.

6 июля в ряды народного ополчения Москвы вступил один из основоположников теоретической космонавтики Александр Игнатъевич Шаргей (1897—1942), автор книги «Завоевание межпланетных пространств» (Новосибирск, 1929), вынужденный после Гражданской войны скрываться под чужим именем — Юрий (Георгий) Васильевич Кондратюк, с которым он и вошёл в историю мировой науки и техники. Учёный погиб в одном из боёв в феврале 1942 года на территории Калужской области.

В боях под Ельней и Наро-Фоминском участвовал 49-летний московский ополченец, юрист по специальности, Михаил Васильевич Косаткин,

Памятник добровольцам 3-й Фрунзенской дивизии народного ополчения Москвы

который воевал на стороне красных ещё в период Гражданской войны⁵¹.

Формирование 8 ДНО, как и других ополченских дивизий Москвы, шло исключительно быстро. К 7 июля 1941 года дивизия была в основном создана и насчитывала в своём составе 5334 человека⁵². Облегчил её формирование подбор опытных кадров: командиром дивизии был назначен комбриг Д.П. Скрипников, начальником штаба — полковник Ф.П. Шмелёв, начальником артиллерии — подполковник Д.А. Юревич, заместителем командира дивизии по тылу — С.С. Златолин, начальником продовольственного снабжения — Д.Д. Плужников, заместителем начальника политотдела — член партии с 1924 года Н.И. Соколов. Командиром 2-го полка стал полковник А.Я. Потапов, его заместителем по политической части — преподаватель университета батальонный комиссар М.И. Стишов⁵³. Это был круг тех людей, с которыми общался или выполнял их задания в июле—начале октября 1941 года воентехник 1 ранга С.И. Захаров. Те из них, кому посчастливилось

выжить, оставили свои воспоминания. Они помогают сегодня восстановить боевой путь ДНО и воскресить образы погибших⁵⁴.

Наглядно представляешь себе, как, выдав одну винтовку на семерых, необученных ополченцев 2-го полка 8 ДНО направили 10 июля 1941 года из Москвы на краткосрочную военную подготовку в район Бузланово — Никольское — Урюпино по Волоколамскому шоссе. Об этом С.И. Захаров успел сообщить в письме домой (к сожалению, не сохранилось). Помимо краткого текста в нём имелся схематичный рисунок семерых шагающих ополченцев, и лишь у одного из них на плече — ружьё⁵⁵.

Военная подготовка ополченцев оставляла желать лучшего. Начальник артиллерии 8 ДНО полковник Д.А. Юревич вспоминал: «Возрастной состав был пёстрый — и старики, и молодёжь, и студенты, и профессора. Но все очень добросовестно относились ко всякому делу, например, к началу занятий, и никаких жалоб не было, все были очень дисциплинированы. Но, конечно, недостаток был тот, что состав

был мало обучен»⁵⁶. В ходе боевой учёбы выяснилось, что для некоторых бойцов, особенно старших возрастов, нагрузки оказались не под силу. Пришлось отправлять их в Москву. В числе отчисленных из полка С.И. Захаров не значился. Он продолжал свой боевой путь, хотя по возрасту и целому букету хронических заболеваний мог бы воспользоваться случаем и вернуться домой⁵⁷.

8 июля 1941 года был подписан приказ Ставки Главного Командования (ВГК) № 00409 «О формировании фронта Можайской линии обороны». В состав фронта включались три армии — 32, 33 и 34-я, в которые вошли десять дивизий народного ополчения⁵⁸. 8 ДНО включили в 33-ю армию. Уже 20 июля приказом командующего войсками МВО 8 ДНО была направлена на строительство Можайской линии обороны. 2-й полк эшелоном прибыл на станцию Дорохово, а затем через Рузу пешком — к месту назначения. Ополченцы приступили к сооружению оборонительного рубежа к западу от Рузы, по линии Деменцево — Кривоногово — Милетино — Хотилово. Штаб же дивизии размещался в лесу около дер. Настасьино⁵⁹. Пришлось ополченцам осваивать новые специальности, строить и оборудовать инженерные заграждения, огневые позиции и укрытия. Замполит полка батальонный комиссар М.И. Стишов вспоминал: «Работать приходилось много (говорю без преувеличения) от зари до зари с небольшими перерывами на завтрак, обед и ужин. Так что чистых рабочих часов получалось не меньше 15 в сутки»⁶⁰. Времени на военную подготовку практически не оставалось. Об этом же писали и другие однополчане С.И. Захарова. В частности, читаем слова ополченца П.М. Якобсона в стенограмме

воспоминаний, записанных в 1944 году представителями Комиссии по составлению хроники Великой Отечественной войны: «Стрелять нас почти не учили, учили только теории стрельбы»⁶¹.

От рядового до генерала все понимали эту ситуацию. Заместитель Верховного главнокомандующего Вооружёнными силами СССР — первый заместитель наркома обороны СССР генерал армии Г.К. Жуков в докладной записке от 7 августа 1941 года в Народный комиссариат обороны СССР сообщал: «32 и 33-я армии, состоящие из 10 дивизий народного ополчения, прибывшие в состав Резервного фронта, имеют очень много недостатков... 1. В дивизиях имеется много совершенно не обученных и не умеющих даже владеть винтовкой; 2. Дивизии не довооружены, а имеющееся вооружение — разных систем. В части засылаются боеприпасы других калибров»⁶². Определённые шаги в деле повышения боеспособности дивизий народного ополчения были сделаны, но времени уже не было. Враг рвался к Москве.

В соответствии с приказом Ставки Верховного Командования от 30 июля 1941 года № 00583 «О формировании Резервного фронта» 8-я стрелковая ДНО передавалась в состав 32-й армии, которой было приказано: «Армию походом сосредоточить в районе Вязьмы и к утру 4.08.1941 г. занять рубеж Богородицкое, Лысово, Подрезово, Панфилово, Годуновка, Штарм — Вязьма»⁶³. В тот же день 8-й дивизии и трём стрелковым полкам были вручены боевые знамёна и грамоты Краснопресненского РК ВКП(б). При получении боевых знамён личный состав дивизии привели к присяге⁶⁴.

4 августа 8 ДНО перебросили на Ржевско-Вяземскую линию

обороны, в район Семлево⁶⁵. Там же была создана походная школа младших командиров. Воентехники 1 и 2 рангов приступили к их обучению. Опять начали строительство нового оборонительного рубежа. В соответствии с решением ГКО все дивизии народного ополчения с 1 сентября были переформированы в стрелковые дивизии. Нумерация дивизий сохранялась прежней, а вот их частей и подразделений — была изменена. В частности, 2-й (23-й) полк стал 1301-м стрелковым полком. 26 сентября 1941 года на основании директивы наркома обороны все дивизии народного ополчения Москвы были включены в состав регулярных войск РККА со снятием названия «народного ополчения»⁶⁶.

С 3 сентября 1941 года 1301-й полк 8-й стрелковой дивизии занимал оборону по восточному берегу Днепра на рубеже Благовещенское — Милоселье — Болдино. Днём и ночью шла работа по созданию ротных опорных пунктов, противотанковых рвов и других препятствий. Однако вступить в бой на этих рубежах ему не пришлось. К вечеру 3 октября фашисты прорвали полосу обороны фронта и вклинились в неё на глубину 80 км. Перегруппировка частей 8-й дивизии в новый район обороны проходила комбинированным способом. 1303-й стрелковый полк выехал туда на машинах, а 1301-й выдвигался пешим порядком. В ночь на 3 октября подразделения 8 ДНО на автомашинах выехали на юг по маршруту Жевлаки — Ленкино — Торжок — Уварово⁶⁷. Утром 4 октября в предрасветном тумане несколько батальонов 1301-го и 1303-го полков вступили в бой. За один только день ополченцы потеряли до половины личного состава. Не хватало ни

снарядов, ни бутылок с зажигательной смесью, приходилось сражаться врукопашную. Информация об этих боях, героизме и самоотверженности красноармейцев и командиров 8-й дивизии отражены в стенограммах бесед сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны с С.П. Толстовым, Д.А. Юревичем, П.М. Якобсоном⁶⁸, а также в воспоминаниях П.И. Сараева и Н.И. Соколова⁶⁹.

Ополченцы не только защищали свои позиции до последнего патрона, но и сами переходили в атаку. Так действовали бойцы 1301-го полка в районе населённого пункта Зубово: отразив атаку немцев, они контратакой выбили противника с занимаемого рубежа. К исходу 4 октября в полку осталось около 350 бойцов и командиров⁷⁰. К вечеру 6 октября фашистские танки и пехота расчленили остатки 8-й дивизии и стали окружать ополченцев, которые организовали круговую оборону. Но силы были неравные. Часть ополченцев погибла на поле боя, многие попали в плен.

Несмотря на недостаточную военную подготовку и нехватку оружия и боеприпасов, рядовые бойцы и командиры московских ополченских формирований храбро сражались осенью 1941 года с превосходящими и хорошо обученными частями вермахта на подступах к Москве, под Ельней и Вязьмой. А часть народных ополченцев столицы, ставших бойцами, командирами и политработниками регулярных частей Красной армии, участвовала в Сталинградской битве 1942—1943 гг. и дошла с боями до Берлина в победном мае 1945 года. Готовясь отметить четвёртую годовщину со дня создания соединения, командование 60-й стрелковой Севско-Варшавской Крас-

нознамённой ордена Суворова дивизии, сформированной на основе ДНО Ленинского района Москвы, 26 июня 1945 года

передало боевой привет трудящимся родного района. Как подчёркивалось в документе, «наше знамя участвовало на

параде Победы в Москве»⁷¹. И погибшие, и выжившие ополченцы внесли свой вклад в Великую Победу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 452. Оп. 1. Д. 186, 217; Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 — январе 1942 г. / Сост. Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев. М.: Московский рабочий, 1978; Материалы Великой Отечественной войны в фондах ЦГАЛИ СССР / Обзор Н.Б. Волковой // Встречи с прошлым. Вып. 6. М.: Советская Россия, 1988. С. 451, 452.

² Авторы выражают признательность заведующему Научным архивом Института российской истории РАН кандидату исторических наук К.С. Дроздову и сотруднику архива П.В. Куликовой за помощь в работе над материалом.

³ См.: Курносоев А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны (Организация и методика собирания) // Археографический ежегодник. 1973 г. М.: Наука, 1974; Левшин Б.В. Деятельность комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // История и историки. М.: Наука, 1976; Документальные памятники: выявление, учёт, использование: Учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений / Под ред. С.О. Шмидта. М.: Высшая школа, 1988. С. 148, 149; Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг.: коллективная монография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

⁴ См. публикации документов: Народное ополчение Москвы. М.: Московский рабочий, 1961; Москва — фронту. М.: Наука, 1966; Москва — фронту. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. М.: Издательство объединения «Мосгосархив», 1995. С. 273—287; Колесник А.Д. Народное ополчение городов-героев. М.: Наука, 1974. С. 100—204; он же. Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1988; Вишняков Б.М., Ткаченко Г.Н. Ополченцы в боях за Родину.

М.: Б.и., 1981; Добров П.В., Колесник А.Д., Куманёв Г.А., Пашко Я.Е. Народное ополчение защищает Родину. М.: Наука, 1990; Слухай И.А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. М.: Патриот, 2013; он же. «Я с вами равный среди равных...». Бессмертный подвиг московских ополченцев. Московский журнал. Приложение. М.: Б.и., 2016; Каримов В.И. Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. М.: Планета, 2016; он же. Они отстояли Москву. По зову сердца, по велению совести. М.: Планета, 2017; Павленко П.П. Они отстояли Москву. Навечно в памяти. М.: Планета, 2017; Смыслов О.С. Житейская правда войны. М.: Вече, 2014; Будницкий О.В. Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3—20.

⁵ Ряд материалов для данной публикации почерпнуты авторами начиная с середины 1970-х гг. из встреч и бесед с московскими народными ополченцами (в частности, с известным драматургом В.С. Розовым, профессором-историком В.А. Дунаевским, профессором-философом А.П. Серцовой и др.) и вдовой одного из офицеров 8 ДНО Москвы М.В. Захаровой. См.: Владимир Аронович Дунаевский. Библиография трудов. 1949—1994 / Сост. А.П. Богданов. М.: Б.и., 1994. С. 5; Дунаевский В.А. О том, что не забываем // В годы войны. Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 52—58; Розов В.С. В московском ополчении. М.: Родина, 2020.

⁶ Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ед. хр. 30. № 350. 1. Т. 30.

⁷ В боях за родину. М.: Б.и., 1942. С. 7—10.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Там же. С. 80—87.

¹⁰ НА ИРИ РАН. Ед. хр. 30. № 350.1. Т. 30.

¹¹ Там же. Ф. 2. Разд. I. Оп. 14. Д. 3. Л. 1—282.

¹² Там же. Л. 51—55, 80—81.

¹³ Москва — фронту. С. 120—122; Ополчение на защите Москвы... С. 29—31.

¹⁴ Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. С. 261, 262.

¹⁵ См.: Правда. 1941. 3 июля.

¹⁶ Гордон А.Е. Московское народное ополчение 1941 года глазами участника // Отечественная история. 2001. № 3. С. 159; Кикнадзе В.Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма. М.: Прометей, 2021. С. 502.

¹⁷ См.: Моисеев В.В. Гражданская оборона в 1941—1945 годах // Вопросы истории. 1982. № 10. С. 76—85; Пушкарёв Л.Н. Участие воинов-добровольцев в обороне Москвы в 1941 г. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 131—135.

¹⁸ Карпов Г.Д., Серцова А.П. Москва устояла. 1941. История и судьбы людей. М.: ИД Рекламный мир, 1996. С. 221.

¹⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. X. Д. 6424. Л. 1—2.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Д. 185. Л. 65.

²¹ Там же. Л. 62—63.

²² Там же. Л. 59—60.

²³ Там же. Л. 63.

²⁴ Там же. Л. 63 об.

²⁵ Там же. Л. 55—57.

²⁶ Там же. Л. 47—54.

²⁷ Там же. Л. 48—49.

²⁸ Там же. Л. 53.

²⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. I. Оп. 45. Д. 5. Л. 2.

³⁰ Там же. Ф. 1. Разд. I. Оп. 70. Д. 5. Л. 1.

³¹ Воспоминания начальника штаба и командира 1-го батальона 3-го полка 8-й ДНО Москвы П.И. Сараева «Незабываемый 1941 год». См.: Там же. Ф. 2. Разд. I. Оп. 45. Д. 8. Л. 8, 10.

³² Селихов В.А. Они ушли в бессмертие. Ополченцы защитили Москву. М.: Б.и., 2021. С. 50—53.

³³ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. X. Д. 6424. Л. 5.

³⁴ Карпов Г.Д., Серцова А.П. Указ. соч. С. 195.

³⁵ См.: Красная звезда. 1941. 9 июля.

³⁶ См.: Ополчение на защите Москвы. М.: Московский рабочий, 1978. № 45. С. 78.

³⁷ См.: Красный воин. 1941. 3 августа.

³⁸ Ополчение на защите Москвы. М.: Московский рабочий, 1978. № 91. С. 147, 148.

³⁹ См.: Вашкевич В.Р. Формирование и боевая подготовка дивизии // Народное ополчение Москвы.

- М.: Московский рабочий, 1961. С. 57—65; *Воробьев Я.С.* Боевая учёба // Там же. С. 48—56.
- ⁴⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. I. Оп. 45. Д. 4. Л. 2.
- ⁴¹ Там же. Оп. 14. Д. 10. Л. 8.
- ⁴² *Жаренов А.С.* Фронтовые записи 1941—1945 гг. (Рукопись, машинопись, 1947 г.) // Там же. Д. 11. Л. 43. При публикации мемуаров часть материалов автора не была напечатана. См.: он же. Братство фронтовое. М.: Московский рабочий, 1982.
- ⁴³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. Картотека военнопленных офицеров. С.И. Захаров.
- ⁴⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. I. Оп. 70. Д. 2. Л. 4—5.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 45. Д. 5. Л. 2 об.
- ⁴⁶ Из воспоминаний профессора В.А. Дунаевского «О прошедшем» // Москва военная. 1941—1945... С. 282.
- ⁴⁷ *Пошеманский Ю.М.* Солдаты Красной Пресни. М.: Московский рабочий, 1984. С. 19.
- ⁴⁸ *Домницкий Н.Г.* 8-я Краснопресненская. Боевой путь (историческая справка) // *Пошеманский Ю.М.* Указ. соч. С. 5—15.
- ⁴⁹ *Ефимов Б.Е.* Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил. М.: Вагриус, 2000. С. 46, 47.
- ⁵⁰ Литературное наследство. Т. 78. Кн. 2. М.: Наука, 1966. С. 464, 465; Материалы Великой Отечественной войны в фондах ЦГАЛИ СССР... Вып. 6. С. 451, 452.
- ⁵¹ 100 владимирских краеведов. Владимир: Б.и., 2010. С. 79.
- ⁵² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. I. Оп. 45. Д. 2. Л. 1.
- ⁵³ *Слухай И.А.* Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. С. 149, 150.
- ⁵⁴ Воспоминания т. Соколова Н.И., зам. начальника политотдела 8-й Краснопресненской ДНО. См.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. I. Оп. 45. Д. 3; Стенограмма беседы с батальонным комиссаром М.И. Стишовым. См.: Там же. Д. 1; *Стишов М.И.* Формирование и боевой путь 8-й Краснопресненской ДНО (Воспоминания). См.: Там же. Д. 7; Стенограмма беседы с командиром взвода топографической разведки 975 артополка 8-й Краснопресненской ДНО т. Толстовым С.П. См.: Там же. Д. 6; Стенограмма беседы с начальником артиллерии 8-й ДНО Краснопресненского района полковником Юревичем Д.А. См.: Там же. Д. 5; Стенограмма беседы с ополченцем Краснопресненской 8-й дивизии народного ополчения т. Якобсоном П.М. См.: Там же. Д. 4. Дополняют эти источники: Воспоминания Г.Г. Чёрного. См.: Архив Государственного музея обороны Москвы. Фонды 8-й ДНО. Инв. № 2424/12; Воспоминания Р.А. Савковой. См.: Там же. Инв. № 3717/1; Воспоминания К.К. Орловой. См.: Там же. Инв. № 5103 н/в; Воспоминания В.И. Мавриной. См.: Там же. Инв. № 6446 н/в; Воспоминания К.И. Батраевой. См.: Там же. Инв. № 5432/7.
- ⁵⁵ Информация получена в 1970-х гг. от вдовы С.И. Захарова — М.В. Захаровой.
- ⁵⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. I. Оп. 45. Д. 5. Л. 2.
- ⁵⁷ Там же. Л. 3.
- ⁵⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16. М.: ТЕРРА, 1996. С. 78.
- ⁵⁹ *Домницкий Н.Г.* Указ. соч. С. 6, 7.
- ⁶⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. I. Оп. 45. Д. 7. Л. 8.
- ⁶¹ Там же. Д. 4. Л. 2.
- ⁶² Шли на фронт добровольно: о народном ополчении языком документов / Публ. В.В. Черепанова // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 12.
- ⁶³ *Слухай И.А.* Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. С. 152.
- ⁶⁴ Полковник А.Я. Потапов, выйдя с группой бойцов из окружения, вынес знамя 1301-го стрелкового полка. См.: Там же. С. 156.
- ⁶⁵ *Домницкий Н.Г.* Указ. соч. С. 8.
- ⁶⁶ Московская битва в хронике фактов и событий. М.: Воениздат, 2004. С. 129, 139.
- ⁶⁷ *Домницкий Н.Г.* Указ. соч. С. 10, 11.
- ⁶⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. I. Оп. 45. Д. 6. Л. 5—14; Д. 5. Л. 5—7; Д. 4. Л. 2.
- ⁶⁹ Там же. Д. 8. Л. 10—15; Д. 3. Л. 10—16.
- ⁷⁰ *Каримов В.И.* Указ. соч. С. 241.
- ⁷¹ ОПИ ГИМ. Ф. 452. Д. 185. Л. 45—46.

L.P. Muromtseva, V.B. Perkhavko

«COMRADE MILITIAMAN! YOU HAVE RISEN TO FIGHT THE FIERCE ENEMY, ARMED TO THE TEETH»

Militia fighters in Moscow in the terrible 1941

Information about authors. Lyudmila Muromtseva — assistant professor of the Department of History at the Lomonosov Moscow State University, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: muromtseva_mila@mail.ru);

Valery Perkhavko — leading researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: perkhavko@gmail.com).

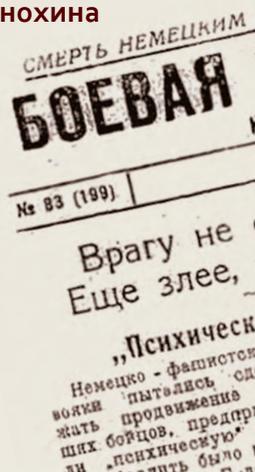
Summary. The paper presents the process of formation of Moscow militias in July 1941, their military training and participation in hostilities, based on the analysis of archival materials and published sources. It pays attention to the beginning of the history of Moscow militia formations in the national historiography. District party committees and the Moscow City Committee of the All-Union Communist Party (b) played the leading role in their organization. The principle of voluntariness was combined with the Party and Komsomol mobilization. A great deal of assistance in supplying the militia was provided by the capital's enterprises. The authors also classify the fighter battalions of the NKVD, the Communist and workers' battalions of Moscow in October 1941, non-combat defensive construction units and anti-aircraft defense units as people's militia formations. The people's militia, the creation of which was based on patriotic feelings, comprised representatives of various nationalities, coming from the working class, the collective farm peasantry, students and especially the creative and technical intelligentsia. The militia had a higher level of education than the regular units of the Red Army, into whose ranks they had been incorporated in September 1941. Despite inadequate combat training and a shortage of weapons, the people's militia, fighting heroically against the Wehrmacht's superior forces at Yelnya and Vyazma, contributed to the defense of the Soviet capital. Because of the huge losses, exceeding 80 percent, most of the 12 rifle divisions (into which the Moscow militia divisions of the July draft had been renamed), had to be disbanded in November 1941, but the surviving units took part in the Battle of Stalingrad and reached Berlin.

Keywords: Great Patriotic War; patriotism; Moscow; people's militias; historiography; new archival materials; formation; composition; military training; combat operations.

А.А. Ефимов,
И.А. Анохина

СНАЙПЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ «УТРАИВАЛО СИЛЫ... АРМИИ, ЕЁ БОЕСПОСОБНОСТЬ»

Отечественные мемуаристы о военно-политическом сопровождении
боевой деятельности снайперов Красной армии

Сведения об авторах. Ефимов Алексей Александрович — старший преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (г. Пенза), кандидат исторических наук, доцент (г. Пенза. E-mail: aleksej.efimov.00@inbox.ru);

Анохина Ирина Анатольевна — преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (г. Пенза), кандидат исторических наук (г. Пенза. E-mail: anohina_iren@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе анализа источников мемуарного характера рассмотрена проблема поддержки политическими органами Красной армии боевой деятельности советских снайперов в первый период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено специфике военно-политической работы по развитию снайперского движения. Отмечены отражённые в мемуарах те морально-психологические и идейно-политические характеристики советских снайперов, которые активно пропагандировались в ходе военно-политической работы. Дана высокая оценка роли военно-политического обеспечения снайперского движения в развитии боевой инициативы молодых воинов, в сплочении многонациональных воинских коллективов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Красная армия; военно-политическая работа; снайперское движение; «стахановцы фронта»; сплочение многонациональных воинских коллективов.

Герой Советского Союза В.Н. Пчелинцев на занятиях с бойцами

Герой Советского Союза
Я.В. ВИАХРАМС

сломить нашего сопротивления.
 еще настойчивее биться с врагом!

... не вышла
 лек бойцов, которые пере-
 шли в контрподполье.
 Противник был отнесен.
 «Психическая» не выш-
 ла у немцев. Дорого обо-
 шлась фашистам атака.
 До 50 трупов оставил он
 и офицеров оставил они
 на поле боя.
 Командование предста-
 вило т.в. Бажова к пра-
 вительственной награде.
 Политрук
 С. Лобанов.

**БОЕВАЯ ДОСКА ПОЧЕТА
 СНАЙПЕРОВ, ИСТРЕБИТЕЛЕЙ
 НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ**
 ... стать мастерами своего оружия,
 бить врага без промаха, как бьет их
 наши слабые снайперы, истребате-
 ли немецких оккупантов.
 (Н. СТАЛИН.)
 По представлению командования
 на боевую доску почета
 истребителей немецких оккупантов
 записаны:
Толкачев Федор — красноармеец. Н
 болей уничтожил до 30 фашистов. В
 одном из последних боев, будучи ок-
 ружен, истребил 13 гитлеровцев и,
 несмотря на ранение, вышел из ок-
 ружения с ручным пулеметом.
Жарков Сергей Дмитриевич — сир-
 жант. Из своей винтовки истребил
 15 фашистов. Будучи контужен, не
 ушел с поля боя.
Гусев Алексей — младший сержант,
 командир минометного расчета. Со
 своим расчетом истребил 10 фаши-
 стов.

Уничжи наглого врага
 в лесу,
 а фашист-
 чьей.
 — передал он.
 подразделения
 «Замаяев» под-
 к бою. В ко-
 ном рассто-
 ялись фаши-
 стов гран-
 отом подал
 амаев. Кат толь-
 исты оказали-
 стоянии броска
 ы, прозвучал го-
 маандира:

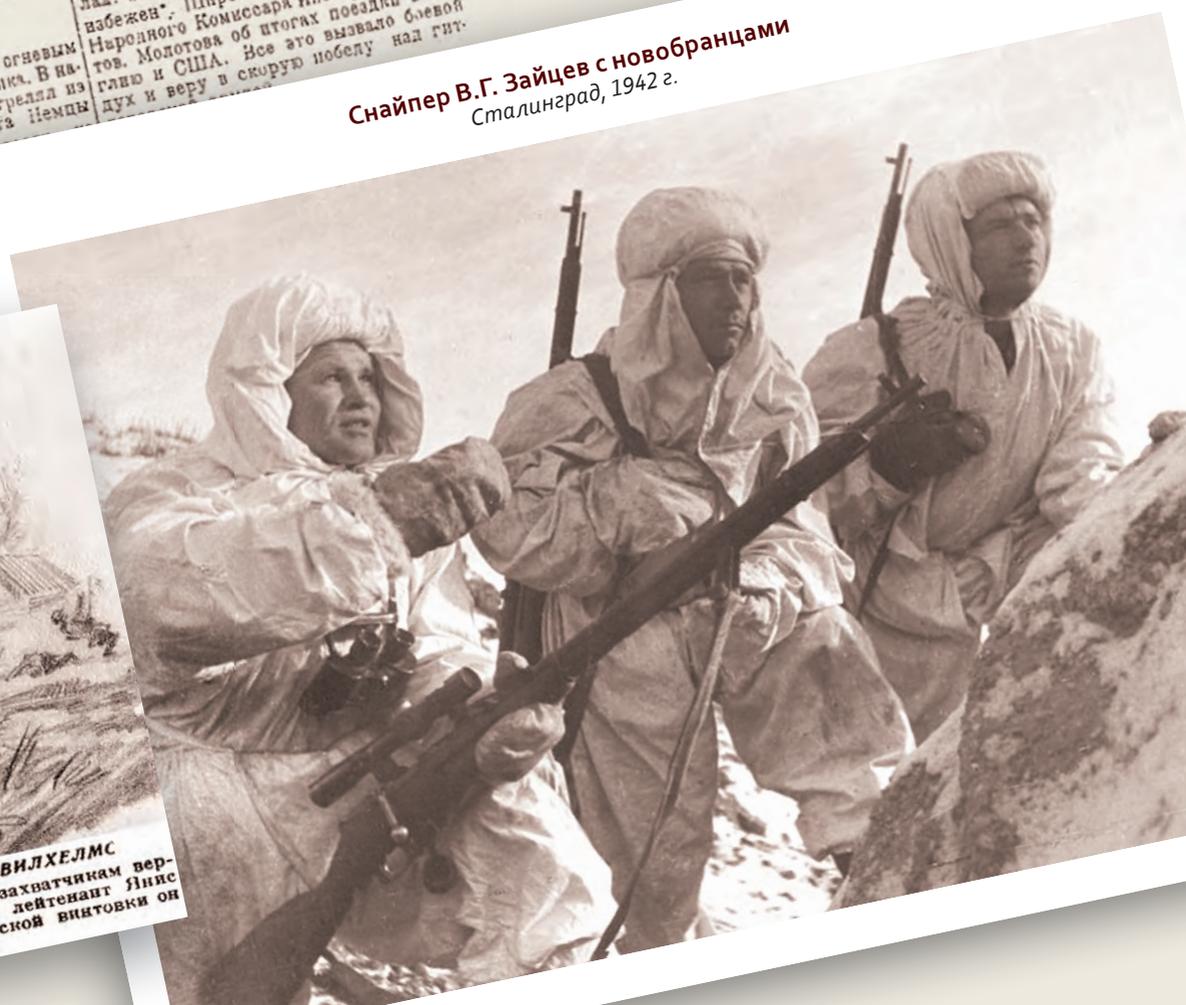
— Погитлеровским бан-
 дитам оговь!
 десятки гранат поле-
 тели на головы фашист-
 ского зверья. С дикими
 криками немцы побежа-
 ли назад.
 Командир т. Замаяев в
 этом бою гранатами уни-
 чтожил 3 фашистских
 автоматчиков.
 Продолжай руководить
 боем, действуя ручным
 пулеметом, он открыл
 огонь по бегущим фри-
 цам и еще уничтожил
 до 15 фашистов.
 Мл. политрук
 И. Сафонов.

Наша победа близка
 В подразделении Самсоенко бойцы,
 командиры и политработники с боль-
 шим воодушевлением встретили зак-
 люченное договора с Англией и соглаше-
 ние с США. Для бойцов сделан док-
 лад: «Крах гитлеровской Германики-
 неизбежен». Широко обсуждался доклад
 Народного Комиссара Иностранных Дел
 тов. Молотова об итогах поездки в Ан-
 глаию и США. Все это вызвало боевой
 дух и веру в скорую победу над гит-
 лером.

КОЧУЮЩИЕ МИНОМЕТЫ
 минометный расчет
 Гусева славит-
 ся свои делами. На-
 спончи делами. На-
 этот расчет унлч-
 л два пражеских пу-
 метов.
 В расчете т. Гусева 2
 миномета. Во время стре-
 лья по фашистам «ни-
 нисто меняют огневые по-
 зиции». Кочующие мино-
 меты всегда остаются
 маневренными для врага

живой силе и огневым
 точкам противника. В на-
 чале расчет стрелла из
 одного миномета немцы
 пытались
 стром м
 чеди б
 Тогда за
 миномет
 временем
 мет смен-
 цев.

Снайпер В.Г. Зайцев с новобранцами
 Сталинград, 1942 г.

ЯНИС ВОЛЬДЕМАРОВИЧ ВИЛХЕЛМС
 Беспощадно метят немецким захватчикам вер-
 ный сын латышского народа лейтенант Янис
 Вилхелмс. Из своей снайперской винтовки он
 истребил 152 немцев.

В победе над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне большую роль сыграли советские стрелки-снайперы. В 1941 — начале 1943 года в Красной армии быстро развивалось мощное снайперское движение, втянувшее в свою орбиту многих советских воинов-пехотинцев, которые соответствовали надлежащим требованиям и активно искали возможность причинить немецко-фашистским захватчикам максимально возможный урон. Советские стрелки-снайперы не только наносили врагу большие потери в личном составе, выводя из строя самых опасных и подготовленных гитлеровских военнослужащих — офицеров, снайперов, пулемётчиков, артиллеристов, корректировщиков огня, наблюдателей и т.д.

Но снайперский огонь подавлял также боевую активность немецко-фашистских войск, вселял в захватчиков страх и неуверенность.

Вместе с тем снайперское движение не могло бы превратиться в сколько-нибудь серьёзную силу без квалифицированной и деятельной военно-политической поддержки. Более того, можно смело утверждать, что именно в снайперском деле на фронтах Великой Отечественной в 1941 — начале 1943 года военно-политическая работа являлась одной из важнейших составляющих боевого успеха.

На основе анализа мемуарной литературы, оставленной очевидцами той войны — советскими воинами, полководцами и военачальниками, командирами и политработниками, армейскими журналистами и рядовыми участниками вооружённой борьбы с немецко-фашистскими оккупантами, — попытаемся выяснить некоторые определяющие черты той работы, которую проводили военно-политические органы Красной армии в отношении мастеров меткого огня.

Герой Советского Союза В.Г. Зайцев

Разумеется, мы понимаем, что источники мемуарного характера не только весьма субъективны, но и могут содержать определённые фактологические ошибки, элементы фантазии авторов и тому подобные моменты. Однако в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны аккумулирован и богатейший опыт борьбы с сильным, умелым и коварным врагом, зачастую содержатся нигде более не встречающиеся наблюдения, зарисовки, примеры того, что в совокупности образует могучий пласт очень интересного и полезного знания.

За рамками статьи остаётся вопрос об огромной военно-политической работе, направленной на вовлечение в снайперское движение советских женщин, поскольку эта тема требует самостоятельного целостного и комплексного исследования.

Снайперское движение в Красной армии во время Великой Отечественной войны зародилось в качестве организованной силы в войсках Ленинградского фронта в конце 1941 — начале 1942 года. Во всяком случае, это утверждение прослеживается в мемуарах советских фронтовиков. В частности, об этом писал Е.А. Николаев, Герой Советского Союза, один из лучших снайперов Красной армии периода Великой Отечественной войны, истребивший 324 гитлеровца, в послевоенный период много лет посвятивший научному исследованию снайперского движения¹.

Как отмечал Е.А. Николаев, стремление защитников Ленинграда любой ценой истреблять врага вылилось в широкое снайперское движение, инициаторами и акти-

вистами которого выступили в первую очередь обладатели значка «Ворошиловский стрелок» и спортсмены-разрядники. К этому боевому ядру примкнули профессиональные охотники, а также те воины, которые на фронте в совершенстве овладели винтовкой².

Патриотический порыв первых советских снайперов вовремя подхватили военно-политические органы Ленинградского фронта, которые всеми силами стремились превратить почин отдельных бойцов в массовое движение, сделать его участников образцами, элитой в военно-профессиональном и военно-политическом отношении. Для этого использовались те приёмы развития боевой активности советских воинов, которые уже были отработаны в мирное время на индустриальном и сельскохозяйственном производстве. Например, мощный резонанс среди бойцов и командиров Ленинградского фронта получил вызов на боевое соревнование, который через фронтовую газету «На страже Родины» бросил бывший уже тогда знаменитым снайпер В.Н. Пчелинцев не менее известному снайперу-пограничнику И.Д. Вежливцеву. Благодаря этой инициативе в боевое соревнование включились сотни воинов Ленинградского фронта³.

Вскоре заключение соревновательных боевых договоров между снайперами Ленинградского и других фронтов, взятие воинами на себя обязательств по уничтожению такого-то числа врагов стало нормой. Подобные соревнования получили широкое отражение во фронтовых и общесоюзных средствах массовой информации. Как подчеркнул

Герой Советского Союза В.Н. Пчелинцев

Е.А. Николаев, постепенно отечественная литература, периодическая центральная и армейская печать развернули широкую работу по пропаганде снайперской деятельности и прославлению отличившихся мастеров меткого огня. Широко освещалось снайперское движение и в сводках Совинформбюро⁴.

Весьма любопытны высказывания на эту тему Н.А. Михайлова, который в годы Великой Отечественной войны был секретарём ЦК ВЛКСМ. Согласно его воспоминаниям Ленинградский обком комсомола и армейские комсомольские организации при поддержке партийных структур и военного совета Ленинградского фронта

стали проводить комсомольские собрания на тему меткой стрельбы, а также слёты снайперов. Н.А. Михайлов отметил, что партийный руководитель Ленинграда и член военного совета Ленинградского фронта А.А. Жданов называл стрелков-снайперов «стахановцами войны»⁵.

Один из тогдашних деятелей ВЛКСМ А.А. Маринов, в годы Великой Отечественной войны прошедший путь от комсомольского вожака военной академии до помощника начальника Главного политического управления Красной армии по комсомольской работе, также вспоминал, что А.А. Жданов, узнав о первых успехах снайперов Ф. Смолячкова, П. Голиченкова и В. Пчелин-

цева, сказал: «Ведь это же стахановцы войны! Нужно, чтобы их начинание было поддержано массами»⁶.

По воспоминаниям Н.А. Михайлова, 14 ноября 1941 года для молодёжи была организована специальная радиопередача, в которой

участвовали комсомольцы-снайперы, в т.ч. Феодосий Смолячков и Владимир Пчелинцев. Состоялось совещание комсомольских работников Ленинградского фронта, где обсуждались вопросы развития снайперского движения⁷.

14 ноября 1941 года для молодёжи была организована специальная радиопередача, в которой участвовали комсомольцы-снайперы, в т.ч. Феодосий Смолячков и Владимир Пчелинцев. Состоялось совещание комсомольских работников Ленинградского фронта, где обсуждались вопросы развития снайперского движения

Будущий Герой Советского Союза Ф.Т. Дьяченко начал свою биографию снайпера летом 1942 года в качестве бойца 187-го стрелкового полка 72-й стрелковой дивизии 55-й армии Ленинградского фронта. Решив стать настоящим снайпером, он стал читать от строчки до строчки всё, что писали о метких стрелках дивизионная газета и газета 55-й армии. При этом, очевидно, дело заключалось не только в обмене практическим опытом снайперского искусства, но и в том духе боевой состязательности, который поддерживала армейская печать. Как отметил Ф.Т. Дьяченко, вскоре «и обо мне стали писать в газетах»⁸.

Ф.Т. Дьяченко на всю жизнь запомнил также слова начальника политотдела дивизии, наставлявшего воинов-снайперов: «Наша ненависть к врагу законна и священна. Но мало говорить о ненависти. Ненависть должна быть активной. Уничтожь фашиста! Тогда все скажут: ты действительно ненавидишь врага, действительно любишь Родину. И народ такому солдату в пояс поклонится. Спасибо скажет...»⁹.

Ф.Т. Дьяченко считал также, что в политическом отношении большое плодотворное влияние на него как воина оказало пребывание в школе снайперов, созданной в 55-й армии в январе 1942 года. Одним из инструкторов школы был старший лейтенант Г.И. Гильбо, мастер спорта СССР по стрельбе, призёр многих спортивных состязаний. По словам Ф.Т. Дьяченко, Г.И. Гильбо не только очень интересно проводил занятия, но и умел внушить своим подопечным идею политической важности борьбы с гитлеровцами

Герой Советского Союза Ф.Т. Дьяченко

посредством винтовки с оптическим прицелом¹⁰.

Герой Советского Союза Е.А. Николаев полагал, что большую роль в деле консолидации снайперского движения на Ленинградском фронте сыграл первый общефронтовой слёт снайперов-истребителей, состоявшийся по инициативе члена военного совета Ленинградского фронта А.А. Жданова 22 февраля 1942 года в Смольном дворце¹¹. Ф.Т. Дьяченко назвал этот слёт важной военно-политической вехой в развитии снайперского движения не только на Ленинградском фронте, но и в целом в Красной армии. По свидетельству Ф.Т. Дьяченко, на слёте, кроме А.А. Жданова, присутствовал командующий фронтом генерал-полковник М.С. Хозин. На фронтовом слёте были вручены Золотые Звезды Героев Советского Союза и ордена Ленина лучшим снайперам. Многие его участники были награждены другими орденами и медалями¹².

Особенно впечатлило Ф.Т. Дьяченко, внимательно слушавшего выступление А.А. Жданова, сравнение снайперского движения в Красной армии с трудовыми подвигами лучших советских производственников, указание на то, что воин-истребитель — это «передовик огневого мастерства, огневой подготовки»¹³.

Ф.Т. Дьяченко вспоминал также, что лично на него сильнейшее влияние оказала пропаганда в армейской печати снайперского мастерства Героя Советского Союза В.Н. Пчелинцева, который как особо отличившийся воин осенью 1942 года в составе советской молодёжной делегации побывал за границей — в США и Англии¹⁴.

Особенно запала в душу Ф.Т. Дьяченко характеристи-

ка, которую дали В.Н. Пчелинцеву иностранные журналисты во время его поездки в США в 1942 году и которая с удовольствием повторялась советскими средствами военно-политической информации: «Человек, застреливший батальон»¹⁵.

По свидетельству Ф.Т. Дьяченко, одним из самых известных снайперов Ленинградского фронта был казах Саренбай Рустамбеков. Но дело заключалось не только в солидном личном счёте этого снайпера. Главное — пример его воинского успеха удивительно благотворно влиял на бойцов, прибывших из Средней Азии и с большим трудом привыкавших к суровым фронтовым условиям¹⁶.

Генерал-лейтенант А.Д. Окоороков в 1941 году

был членом военного совета 8-й армии, оборонявшей Ленинград. Военачальник в своих мемуарах отметил, что с конца осени 1941 года в этой армии широко развернулось снайперское движение. В армейской газете появилась постоянно действующая рубрика «Перекличка истребителей». Под ней печатались материалы, рассказывавшие о том, как растут личные счета лучших снайперов армии, об их боевом опыте¹⁷. Политотдел 8-й армии принял решение организовать соревнование снайперов¹⁸.

После 15 декабря 1941 года, когда 8-я армия перешла в наступление, по инициативе политотдела был проведён общearмейский слёт снайперов. Его итоги подтвердили, что данное мероприятие яви-

Герой Советского Союза Е.А. Николаев

лось оптимальной формой военно-политической работы в области развития снайперского движения¹⁹.

Конечно, не только воины Ленинградского фронта в начале Великой Отечественной войны отличились в деле организации снайперского движения. Например, подполковник П.И. Трояновский, фронтовой корреспондент

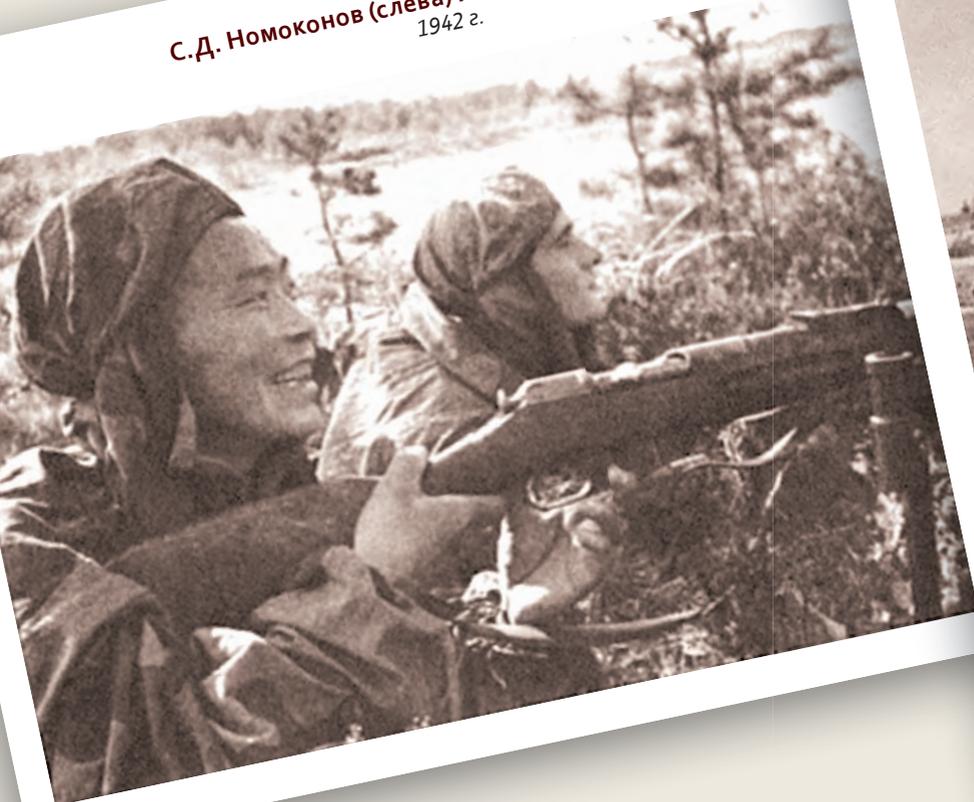
газеты «Красная звезда», в своих мемуарах вспоминал, что в июле 1941 года, находясь в расположении 21-й армии (командующий — генерал-лейтенант М.Г. Ефремов), державшей оборону в районе г. Рогачёва, впервые услышал о серьёзном успехе советских снайперов. В частности, в одном из полков 117-й стрелковой дивизии

21-й армии отличилась команда снайперов из семи человек во главе со старшиной С. Пылаевым, бывшим до войны чемпионом Приволжского военного округа по стрельбе. По воспоминаниям П.И. Трояновского, генерал-лейтенант М.Г. Ефремов долго говорил со снайперами, затем поблагодарил их за храбрость и мастерство, вручил каждому часы. М.Г. Ефремов предложил корреспондентам «Красной звезды» подробно рассказать на страницах газеты о снайперах-пылаевцах. Как подчеркнул П.И. Трояновский, просьба генерала была воспринята как приказ²⁰.

Пример снайперов как Ленинградского фронта, так и других участков вооружённой борьбы с гитлеровскими агрессорами по инициативе советского командования и военно-политических органов Красной армии получил широкое распространение

Генерал А.Д. Окороков в своих воспоминаниях обратил особое внимание на 201-ю отдельную латышскую дивизию, в которой служил прославленный снайпер Я.В. Вилхелмс. В системе фронтовой пропаганды широко рассказывалось о том, что за боевые подвиги латышскому воину было присвоено звание Героя Советского Союза

С.Д. Номоконов (слева) и Б.К. Канатов
1942 г.

С.Д. Номоконов

Герой Советского Союза Я.В. Вилхелмс

в советских войсках в 1942 году.

Будущий дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Н.И. Крылов в 1941—1942 гг. занимал пост начальника штаба Отдельной Приморской армии. Военачальник признавал, что ещё в конце 1941 года настоящих снайперов в армии насчитывались единицы. Но к марту 1942 года этих «стахановцев фронта», как величали их по примеру воинов Ленинградского фронта в армейской газете, значительно прибавилось²¹.

По наблюдениям Н.И. Крылова, снайперы были героями даже тех дней, когда на сева­стопольских рубежах было редкое затишье. Благодаря оперативности военно-политических органов боевой счёт сева­стопольских снайперов за истёкшие сутки становился известным и в войсках, и в городе. Лучших снайперов знавали в лицо — их портреты красовались в газетах и на

шитах у Приморского бульвара, где постоянно пополнялась галерея передовиков обороны²².

А.И. Бескоровайный (впоследствии полковник-инженер) в годы Великой Отечественной войны был начальником типографии газеты 14-й армии, сражавшейся с гитлеровцами на Крайнем Севере. По словам офицера, благодаря политработникам снайперов знали поимённо все бойцы и командиры армии. В 1942—1943 гг. на страницах армейской газеты из номера в номер появлялись их портреты, они были примером для подражания у защитников Советского За­по­лярья²³.

В августе 1942 года генерал А.Д. Окорокков был назначен начальником политуправления Северо-Западного фронта. По его мнению, каждый успех снайпера имел большое значение для поддержания высокого морального духа бойцов. Поэтому командование фронта заботилось о том, чтобы командиры и политработники лично знали снайперов, создавали им необходимые условия для боевой работы²⁴.

Генерал А.Д. Окорокков в своих воспоминаниях обратил особое внимание на 201-ю отдельную латышскую дивизию, в которой служил прославленный снайпер Я.В. Вилхелмс. В системе фронтовой пропаганды широко рассказывалось о том, что за боевые подвиги латышскому воину было присвоено звание Героя Советского Союза. Причём для вручения медали «Золотая Звезда» его пригласили в Москву, в Кремль. Награду он получил из рук председателя Верховного совета СССР М.И. Калинина. Особенно подчёркивалось в военной прессе, что Я.В. Вилхелмса

вместе с другими награждёнными пригласили на приём к Верховному главнокомандующему. На этой встрече славный сын латышского народа доложил И.В. Сталину о боевых делах латышских стрелков. В свою очередь И.В. Сталин поздравил его с наградой и пожелал дальнейших успехов. Как констатировал далее генерал А.Д. Окорокков, это событие получило широкое освещение в советской военно-политической пропаганде, стало мощным мобилизующим фактором в деле популяризации снайперского движения в масштабах всего Северо-Западного фронта, особенно среди нерусских бойцов и командиров, способствовало дальнейшему сплочению многонациональных воинских коллективов²⁵.

Примером эффективной военно-политической работы генерал А.Д. Окорокков считал поддержку политуправлением фронта инициативы воина-снайпера Ф.К. Чегодаева — таёжного охотника, одного из зачинателей снайперского движения на Северо-Западном фронте. Он готовил новых снайперов, активно сотрудничал с фронтовой газетой. Его яркие, образные рассказы печатались с продолжением, в т.ч. отдельными брошюрами²⁶.

Не меньшая слава в войсках ходила о снайпере С.Д. Номоконове, забайкальском охотнике. За всю войну он уничтожил 360 немецких солдат и офицеров, включая одного генерал-майора. Только на Северо-Западном фронте Семён Данилович уничтожил 263 гитлеровца. Имя героического сына эвенкийского народа С.Д. Номоконова практически постоянно упоминалось как в армейской прессе, так и в беседах политработников с личным составом. Боль-

шой популярностью на том же Северо-Западном фронте пользовался Герой Советского Союза Ж.Е. Тулаев (медаль «Золотая Звезда» этот славный представитель бурятского народа получил, когда уничтожил почти 300 гитлеровцев)²⁷.

В 1942 году генерал-лейтенант Ф.Я. Лисицын руководил политотделом 1-й ударной армии, сражавшейся в составе войск Северо-Западного фронта. В мае 1942 года политотдел получил задание всемерно поддержать снайперское движение. По словам ветерана, на тот момент систематически эта работа велась лишь в 201-й латышской стрелковой дивизии, где имелась группа снайперов, которую возглавлял командир роты лейтенант Я.В. Вилхелмс²⁸.

По оценке Ф.Я. Лисицына, показателем возросшего вни-

мания к развитию снайперского дела в Красной армии стала широчайшая популяризация имени Я.В. Вилхелмса в войсках²⁹.

21 мая 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был учреждён нагрудный знак «Снайпер РККА». Он вручался воинам, имевшим на личном боевом счете не менее десятка истреблённых оккупантов. Политотдел 1-й ударной армии, военно-политические органы частей и соединений немедленно развернули пропаганду опыта первых обладателей этих почётных знаков, призывали личный состав равняться на них. Как подчеркнул генерал Ф.Я. Лисицын, «это дало положительные результаты», «число воинов высокой боевой квалификации непрерывно росло»³⁰.

Тот факт, что знак «Снайпер РККА» стал очень престижным среди бойцов и командиров Красной армии, отмечен многими мемуаристами. Например, автор публикаций на эту тему Е.И. Николаев указывал, что знак выдавался далеко не каждому снайперу³¹. По словам ветерана войны полковника Н.Б. Ивушкина, весь личный состав 133-й отдельной стрелковой бригады воспринял указ об учреждении нагрудного знака «Снайпер РККА» «с особым воодушевлением»³².

А.А. Лесин в годы Великой Отечественной войны был сотрудником газеты «За победу» 146-й стрелковой дивизии, которая в начале сентября 1942 года находилась в составе сил Западного фронта. По оценке ветерана, в тот период командование дивизи-

Герой Советского Союза Ж.Е. Тулаев

Герой России М.А. Пассар
Сталинград, 1942 г.

зии серьёзно занималось развитием снайперского движения. Каждый снайпер был на учёте, каждый имел личный счёт убитых врагов. При этом политотдел дивизии поставил дело таким образом, что «охота» за фашистами приняла форму напряжённого и эффективного боевого соревнования, результаты которого оперативно отражала дивизионная многотиражка «За победу»³³.

В.М. Шатилов (впоследствии Герой Советского Союза, генерал-полковник) в августе 1942 года был назначен командиром 182-й стрелковой дивизии, находившейся в составе 27-й армии на Северо-Западном фронте на рубеже Старая Русса — Рамушево. Одним из наиболее результативных снайперов соединения был З.Д. Киле, воин с Дальнего Востока, нанаяц по национальности. На его счету в то время было 144 фашиста. Гитлеровцы сбрасывали с самолётов листовки, в которых рисовали З.Д. Киле русским богатырём с могучими мускулистыми руками, а он, по описанию мемуариста, был безусым хрупким пареньком. По замечанию генерала В.М. Шатилова, «и чего только не писали в листовках о Захаре». Но фашистские пропагандисты, сами того не желая, сделали советского воина-нанаяца З.Д. Киле широко известным не только в 182-й стрелковой дивизии, но и в войсках армии и всего фронта, чем умело пользовались военно-политические органы в целях развития снайперского движения³⁴.

Полковник Н.Б. Ивушкин с начала Великой Отечественной войны был начальником политотдела 133-й отдельной стрелковой бригады, а с 31 декабря 1942 года — начальником политотдела

55-й стрелковой дивизии в составе Северо-Западного фронта. По мнению ветерана, снайперское движение в Красной армии в годы Великой Отечественной войны имело не только военное, но и политическое значение. Оно служило воспитанию личной ответственности бойцов за судьбу страны. Н.Б. Ивушкин писал: «Если война — это работа, снайперский труд был трудом, конкретные результаты которого наглядны.

ты 220-й стрелковой дивизии. Ветеран вспоминал, как осенью 1942 года в дивизии, сражавшейся в составе войск Калининского фронта, создавалось снайперское движение. Василий Георгиевич отметил, что советские политработники имели задачу широко пропагандировать снайперское движение, вовлекать в него возможно большее количество бойцов, особенно посредством печатных материалов о снайперах³⁷.

Фашистские пропагандисты, сами того не желая, сделали советского воина-нанаяца З.Д. Киле широко известным не только в 182-й стрелковой дивизии, но и в войсках армии и всего фронта, чем умело пользовались военно-политические органы в целях развития снайперского движения

<...>. Снайперский счёт был трудовым (боевым!) паспортом бойца, которым можно было гордиться»³⁵.

Бы в ш и й к о м с о р г 961-го стрелкового полка М.Г. Шмелёв счёл необходимым подчеркнуть тот факт, что в годы Великой Отечественной войны к опытным, заслуженным снайперам Красной армии применяли эпитет «знатный», то есть их называли так, как в довоенное время величали успешных, прославленных на всю страну производственников³⁶.

В годы Великой Отечественной войны В.Г. Сошнев (впоследствии генерал-майор) исполнял обязанности заместителя редактора газе-

В одной из своих первых статей на эту тему, опубликованной в дивизионной газете «За Родину» и посвящённой боевому опыту снайпера сержанта А.В. Костина, журналист попытался изложить и внутренние мотивы снайперского движения, отражённые в лозунге-девизе «За что я мшу?». При этом он подчёркивал, что многим советским воинам пришлось по душе официальная характеристика советских снайперов как «стахановцев фронта»³⁸.

В отечественной мемуаристике нашёл отражение тот факт, что качественный скачок в развитии снайперского движения в Красной армии произошёл в период Ста-

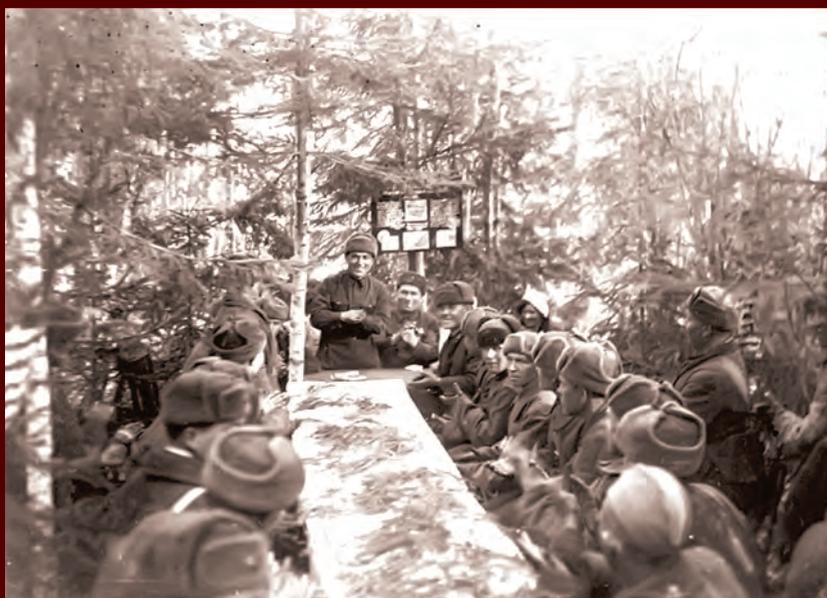

Агитационный плакат, посвящённый советским снайперам

М.А. Пассар
Агитационный плакат

Слёт снайперов 65-й (102-й) стрелковой дивизии 59-й армии
Волховского фронта
1942 г.

линградской битвы. Однако многие очевидцы событий не согласны с этим.

Дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза В.И. Чуйков подчёркивал в своих воспоминаниях, что во вверенных ему войсках 62-й армии всегда много внимания уделялось развитию снайперской подготовки личного состава. Армейская газета периодически объявляла счёт убитых снайперами фашистов, помещала портреты отличившихся стрелков³⁹.

Например, в 284-й стрелковой дивизии Н.Ф. Батюка, в которой служил легендарный снайпер В.Г. Зайцев, во всех подразделениях, в блиндажах и окопах имелись «снайперские ведомости», в которых вёлся учёт гитлеровцев, уничтоженных за текущий день. Дивизионная газета периодически публиковала материалы о метких стрелках⁴⁰.

По словам В.И. Чуйкова, он лично встречался со многими знатными снайперами 62-й армии, беседовал с ними, помогал им, чем мог. Полководец подчёркивал, что такие снайперы, как В.Г. Зайцев, А.И. Чехов, В.И. Медведев, были у него на особом учёте, о чём было широко известно в войсках⁴¹.

Дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Н.И. Крылов в своих мемуарах отметил, что в отличие от Севастополя, где крупные портреты лучших истребителей фашистов выставлялись на щитах у Приморского бульвара, в Сталинграде не было подходящего места для такой галереи, но имена и боевой счёт передовых снайперов в городе на Волге знала вся армия⁴².

Сталинградский снайпер Герой Советского Союза В.Г. Зайцев так отзывался о

влиянии слова и убеждения армейских политработников на боевую деятельность советских мастеров меткого огня: «Вера, доверие — такая это сила! Без доверия сохнет душа, быстро иссякают силы, и ты превращаешься в бескрылого зяблика, который, кажется, ни на что не способен. А когда тебе верят, то и невыполнимое становится возможным. Силы твои словно удваиваются. Доверие — источник солдатского вдохновения, решимости, осмысленного шага к подвигу. А вера — мать дружбы и солдатской храбрости. Вот где для командира и политработника ключи к солдатскому сердцу, к тайникам той скрытой энергии, о которой солдат порою и сам не знает»⁴³.

Полковник М.Г. Горб в дни Сталинградской битвы командовал 633-м стрелковым полком 157-й стрелковой дивизии в составе 64-й армии. Офицер вспоминал, что в полку ежедневно подводились итоги боевой деятельности снайперов. Это было важной составной частью пропагандистской работы с личным составом. Каждое утро красноармейцы и командиры получали свежие газеты, листовки, которые открывались вопросом: «Боец, истребил ли ты вчера фашиста?» Далее до советских воинов доводилась информация об успехах снайперов — их однополчан или воинов других частей и соединений армии, нередко с фото снайперов и указанием подробностей их боевой работы⁴⁴.

Генерал-лейтенант К.Ф. Телегин со времён войны хранил в личном архиве номер газеты 65-й армии за 1 января 1943 года с письмом-обращением к своим однополчанам сталинградского снайпера М.А. Пассара.

Для генерала К.Ф. Телегина эта публикация оказалась особо памятна и интересна тем, что легендарный советский воин-нанаец раскрыл некоторые мотивы, двигавшие им в жесточайшей борьбе с гитлеровцами. Речь шла о чувстве принадлежности к защитникам великой Родины — Советского Союза. В душе воина присутствовала и горячая любовь к своему родному краю, семье, нанайскому народу. Максим Александрович Пассар испытывал и жгучую жажду мести за убитого на фронте брата: «Я пошёл в бой, чтобы отомстить за брата. Мне казалось, что, когда я убью двести оккупантов, кровью утолится и утихнет во мне жажда мести. Я убил двести тридцать фашистов, но я чувствую, что жажда мести не только не утихла во мне, но ещё больше выросла. Нет, она не утихнет до тех пор, пока враг ещё жив, пока он ещё грозит моему народу...»⁴⁵.

По мнению генерала К.Ф. Телегина, подобные публикации не только помогали советским солдатам и командирам мобилизовать свои физические и духовные силы на активную боевую работу, но и направляли их любовь к Родине и ненависть к врагу в русло наиболее эффективной деятельности, в т.ч. овладению воинской профессией снайпера⁴⁶.

Командующий 65-й армией дважды Герой Советского Союза генерал армии П.И. Батов свидетельствовал, что имя М.А. Пассара было известно всему Донскому фронту, в том числе потому, что немцы сбрасывали листовки с дикими угрозами в адрес нанайского воина-снайпера. Кроме того, по мнению генерала П.И. Батова, символом веры М.А. Пассара было

обострённое чувство национальной гордости, могучее стремление боевыми подвигами прославить нанайский народ как надёжную и неотъемлемую часть боровшегося с лютым врагом советского народа⁴⁷. Понятно, что огромную роль в поддержке этих чувств сыграли как политорганы армии, так и конкретные политработники в боевых порядках войск.

Следует отметить, что Указом Президента Российской Федерации в 2010 году М.А. Пассару посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

Генерал-майор И.К. Морозов в годы Великой Отечественной войны командовал 81-й гвардейской стрелковой дивизией, осенью 1942 года сражавшейся в районе Сталинграда. В мемуарах военачальника особое место занимает описание боевой деятельности снайпера Алексея Самара, нанайца по национальности. Благодаря усилиям офицеров политотдела дивизии имя этого советского воина узнали все защитники волжской твердыни. Он стал одним из примеров невероятной снайперской результативности. Так, личный состав воодушевило известие, что на Сталинградском фронте за 20 суток боёв А. Самар уничтожил 190 гитлеровцев, за что был награждён орденом Красного Знамени⁴⁸.

Мощным побудительным фактором для самого А. Самара и для развития снайперского движения в целом, в т.ч. среди воинов-сталинградцев нерусской национальности, стала получившая широкую известность акция политотдела 81-й гвардейской дивизии. В один из вечеров после кровопролитного оборонительного боя А. Самара

вызвали на командный пункт дивизии, где обобщили результаты его боевой работы. Снайперу объявили благодарность, присвоили звание сержанта и предоставили право «свободной охоты» на врага. Кроме того, наградили именованным оружием с оптическим прицелом и дарственной монограммой на цевье. Подобные актуальные политико-пропагандистские мероприятия производили на бойцов огромное впечатление, стимулируя их высокую боевую активность⁴⁹.

А. Самар поддержал инициативу по организации соревнования снайперов. В частности, обязался приложить все силы, чтобы привлечь как можно больше бойцов к снайперской войне с врагом. Он считал необходимым широко распространить на фронтах опыт снайперской работы, накопленный во время боёв в районе оз. Хасан в 1938 году. Тогда многие стрелки брали обязательство уничтожить не менее 10 врагов за день боевой работы, а в итоге истребляли даже по 20 вражеских солдат и офицеров⁵⁰.

Гвардии подполковник А.П. Бачурин в ноябре 1942 — феврале 1943 года исполнял обязанности агитатора политотдела 277-й стрелковой дивизии, действовавшей в составе ударной группировки 21-й армии на левом крыле Юго-Западного фронта. Офицер рассказал, что, используя устную и печатную пропаганду, политработники дивизии распространяли опыт лучших снайперов, воспитывали у воинов ненависть к врагу. Успехи мастеров меткого огня оперативно и широко популяризировались политическими органами, фронтовой печатью, политическими активистами и агитаторами. В результате в частях не про-

ходило дня, чтобы воины не увеличивали «счёт мести»⁵¹.

А.П. Бачурин отметил также, что эффективным средством поощрения снайперов 277-й стрелковой дивизии было награждение их именованным оружием. Например, снайпер Н. Рогачёв был вооружён винтовкой, на которой красовалась металлическая пластина с надписью: «Знатному снайперу Николаю Рогачёву от Центрального Комитета ВЛКСМ». Именная винтовка считалась среди снайперов дивизии свидетельством принадлежности к боевой элите⁵².

Подполковник П.А. Беляков в ноябре—декабре 1942 года сражался с гитлеровцами в калмыцких степях в составе 152-й стрелковой бригады 28-й армии. По воспоминаниям ветерана, в последние месяцы 1942 года политрук роты ежедневно проводил политинформации о боях по уничтожению врага в сталинградском котле, увлечённо рассказывал о снайперах В.Г. Зайцеве, А.И. Чехове и других, а также о снайперах собственно 28-й армии⁵³.

Например, П.А. Белякова впечатлила боевая слава снайпера гвардии сержанта Н. Носова, уничтожившего 75 фашистов. О его «охоте» на гитлеровцев в армейской печати публиковались статьи и очерки, которые с интересом читали не только снайперы⁵⁴.

По словам ветерана, снайперы 152-й стрелковой бригады также чувствовали внимание к себе. У них были заведены личные счета снайперов, которые им в торжественной обстановке вручали на собраниях воинских коллективов. На листе такого личного счёта был приведён побуждающий к результативным действиям, подхо-

дящий по смыслу фрагмент из обращения командующего Сталинградским фронтом будущего Героя Советского Союза и Маршала Советского Союза А.И. Ерёменко: «Каждый боец должен считать своей честью и гордостью как можно больше истребить фашистов огнём из винтовки, пулемёта и автомата. Убил 10 — хорошо, убил 15 — отлично, убил 20 — герой, а снайперу удвоить эту норму»⁵⁵.

Дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, вспоминая о своей деятельности на посту командующего 16-й армией Западного фронта, отмечал, что осенью 1942 года командование и военно-политические работники армии большое внимание уделяли развитию в войсках снайперского движения. В каждой стрелковой роте была сформирована группа снайперов. Между ними было организовано соревнование — кто больше гитлеровцев уничтожит. Среди снайперов армии получил распространение девиз «Фашистом меньше — победа ближе». Побывав на армейском слёте снайперов, И.Х. Баграмян подчеркнул, что он проникся глубоким уважением к этой «славной группе красноармейцев», каждый из которых «показал себя вполне зрелым воином, беспредельно преданным своей Отчизне и народу. Все они отличались высокими боевыми качествами, отточенным искусством беспощадно истреблять ненавистных фашистов»⁵⁶.

Своеобразный итог деятельности советских снайперов в годы Великой Отечественной войны подвёл Герой Советского Союза Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов: «Значение развернувшегося в частях снайперского

движения было огромно. Это движение как бы удваивало, а может быть, утраивало силы 48-й армии, её боеспособность»⁵⁷. Столь высокую оценку ратного труда советских снайперов вполне можно отнести к снайперскому движению в Красной армии в целом. Более того, высказывание военачальника — высшая похвала и деятельности военно-политических органов Красной армии на «снайперском» направлении.

Таким образом, анализ мемуарной литературы, в которой нашла своё отражение оценка военно-политического обеспечения деятельности советских снайперов в первый период Великой Отечественной войны, позволяет выделить ряд характерных особенностей политической работы в этой сфере.

Во-первых, в 1941 — начале 1943 года снайперы Красной армии рассматривались как высококвалифицированный в военно-профессиональном отношении, политически сознательный, идейно и морально мотивированный авангард воинов, как организованное элитное ядро наиболее активных бойцов и младших командиров в стрелковых войсках.

Во-вторых, в военно-политической работе по обеспечению снайперского движения в первый период Великой Отечественной войны чётко прослеживалось стремление органически соединить пропаганду ненависти к немецко-фашистским захватчикам со своего рода «производственным» снайперским соревнованием «стахановского» типа. Так, военно-политические органы вели строгий учёт уничтоженных каждым снайпером врагов, снайперы-передовики брали на себя повышенные «произ-

водственные» обязательства, вызывали других воинов на соревнование, победитель в котором определялся числом убитых гитлеровцев и интенсивностью боевой деятельности. Выдающихся советских снайперов прославляли и награждали, прежде всего как «стахановцев фронта», с честью выполнявших боевую работу. Всё это широко освещалось в газетах и листовках, на плакатах и в кинохронике, в сводках Совинформбюро и в литературе, что придавало боевым делам снайперов истине легендарный ореол.

В-третьих, советские военно-политические органы в 1941 — начале 1943 года явно стремились к тому, что-

позволявшие им стать выдающимися мастерами стрелкового боя.

Кроме того, на примере успешных воинов-снайперов нерусской национальности — Героев Советского Союза и орденосцев, обладателей именного оружия и очень почётного у фронтовиков знака «Снайпер РККА» — военно-политические органы имели возможность убедительно продемонстрировать весомый вклад тех или иных наций и народностей СССР в вооружённую борьбу против гитлеровцев. Речь шла также о том, чтобы таким способом вдохновить на честное выполнение воинского долга всю массу военнослужащих той или иной национальной

«Доверие — источник солдатского вдохновения, решимости, осмысленного шага к подвигу.

А вера — мать дружбы и солдатской храбрости. Вот где для командира и политработника ключи к солдатскому сердцу, к тайникам той скрытой энергии, о которой солдат порою и сам не знает»

бы в снайперском движении участвовало как можно больше бойцов и командиров, не относившихся к славянским народам СССР. Привлечение нерусских воинов с Поволжья и Кавказа, из Прибалтики и республик Средней Азии, с Севера и Дальнего Востока именно к снайперскому делу зачастую максимально задействовало характерные для многих из них нестандартные умения и навыки,

группы, способствовать сплочению многонациональных воинских коллективов.

Наконец, в-четвёртых, военно-политические органы способствовали тому, что снайперское дело воспринималось в войсках как достойная стезя для молодых и смелых, мужественных и благородных, удачливых и сильных, амбициозных и активных, желающих проявить свои способности, закалить

характер, реализовать себя в бою. Более того, для молодёжи открывалась уникальная возможность показать в ря-

дах Красной армии свои бойцовские качества, доказать воинскую состоятельность, прославить своё имя и имя

своей семьи, своего народа, своей малой Родины и всего многонационального народа Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Николаев Е.А., Николаева Д.В. Советские снайперы в бою. 1941—1945. М.: Яуза, ЭКСМО, 2009. С. 26, 27.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 31, 32.

⁵ Михайлов Н.А. Покой нам только снится. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 147.

⁶ Маринов А.А. Комсомол в солдатской шинели. М.: Воениздат, 1988. С. 54.

⁷ Михайлов Н.А. Указ. соч. С. 147.

⁸ Дьяченко Ф.Т. Готовность к подвигу. Л.: Лениздат, 1981. С. 38.

⁹ Он же. Нейтральная полоса. Л.: Лениздат, 1974. С. 63, 64.

¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹ Николаев Е.А., Николаева Д.В. Указ. соч. С. 31.

¹² Дьяченко Ф.Т. Нейтральная полоса. С. 193.

¹³ Он же. Готовность к подвигу. С. 40; он же. Нейтральная полоса. С. 194.

¹⁴ Он же. Нейтральная полоса. С. 206, 207.

¹⁵ Он же. Готовность к подвигу. С. 34; он же. Нейтральная полоса. С. 207, 208.

¹⁶ Он же. Нейтральная полоса. С. 126, 127.

¹⁷ Окороков А.Д. Слово, ведущее в бой. М.: Воениздат, 1980. С. 76.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 77.

²⁰ Трояновский П.И. На восьми фронтах. М.: Воениздат, 1981. С. 19, 20.

²¹ Крылов Н.И. Огненный бастион. М.: Воениздат, 1973. С. 276.

²² Там же. С. 277, 278.

²³ Бескорвайный А.И. По дорогам войны. М.: Воениздат, 1981. С. 44.

²⁴ Окороков А.Д. Указ. соч. С. 126.

²⁵ Там же. С. 120, 121.

²⁶ Там же. С. 126, 127.

²⁷ Там же. С. 127, 128.

²⁸ Лисицын Ф.Я. В те грозные годы. М.: Воениздат, 1985. С. 69.

²⁹ Там же. С. 69, 70.

³⁰ Там же. С. 70.

³¹ Николаев Е.А., Николаева Д.В. Указ. соч. С. 32.

³² Ивушкин Н.Б. Место твоё впереди. М.: Воениздат, 1976. С. 80.

³³ Лесин А.А. Была война... М.: Молодая гвардия, 1976. С. 57, 58.

³⁴ Шатилов В.М. А до Берлина было так далеко... М.: Воениздат, 1987. С. 187—189.

³⁵ Ивушкин Н.Б. За всё в ответе. М.: Воениздат, 1965. С. 139.

³⁶ Шмелёв М.Г. Фронтальная юность. М.: Воениздат, 1975. С. 148.

³⁷ Сошнев В.Г. С верой в победу. М.: Воениздат, 1982. С. 109, 110.

³⁸ Там же. С. 116.

³⁹ Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина. М.: Советская Россия, 1985. С. 182.

⁴⁰ Там же. С. 183, 288.

⁴¹ Там же. С. 182, 212.

⁴² Крылов Н.И. Сталинградский рубеж. М.: Воениздат, 1984. С. 338.

⁴³ Зайцев В.Г. За Волгой земли для нас не было. М.: Современник, 1981. С. 80.

⁴⁴ Горб М.Г. Страну заслоняя собой. М.: Воениздат, 1976. С. 104.

⁴⁵ Телегин К.Ф. Войны неслучившиеся вёрсты. М.: Воениздат, 1988. С. 152.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974. С. 163.

⁴⁸ Морозов И.К. От Сталинграда до Праги. Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1976. С. 61—63.

⁴⁹ Там же. С. 63.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Бачурин А.П. Фронтальные записки политработника. М.: Воениздат, 1962. С. 84, 87.

⁵² Там же. С. 85.

⁵³ Беляков П.А. В прицеле «Бурый медведь». Ростов-н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1987. С. 31.

⁵⁴ Там же. С. 33.

⁵⁵ Там же. С. 33, 34.

⁵⁶ Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1988. С. 368, 369.

⁵⁷ Бирюзов С.С. Суровые годы. М.: Воениздат, 1966. С. 91.

A.A. Yefimov, I.A. Anokhina

THE SNIPER MOVEMENT «TRIPLED THE STRENGTH... OF THE ARMY AND ITS FIGHTING ABILITY»

Domestic memoirists on military and political support of combat activities of Red Army snipers

Information about authors. Aleksey Yefimov — chief instructor of the Department of Military and Political Work in the Troops (Forces), a branch of the Military Academy of Logistics named after General of the Army A.V. Khrulev (Penza), Cand. Sc. (Hist.), associate professor (city of Penza. E-mail: aleksej.efimov.00@inbox.ru);

Irina Anokhina — faculty instructor of the Department of Military Political Work in Troops (Forces), a branch of the Military Academy of Logistics named after General of the Army A.V. Khrulev (Penza), Cand. Sc. (Hist.) (city of Penza. E-mail: anokhina_iren@mail.ru).

Summary. The paper relies on memoirs to analyze the problem of support of combat activities of Soviet snipers by political bodies of the Red Army during the first period of the Great Patriotic War. It pays particular attention to the specifics of military and political work on the development of sniper movement. It also marks those moral-psychological and ideological-political characteristics of Soviet snipers, reflected in memoirs, which were actively promoted during military-political work. The paper commends the role of military and political support of the sniper movement in the development of combat initiative of young soldiers and in the consolidation of multinational military teams.

Keywords: Great Patriotic War; Red Army; military and political work; sniper movement; the «Stakhanovites of the Front»; consolidation of multinational military teams.

«ОДНО ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ СОБЫТИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ»

30 августа (10 сентября) 1721 года, триста с лишним лет назад, в г. Ништадт был подписан мирный договор между Русским царством и Шведским королевством, завершивший Северную войну 1700—1721 гг.

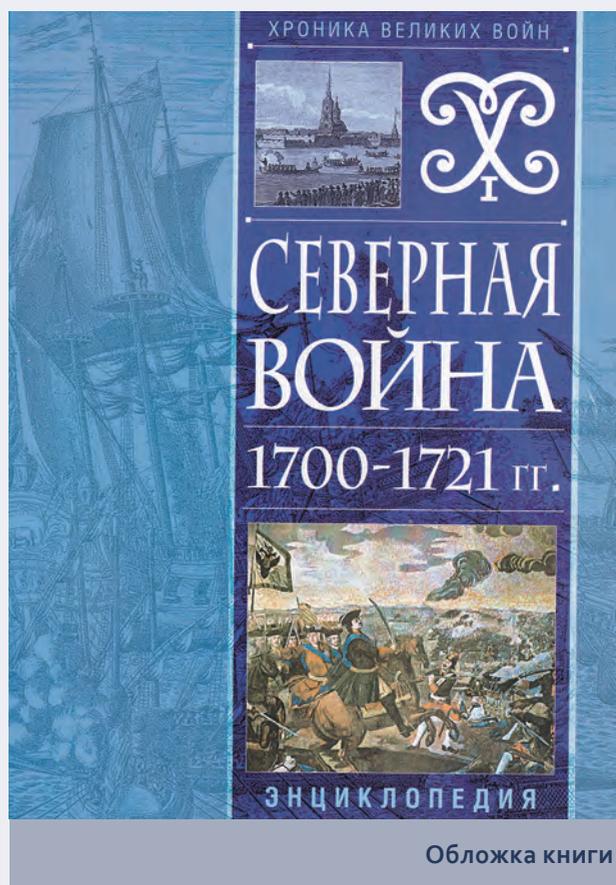
Победа России венчала её вековую борьбу за выход к Балтийскому морю и возвращение ранее отторгнутых от неё земель. Вместе с крупными внутренними преобразованиями Петра I она способствовала превращению России в великую державу, ставшую полноправной стороной в европейской политике. Отмечая это событие с политической точки зрения, русский историк С.М. Соловьёв писал: «Одно из величайших событий европейской истории совершилось: восточная половина Европы вошла в общую жизнь с западною; что бы не задумывалось теперь на Западе, взоры невольно обращались на Восток; малейшее движение русских кораблей, русского войска приводило в великое волнение кабинеты».

Северная война сыграла большую роль в развитии русского военного искусства. В ходе неё завершилось создание русской регулярной армии и военно-морского флота, сложились организационные формы вооружённых сил, система комплектования, принципы обучения и воспитания войск с учётом их национального характера, сформировалась структура органов управления, зародилась и получила значительное развитие русская военная теория, отразившаяся в уставах, наставлениях и инструкциях.

К юбилею этого знаменательного события Научно-исследовательским институтом (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ была выпущена энциклопедия Северной войны*.

Энциклопедия содержит научно-справочную информацию о войне; в более чем 900 статьях в сжатой форме изложены военные действия противоборствовавших сторон, дана информация о наиболее известных военачальниках, об их деятельности в военной, политической и иных сферах. Здесь же читатель найдёт подробную информацию о формах и способах ведения боевых действий в первой четверти XVIII века, о применявшихся в то время вооружении и боеприпасах, а также много иных данных о событиях Северной войны. Книга содержит большое количество карт, многие из которых публикуются впервые, а также рисунков и иллюстраций как из отечественных, так и зарубежных источников.

Энциклопедия предназначена всем, кто интересуется военной историей Российского государства.

Обложка книги

* Северная война, 1700—1721 гг.: энциклопедия. М.: Эксмо; Яуза-каталог, 2022. 640 с.

«АРТИЛЛЕРИИ СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ — НИ ШАГУ НАЗАД!»

Проблемные вопросы подготовки и применения артиллерии
в Курской стратегической оборонительной операции (5—23 июля 1943 г.)

Сведения об авторах. Мильбах Владимир Спартакович — профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Михайловской военной артиллерийской академии, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: v.milbach@yandex.ru);

Чернухин Виктор Андреевич — профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Михайловской военной артиллерийской академии, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: kid62@mail.ru).

Аннотация. Курская битва стала коренным переломом не только в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., но и во всей Второй мировой войне в пользу стран антифашистской коалиции. Исключительно важную роль в проведении этой операции сыграла артиллерия Красной армии. В статье представлен анализ ряда проблемных вопросов и способов их разрешения при подготовке и проведении Курской стратегической оборонительной операции, раскрыта роль артиллерии в оборонительных боях. Показаны героизм, мужество и высокий профессионализм советских артиллеристов при выполнении ими поставленных боевых задач. Поучительный опыт использования артиллерии в годы Великой Отечественной войны не утратил своего значения и в специальной военной операции Вооружённых сил Российской Федерации, начавшейся 24 февраля 2022 года.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; Курская битва; артиллерийское вооружение; организационные формы артиллерии; артиллерийские корпуса прорыва Резерва Верховного Главнокомандования (РВГК); огневое поражение; артиллерийская контрподготовка; противотанковая оборона (ПТО); артиллерийско-противотанковый резерв (АПТР); массирование и манёвр артиллерии; В.И. Казаков; С.С. Варенцов; Н.С. Фомин.

В героическую историю Великой Отечественной войны 1943 год вошёл как год коренного перелома в ходе войны. Впервые в истории военного искусства Красная армия, не уступавшая по силе противнику и даже превосходившая его, перешла к преднамеренной обороне. Задача — измотать врага, нанести поражение его подвижным соединениям, тем самым сорвать летнее стратегическое наступление немецко-фашистских войск на центральном участке фронта, а затем перейти в контрнаступление и разгромить противостоящую группировку

Для отражения ударов противника на Курской дуге советское командование привлекало войска Центрального (командующий генерал армии К.К. Рокоссовский, командующий артиллерией генерал-лейтенант артиллерии В.И. Казаков), Воронежского (командующий генерал армии Н.Ф. Ватутин, командующий артиллерией генерал-лейтенант артиллерии С.С. Варенцов) и Степного (командующий генерал-полковник И.С. Конев, командующий артиллерией генерал-лейтенант артиллерии Н.С. Фомин) фронтов. В ходе боевых действий дополнительно были введены в сражение управление Степного фронта, управления 5 гв., 27, 47 и 53-й общевойсковых, 5-й гв. танковой и 5-й воздушной армий, один механизированный и пять танковых корпусов, девятнадцать дивизий и одна бригада.

В составе советских фронтов, подготовленных для отражения ударов противника, насчитывалось 1 336 000 человек, 19 100 орудий и миномётов, 3444 танка и САУ, 2172 самолёта².

противника. Для её осуществления немецкое командование привлекало отборные 50 дивизий (в т.ч. 16 танковых и моторизованных). Кроме того, до 20 дивизий действовали на флангах ударных группировок. Всего в составе ударных группировок вермахта насчитывалось свыше 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и миномётов, до 2700 танков и штурмовых орудий и около 2050 самолётов. 1 июля 1943 года на совещании в ставке Гитлер подтвердил своё решение о проведении операции «Цитадель» и назвал дату её начала — 5 июля 1943 года¹.

В 1943 году промышленность поставила фронту 24 тыс. танков и САУ, 35 тыс. самолётов, 130 тыс. орудий, миномётов и реактивных установок

В рамках данной операции были проведены две фронтовые оборонительные операции: одна на орловско-курском направлении (5—12 июля 1943 г.), другая на белгородско-курском направлении (5—23 июля 1943 г.). Продолжительность Курской стратегической оборонительной операции составила 19 суток, ширина фронта боевых действий — 550 км, глубина отхода войск советских фронтов — 12—35 км.

Особое внимание советское командование обращало на подготовку к операции и действия в ней артиллерии — всепогодного и мощного в огневом отношении рода войск. Войска, действовавшие в районе Курской дуги, получили

усиление. В состав Центрального и Воронежского фронтов с апреля по июль поступили 10 стрелковых дивизий, 10 истребительно-противотанковых бригад, 13 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских полков, 8 гвардейских миномётных полков, 7 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков и другие части. С марта по июль 1943 года в распоряжение этих фронтов были переданы 5635 орудий и 3522 миномёта³.

В 1943 году в Советском Союзе непрерывно увеличивалось производство боевой техники и вооружения. В тот период промышленность поставила фронту 24 тыс. танков и САУ, 35 тыс. самолётов,

**Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн
у карты военных действий
Белгород, 1943 г.**

130 тыс. орудий, миномётов и реактивных установок. В 1943 году на вооружение были приняты 152-мм корпусная гаубица образца 1943 года (Д-1), 76-мм полковая пушка образца 1943 года, более мощная 57-мм противотанковая пушка ЗИС-2 образца 1943 года, усовершенствованный 82-мм миномёт на пулемётном станке. Начали поступать на фронт новые типы самоходных артиллерийских установок САУ-152, САУ-122 и САУ-85. Противотанковая артиллерия получила подкалиберные снаряды, обладавшие повышенной бронепробиваемостью

и позволявшие вести успешную борьбу с новыми немецкими танками и самоходными орудиями. Бронепробиваемость при стрельбе подкалиберными снарядами увеличилась в 1,5—2 раза. Совершенствовались и артиллерийские приборы. Артиллерия получила перископическую буссоль ПАБ-43 и новый вариант системы ПУАЗО-3, приспособленный для работы с радиолокатором⁴.

Заметные изменения происходили в развитии организационных форм артиллерии, особенно в артиллерии Резер-

ва Верховного Главнокомандования (АРВГК). Опыт Сталинградской битвы показал, что артиллерийские дивизии РВГК нуждались в усилении их более мощными средствами разрушения, т.к. имевшиеся на их вооружении 120-мм миномёты и 122-мм гаубицы не обеспечивали должного эффекта при разрушении прочных сооружений даже полевого типа. Данная проблема была решена накануне Курской битвы, в апреле 1943 года, организацией артиллерийских дивизий прорыва, имевших в своём составе тяжёлые и большой мощности гаубичные бригады. Всего в дивизии полагалось иметь 356 орудий и миномётов калибром от 76 до 152 мм. Вес залпа дивизии увеличился с 4830 до 9115 кг. Одновременно решалась проблема перехода к артиллерийским корпусам прорыва РВГК, в которые включались по две артиллерийские дивизии прорыва и одна гвардейская миномётная дивизия, на вооружении которой состояли рамные пусковые станки. Всего в корпусе насчитывалось 496 орудий, 216 миномётов и 864 рамных пусковых станка⁵.

Весной 1943 года успешно шло формирование истребительно-противотанковых артиллерийских бригад в составе двух полков 76-мм пушек и одного полка 45-мм пушек. Все полки были пятибатарейного состава, по четыре орудия в батарее, всего в бригаде насчитывалось 60 орудий⁶.

В целом новые организационные изменения в артиллерии РВГК создавали предпосылки для улучшения управления огнём и манёвром крупных масс артиллерии в бою (операции).

В ходе подготовки оборонительной операции велась активная оперативная и войсковая разведка, что позво-

ляло выявить построение войск противника, уточнить направления главных ударов и вероятное время начала наступления германских войск. Исключительно пристальное внимание командующие и штабы уделяли планированию боевого применения артиллерии. Оно включало в себя обширный круг проблемных вопросов, таких как: состав артиллерии, привлекавшейся для отражения наступления противника, и её распределение по направлениям, армиям и соединениям; создание в армиях, стрелковых корпусах и дивизиях целесообразной группировки; организация артиллерийской противотанковой обороны, а также организация огневого поражения противника. При этом учитывались результаты разведки, количество штатной и приданной на усиление артиллерии, профессиональная подготовка огневых расчётов и т.д.

Так, Центральный фронт с учётом полученной на усиление артиллерии имел в своём составе 11 266 орудий, миномётов и установок реактивной артиллерии (РА). При этом основная часть артиллерии фронта — 7222 орудия, миномёта и реактивные установки (82 полка РВГК из 94) — была развёрнута на направлении сосредоточения основных усилий фронта в полосе 95 км, что обеспечило создание там плотности на всю оперативную глубину обороны до 76 орудий, миномётов и установок РА на 1 км фронта.

Накануне операции по указанию Ставки ВГК на Центральном фронте был сформирован 4-й артиллерийский корпус прорыва, в состав которого вошли 5-я и 12-я артиллерийские дивизии прорыва под командованием гв. полковников А.И. Снегурова и

М.Н. Курковского и 5-я гв. миномётная дивизия реактивной артиллерии под командованием полковников Е.А. Фирсова, а затем Г.М. Фантолова. Всего в корпусе насчитывалось 712 орудий и миномётов, а их залп составлял около 70 т. В командование корпусом вступил генерал-майор артиллерии Н.В. Игнатов⁷.

И сегодня среди исследователей Курской битвы нет единого мнения о целесообразности нахождения такого мощного в огневом отношении соединения артиллерии, каковым являлся артиллерийский корпус прорыва РВГК в составе Центрального, а не Воронежского фронта, по войскам которого был нанесён более мощный удар. Подобные обстоятельства некоторыми историками преподносятся как ошибочное решение Ставки ВГК или объясняются присутствием на Центральном фронте заместителя Верховного главнокомандующего маршала Г.К. Жукова. Нам представляется более близкой к истине точка зрения участников круглого стола, организованного редакцией газеты «Красная звезда» 12 июля 2003 года, которые обратили внимание на конфигурацию Курского выступа. Именно на то, «что северный фас находился ближе к Москве. Поэтому при любом повороте событий здесь должна была быть более сильная группировка, в случае каких-то неожиданностей Москва всё-таки будет более прикрыта»⁸.

Командование Воронежского фронта получило на усиление 95 артиллерийских полков РВГК. С учётом штатной артиллерии в его составе имелось 8855 орудий, миномётов и реактивных установок, что обеспечивало создание средней плотности обороны 36,3 единицы на 1 км. Большая

часть артиллерии (84 полка РВГК, или 7655 орудий, миномётов и установок реактивной артиллерии) была развёрнута на участке сосредоточения основных усилий фронта. Значительный по фронту участок (164 км) позволил создать здесь на всю глубину обороны плотность только 46,6 орудия, миномёта и реактивной установки на 1 км. В полосе обороны 6-й и 7-й гвардейских армий, развёрнутых в полосе 114 км, средняя оперативная плотность составляла порядка 52 орудий на 1 км.

Анализ группировок артиллерии, создававшихся на фронтах, позволяет отметить их разнообразие в зависимости от ширины полосы обороны армий и полученных ими средств усиления. Армейские артиллерийские группы (артиллерии дальнего действия — АДД, артиллерии разрушения — АР, гвардейских миномётных частей — ГМЧ) в армиях, кроме 13-й, не создавались. В дивизиях создавались на общих основаниях группы поддержки пехоты (ПП) по числу полков первого эшелона. Наряду с ними в некоторых дивизиях, например в дивизиях первого эшелона 22-го гв. стрелкового корпуса 6-й гв. армии и дивизиях 7-й гв. армии, были созданы группы АДД за счёт частей усиления. Полки реактивной артиллерии, приданные дивизиям, находились в резерве командира стрелковой дивизии.

До начала операции были решены проблемы создания артиллерийских противотанковых резервов практически во всех звеньях — от полка до фронта. При этом значительная часть противотанковых бригад и полков РВГК была оставлена в составе артиллерийско-противотанковых резервов фронтов и армий.

Так, на Центральном фронте в состав этих резервов входили 19 полков из 22 (86 проц.), а на Воронежском фронте 27 из 46 (59 проц.).

Имелись определённые различия в подходе командующих артиллерией фронтов и

действия его артиллерии в период артиллерийской поддержки наступления пехоты. В этом случае уменьшалась сила неприятельского огневого удара и тем самым повышалась живучесть своих войск первого эшелона, сохранялись

13 участках общей протяжённостью 15 км (также около 30 проц. полосы обороны).

Артиллерийская противотанковая оборона в сражении под Курском была построена с учётом ранее полученного опыта и требований директивы Ставки ВГК от июля 1941 года, в которой были сформулированы три основных требования к организации артиллерийской противотанковой обороны: массивному удару танковых группировок врага должен быть противопоставлен надёжный артиллерийский заслон с сосредоточением усилий на направлениях ударов противника; артиллерийские противотанковые средства должны быть «наложены» на основные опорные пункты и узлы сопротивления общевойсковых частей и подразделений; противотанковая оборона должна строиться на всю глубину обороны части, соединения, объединения, в том числе и стреляющая с закрытых позиций, должна располагаться на танкоопасных направлениях.

Превалирующим в контрподготовке являлся огневой удар по батареям противника с целью сорвать артиллерийскую подготовку атаки немцев и парализовать действия его артиллерии в период артиллерийской поддержки наступления пехоты

их штабов в решении следующих задач: поражение основных сил ударной группировки в исходном положении для наступления проведением артиллерийской контрподготовки; отражение наступления пехоты и танков перед передним краем и в глубине обороны заблаговременным созданием системы огня и её дополнением в ходе сражения; организация борьбы с танками противника созданием прочной артиллерийской противотанковой обороны (ПТО).

Командующий артиллерией Центрального фронта и его штаб, имея опыт проведения артиллерийской контрподготовки в обороне под Москвой, предусматривали осуществлять её в полосе 13-й армии и на смежных флангах 48-й и 70-й армий по четырём вариантам. На основе разведанных превалирующим в контрподготовке являлся огневой удар по батареям противника с целью сорвать артиллерийскую подготовку атаки немцев и парализовать

силы для отражения атакующего противника. В полосе Воронежского фронта к контрподготовке привлекалась артиллерия 40-й армии, 6-й и 7-й гв. армий. Основные цели — пехота и танки в исходных для наступления районах. Расход боеприпасов по всем вариантам составлял 0,5 боекомплекта.

При организации системы огня артиллерии в армиях и дивизиях предусматривалось ведение сосредоточенного (СО) и массивованного (МО) огня. Особое внимание при её создании было обращено на борьбу с танками. Так, подвижный заградительный огонь (ПЗО) в полосе 13-й армии планировался на 47 участках, из них на 22 участках перед передним краем, что обеспечивало прикрытие фронта 10 км (30 проц. полосы обороны). 25 участков ПЗО подготавливались в глубине обороны. В полосе обороны 7-й гв. армии ПЗО планировался на 25 участках; из них перед передним краем на

Боевые действия войск Центрального фронта на орловско-курском направлении. Артиллерийская контрподготовка в полосе 13-й армии (командующий генерал-лейтенант Н.П. Пухов, командующий артиллерией генерал-майор артиллерии А.Н. Панков) началась в 2.30 5 июля. В отличие от намеченного графика методический огонь по целям не вёлся. Были произведены один за другим два огневых налёта из 595 орудий и реактивных установок двух полков реактивной артиллерии, в ходе которых артиллерийские батареи и штабы противника подавлялись во всей полосе обороны армии, а участки скопления живой

силы и наблюдательные пункты — только в полосах 81-й и 15-й стрелковых дивизий. Всего по противнику были выпущены 50 тыс. снарядов и мин. В результате были подавлены до 90 артиллерийских батарей. С началом артиллерийской подготовки противника была проведена повторная артиллерийская контрподготовка из 1067 орудий, миномётов и боевых машин реактивной артиллерии. Наступление противника против Центрального фронта было задержано на 2,5 часа⁹.

Однако эффективность контрподготовки была недостаточной, чтобы существенно повлиять на боеспособность изготовившихся к наступлению вражеских ударных группировок. Малоэффективными оказались и удары советских бомбардировщиков и штурмовиков по аэродромам противника, т.к. он успел поднять свою авиацию в воздух, не допустив её уничтожения на земле¹⁰.

Успех оборонительного сражения Центрального фронта определялся рядом факторов, важнейшими из которых были: упорство и героизм войск, активность и высокая эффективность огневого поражения всех применявшихся средств, а также своевременно осуществлённый манёвр силами и средствами на наиболее опасные направления. Так, наступление танков противника на Малоархангельск отражалось сосредоточенным огнём 148-й стрелковой дивизии и подвижным заградительным огнём 32-й гаубичной артиллерийской бригады. Для недопущения продвижения части сил противника, прорвавших оборону советских войск, командующий войсками фронта выдвинул на это направление из своего резерва 13-ю истре-

бительно-противотанковую артиллерийскую бригаду (иптабр), ранее развёрнутую на стыке 48-й и 13-й армий. С 7.00 5 июля 1130-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (иптап) этой бригады начал борьбу с танками, усилив оборону 148-й стрелковой дивизии. Продвижение врага на этом направлении было остановлено к исходу дня.

Ожесточённые бои с утра 5 июля развернулись на ольховатском направлении. Удары пехоты и танков отражались огнём артиллерии с закрытых огневых позиций, а с подходом их к переднему краю и вклиниванием в оборону войск фронта — огнём прямой наводкой. Образцы героизма показали в первые же часы артиллеристы. Например, взвод 45-мм пушек 676-го стрелкового полка 15-й стрелковой дивизии, которым командовал лейтенант И.И. Борисюк, в бою за Новый Хутор уничтожил в первый день боя 8 танков, на второй день — ещё 11 танков. Батарея лейтенанта С.И. Подгайнова (276-й гв. лёгкий артиллерийский полк) в боях за высоту 254,6

(северо-западнее Поньрей) уничтожила 15 танков, её личный состав был награждён орденами и медалями. Лейтенанты И.И. Борисюк, С.И. Подгайнов и В.В. Скрылёв, а также командир орудийного расчёта (540-й лёгкий артиллерийский полк 16-й лёгкой артиллерийской бригады) сержант А.Д. Сапунов (посмертно) были удостоены звания Героя Советского Союза. 76-мм пушка Сапунова № 281253 хранится как реликвия в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

Следует отметить, что в отражении атаки танков противника прямой наводкой участвовали не только артиллерийские противотанковые подразделения, лёгкие артиллерийские полки, но и гаубичная артиллерия.

Определив направления ударов основных сил противника, командующий войсками фронта дополнительно, кроме 13 иптабр, принял решение усилить 13-ю армию 1-й истребительно-противотанковой бригадой и 21-й миномётной бригадой (минбр),

Немецкие танкисты готовятся к наступлению. Загрузка боекомплекта в танк Т-VI «Тигр»

которые были развёрнуты 5 июля между Поньями и Малоархангельском.

С утра 5 июля развернулись ожесточённые бои и на правом фланге 70-й армии, где удары танков отражались частями 132-й стрелковой дивизии, а также поставленными на прямую наводку орудиями 167-го и 206-го лёгких артиллерийских полков 1-й гв. артиллерийской дивизии. Для усиления своего правого фланга командующий 70-й армией выдвинул на это направление из своего резерва 378-й истребительно-противотанковый полк и 3-ю истребительную

бригаду, которая в ночь на 6 июля заняла позиции южнее Самодуровки.

К исходу первого дня сражения противнику удалось вклиниться на 6—8 км на ольховатском направлении, где две дивизии 29-го стрелкового корпуса организованно отошли на вторую полосу обороны. На других направлениях его вклинение не превышало 5 км. К утру 7 июля по решению командующего войсками фронта в центре и на левом фланге 13-й армии и на правом фланге 70-й армии были развёрнуты, частично и за счёт манёвра,

две артиллерийские дивизии: 5-я артиллерийская дивизия прорыва и 1-я гв. артиллерийская дивизия, а также другие соединения и части РВГК. С утра 7 июля развернулись ожесточённые бои в районе Поньрей на рубеже, который занимала 307-я стрелковая дивизия. Здесь практически полностью погибла, но не пропустила танки врага 16-я лёгкая артиллерийская бригада полковника А.В. Домрачева.

Образцы героизма в боях на ольховатском направлении и на стыке 70-й и 13-й армий показали артиллеристы 3-й истребительной бригады полковника В.Н. Рукосуева и 3-й гв. лёгкой артиллерийской бригады полковника М.А. Грехова. В политдонесении начальника политуправления Центрального фронта о партийно-политической работе в соединениях и частях за период с 5 по 12 июля 1943 года сообщалось, что 8 июля около 300 немецких танков и штурмовых орудий, выйдя на рубеж Кошара, Самодуровка, тремя группами начали наступать в южном направлении, нанося удар основными силами по батарее капитана Г.И. Игишева. Подпустив танки на 600—700 м, командир батареи приказал открыть огонь. Под непрерывным артобстрелом и бомбовыми ударами батарея уничтожила 22 танка противника. Огнём врага были выведены из строя все орудия, из расчётов остались всего 13 человек, большинство из них имели одно-два ранения. Сам командир батареи также был дважды ранен. Уничтожив орудия этой батареи, противник встретил сопротивление батарей, стоявших на флангах, которые усилили огонь по танкам врага. Пытаясь занять огневые позиции батареи Игишева, враг бросил в атаку

Памятник героям-артиллеристам, павшим в боях 7—12 июля 1943 г.
Поньровский район, с. Тёплое

группу автоматчиков. Видя это, Игишев собрал весь личный состав и с призывом «За Родину, вперёд!» бросился на гитлеровцев, увлекая за собой подчинённых. Бойцы отбросили вражеских автоматчиков. Во время контратаки капитан Игишев погиб, вместе с ним погиб почти весь состав батареи. Последующая атака танков была отбита соседней батареей ст. лейтенанта Андреева, которая использовала замешательство врага, вызванное дерзкой контратакой капитана Игишева, выдвинула свои орудия на открытые позиции и уничтожила 11 вражеских танков. За день на этом участке были отбиты 8 танковых атак, противник потерял много бронетехники, живой силы и к концу дня был оттеснён на исходный рубеж. Военный совет 70-й армии представил материалы на присвоение капитану Г.И. Игишеву посмертно звания Героя Советского Союза¹¹.

К 9 июля противник ввёл в сражение основную состав своих войск (семь пехотных и пять танковых дивизий), оставив в резерве три дивизии. Не добившись успеха на ольховатском направлении, он перегруппировал основные силы на Фатеж — в стык между 13-й и 70-й армиями, но и здесь успеха не имел.

Дальнейшие попытки командующего 9-й полевой армией генерал-полковника В. Моделя нанести очередной удар с утра 12 июля после перегруппировки сил были сорваны переходом в наступление передовых батальонов Западного и Брянского фронтов.

Планы немецко-фашистского командования прорвать оборону советских войск на северном фланге Курской дуги провалились. С 11 июля 9-я армия груп-

Г.И. Игишев

пы «Центр» была вынуждена окончательно перейти к обороне. Ценой огромных потерь этой армии, нанеся удар на участке шириной около 40 км, удалось

рал-лейтенант И.М. Чистяков, командующий артиллерией генерал-майор артиллерии Д.И. Турбин). На отдельных направлениях гвардейцы удерживали занимаемые позиции до 11.00 следующего дня.

Командование Воронежского фронта приняло решение о проведении артиллерийской контрподготовки в полосе 6-й гв. армии. Вначале она была проведена в 22.30 4 июля в виде 5-минутного огневого налёта по 46 объектам (17 районов сосредоточения пехоты и танков, 12 батарей, 17 наблюдательных пунктов и др. цели). Повторно контрподготовка с привлечением запланированных сил и средств продолжительностью 30 минут была проведена в 3.00 5 июля. Наступление противника главными силами было начато только в 6 ч утра. В полосе 7-й гв. армии (командующий Герой Советского

Игишев собрал весь личный состав и с призывом «За Родину, вперёд!» бросился на гитлеровцев, увлекая за собой подчинённых. Бойцы отбросили вражеских автоматчиков. Во время контратаки капитан Игишев погиб, вместе с ним погиб почти весь состав батареи

продвинуться своим центром всего лишь на 10—12 км.

Боевые действия войск Воронежского фронта на белгородско-курском направлении начались днём 4 июля попыткой противника сбить боевое охранение 6-й гв. армии (командующий гене-

Союза генерал-полковник М.С. Шумилов, командующий артиллерией генерал-майор артиллерии Н.С. Петров) контрподготовка продолжительностью 30 минут началась в 3.20 5 июля и проводилась по трём вариантам.

Главный удар в полосе Воронежского фронта противник

наносил силами 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота на обоянском направлении в полосе 6-й гв. армии. Второй удар — силами оперативной группы «Кемпф» генерала В. Кемпфа в общем направлении на Корочу. В первый же день своего наступления в полосе 6-й и 7-й гвардейских армий противник ввёл в сражение все силы ударных группировок: пять пехотных, восемь танковых и одну моторизованную дивизии.

На обоянском направлении особенно упорные бои развернулись в центре полосы 6-й гв. армии за опорные пункты, оборонявшиеся 67-й и 52-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. На каждом из этих направлений наносили удар 300—400 танков и штурмовых орудий. Командующий 6-й гв. армией генерал-лейтенант И.М. Чистяков выдвинул на направления ударов противника основные силы своего резерва: 496 иптабр, а затем и 27 иптабр в полосу 67 гв. сд (в район Черкасское) и 28 иптабр в полосу 52 гв. сд (в районе Быковки).

Для усиления обоянского направления командующий

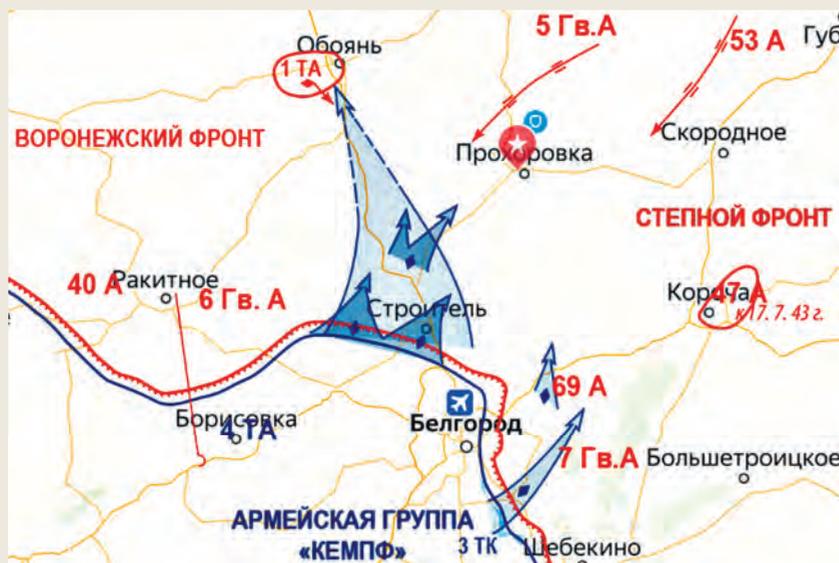
фронтом решил к исходу 5 июля выдвинуть и развернуть на второй полосе обороны: 1-ю танковую армию — за правым флангом 6-й гв. армии на рубеже Меловое, Яковлево, 5-й гв. танковый корпус — левее 1-й танковой армии на участке в 12 км и 2-й гв. танковый корпус — за левым флангом 6-й гв. армии на участке в 10 км.

Во второй половине 5 июля и в течение 6 июля бои шли с большим ожесточением. Части и соединения 6-й гв. армии, поддержанные авиацией и огнём артиллерии, оказывали упорное сопротивление врагу. Противотанковые полки и бригады, развёртываясь с марша и непрерывно маневрируя, встречали огнём танки противника на наиболее опасных направлениях. Примером широкого манёвра и ведения огня по танковым частям врага с фронта и во фланг служат действия 27-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады полковника Н.Д. Чеволы, которая 5 июля отражала атаки танков на рубеже Коровино, Черкасское, 6 и 7 июля, после совершения манёвра — в районе Лухани-

но, Сырцева, а 8—9 июля вела массированный фланговый огонь по танкам юго-восточнее Верховенья. Всего с 5 по 9 июля 27 иптабр, в основном огнём только 1837-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, уничтожила 66 танков и самоходных орудий противника, потеряв при этом 19 орудий¹².

Успех действий истребительно-противотанковых бригад в составе артиллерийско-противотанковых резервов армии (фронта) объясняется своевременным принятием решения командующим армией на развёртывание противотанкового резерва, удачным выбором рубежа развёртывания, умелой маскировкой орудий и выделением для обмана противника так называемых заигрывающих орудий, расчёты которых ценой своей жизни обеспечивали успех отражения танковых атак.

О подобных тактических приёмах свидетельствовали в своих воспоминаниях бывшие преподаватели Михайловской военной артиллерийской академии — участники Курской битвы. Один из них — ветеран кафедры Управления ударами и огнём ракетных войск и артиллерии полковник в отставке Епихин Андрей Кириллович — в беседе с преподавателями и слушателями академии вспоминал такой боевой эпизод Курской битвы. 6 июля 1943 года 1-я батарея 1510-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, входившего в состав 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса Степного фронта, которой командовал лейтенант А. Епихин, заняла позиции на танкоопасном направлении у с. Казачье. Вскоре воздух наполнился грохотом снарядов и лязгом гусениц. Четыре орудия против двух десятков

Оборонительная операция войск Воронежского фронта (5—23 июля 1943 г.) (обстановка на 5 июля 1943 г.)

фашистских танков! Вскоре шесть вражеских машин были подбиты огнём батареи, но и противотанкисты понесли потери. Одно орудие было уничтожено, из расчёта другого остался лишь один боец, который продолжал вести огонь. Именно к этому орудью устремились танки врага. Впереди двигался «Тигр», снаряды наших орудий рикошетировали от его мощной лобовой брони. Танк прошёл мимо орудия, которым командовал лейтенант Демидов. Продвигаясь вперёд, враг подставил уязвимую для наших снарядов часть корпуса. Демидов, развернув пушку, ударил немецкому танку в корму. Вражеская машина, продвинувшись ещё на несколько метров, загорелась, а потом в ней взорвался боезапас. Смертельное противостояние, страшное напряжение сил и нервов, боевой успех притупили внимание артиллеристов — расчёт Демидова поздно заметил, как на него надвинулся другой танк: подмято орудие, погиб расчёт. Слишком уж неравны были силы. Танки шли валом. Выручила наша авиация: штурмовики Ил-2 нанесли массированный удар по фашистской бронетанковой технике¹³.

9 июля противник предпринял последнюю попытку прорвать оборону советских войск на обоянском направлении, нанося удар крупной группой танков (до 500) при поддержке значительных сил авиации вдоль шоссе на узком участке. Командующий фронтом выдвинул к югу от Обояни из своего резерва одну иптабр, три иптап и четыре дивизиона реактивной артиллерии. Упорное сопротивление соединений 1-й танковой, 6-й гв. армий и 10-го танкового корпуса обескровило ударную группировку немцев и

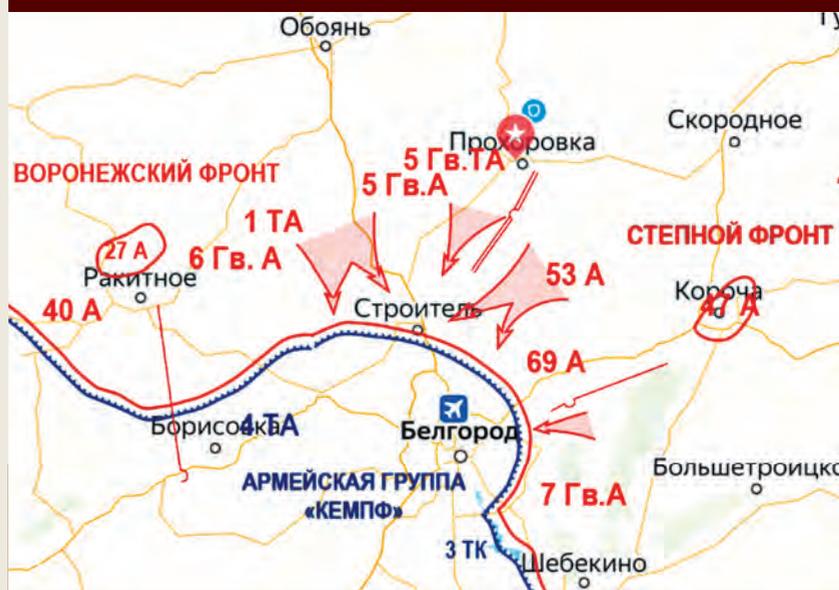
остановило её продвижение. К исходу 9 июля противнику удалось выйти к тыловой полосе обороны на участке шириной 12—13 км, вклинившись на глубину до 35 км.

В сложившихся условиях Ставкой ВГК было принято решение привлечь войска Степного фронта к отражению наступления гитлеровских войск. 53-я армия этого фронта выдвигалась на фронтовой рубеж обороны по р. Сейм (юго-западнее Курска), 5-я гв. армия — на армейскую полосу обороны по р. Псёл от Обояни до Прохоровки. 5-я гв. армия и 5-я гв. танковая армия были переподчинены командованию Воронежского фронта.

Командующий Воронежским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин решил с утра 12 июля нанести контрудар двумя мощными группировками в общем направлении на Яковлево, разгромить противника и восстановить положение. С северо-востока удар должны были наносить 5-я гв. танковая армия и часть сил 5-й гв. армии, а с северо-запада — соединения 6-й гв. и 1-й танковой армий.

Противник упредил контрудар Воронежского фронта. 11 июля его ударные группировки возобновили наступление и потеснили советские войска: 1-ю танковую и 6-ю гв. армии — на Обоянь, а 5-ю гв.

Смертельное противостояние, страшное напряжение сил и нервов, боевой успех притупили внимание артиллеристов — расчёт Демидова поздно заметил, как на него надвинулся другой танк: подмято орудие, погиб расчёт

Оборонительная операция войск Воронежского фронта (5—23 июля 1943 г.) (обстановка на 23 июля 1943 г.)

армию и части 2-го танкового корпуса в направлении на Прохоровку. В результате отхода войск была сорвана двухдневная подготовка артиллерии для обеспечения контрудара 5-й гв. танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск П.А. Ротмистрова. Более того, часть артиллерии была уничтожена, попав под удар танков противника, а другая часть отошла на новые огневые позиции. Подготовку пришлось организовывать заново.

Утром 12 июля соединения 5-й гв. танковой армии после 15-минутной артиллерийской подготовки и штурмовых действий авиации нанесли удар по противнику в районе Прохоровки. Развернулось ожесточённое сражение, в котором приняли участие крупные силы советских и германских войск и которое характеризовалось разнообразием применявшихся обеими противоборствующими сторонами форм боевых действий. На одних участках войска армии вели наступление с одновременным парированием контрударов немецких войск, на других — вели встречные бои. На всех направлениях при отражении танковых атак противника артиллеристы, выполняя приказ своих командиров «Стоять насмерть, ни шагу назад!», проявляли мужество, героизм, преданность Родине, высокие боевые качества. Так, в районе Прохоровки одна из батарей артиллерийского дивизиона 58-й мотострелковой бригады 2-го танкового корпуса, в которой сражался комсорг дивизиона гв. старший сержант М.Ф. Борисов, вступила в неравный поединок с 19 немецкими танками дивизии СС «Адольф Гитлер». Когда расчёт последнего орудия вышел из строя, Борисов встал

к прицелу пушки и прямой наводкой подбил 7 танков. Восьмой танк ударом снаряда в лобовую броню удалось лишь остановить в 50—60 м от артиллерийской позиции, что не помешало танку сделать ответный выстрел. Осколками вражеского снаряда отважный артиллерист был тяжело ранен¹⁴.

12 июля в ходе боя у высоты 226,6 в районе населённого пункта Полежаев Прохоровского района расчёт орудия, которым командовал гв. сержант А.Б. Данилов, три часа отражал контратаки немецких пехотных и танковых подразделений. Когда погибли наводчик и заряжающий, Данилов продолжал вести огонь в одиночку, нанеся противнику большой урон в живой силе и технике¹⁵.

По сей день ведутся споры о количестве танков и САУ, принимавших участие в Прохоровском сражении, о понесённых потерях в боевой технике, об имевших место недочётах в организации боевых действий. Однако это не умаляет значения победы, одержанной под Прохоровкой, когда ценой огромного напряжения сил удалось сдержать наступавшего противника. «Безусловно, — отмечает исследователь Курской битвы В.Н. Замулин, — отражение мощного удара группы армий “Юг” и большой урон, нанесённый танковым войскам вермахта, были достигнуты не только армиями Ротмистрова, Жадова и Крюченкина, а в результате общих усилий войск Воронежского фронта и резервов Ставки Верховного главнокомандования. Исход сражения у Прохоровки ещё раз показал немецкому командованию, что его стратегический замысел — срезать “Курский выступ” — превышал возможности немецких войск»¹⁶.

Таким образом, впервые за годы Великой Отечественной войны немецкое наступление было остановлено в тактической (Центральный фронт) или на небольшой оперативной (Воронежский фронт) глубине. При этом и на северном, и на южном фесе Курской дуги основным средством в борьбе с бронетанковыми группировками противника являлась артиллерия, выполнявшая поставленные задачи в тесном взаимодействии с другими родами войск и авиацией.

Оборонительные сражения под Курском и Белгородом показали, что массированные танковые группировки немцев, сопровождавшиеся эскортом авиации, больше не могли так уверенно прорываться вглубь советской страны, как это было в 1941 г. и 1942 г. Сражения на Огненной дуге жарким летом 1943 года стали переломным этапом Великой Отечественной войны. Большие потери в личном составе и боевой технике привели к окончательной утрате вермахтом стратегической инициативы. Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн в своих мемуарах констатировал, что операция «Цитадель» «была последней попыткой сохранить в наших руках инициативу на Востоке. С её прекращением, равнозначным провалу, инициатива окончательно перешла к советской стороне. В этом отношении операция “Цитадель” является решающим, поворотным пунктом войны на Восточном фронте»¹⁷.

Характер боевых действий артиллерии Красной армии в боях под Курском и их результаты свидетельствовали о всё возрастающей роли этого важнейшего в огневом отношении рода войск, о высокой профессиональной подготов-

ке артиллеристов и их умении управлять массированным огнём. «Бог войны», как называли артиллерию в Красной армии, оказывал мощную огневую поддержку пехоте и танкам на всех этапах стратегической оборонительной операции. Особенно значима была её роль в борьбе с танками противника. Например, из общего количества (2952) подбитых и уничтоженных танков и штурмовых орудий противника 1861 приходится на артиллерию (Центрального фронта — 812, Воронежского

фронта — 1049), что составило 63 проц. всех потерь, понесённых бронетанковыми частями противника. Это оказало решающее влияние на весь ход и исход Курской битвы¹⁸.

Опыт боевого применения артиллерии в этой битве был положен в основу действий артиллерии в последующих оборонительных операциях, а ряд таких положений, как организация системы огня в обороне, построение артиллерийской контрподготовки, противотанковой обороны и др., послужили основанием

для разработки послевоенных уставов и наставлений. Не утратил он своего значения и в ходе специальной военной операции Вооружённых сил Российской Федерации на Украине. Как и летом 1943 года, ракетчики и артиллеристы свято выполняют приказ своих командиров «Стоять насмерть — ни шагу назад!», проявляя при этом высокие морально-психологические качества, героизм, мужество и бесстрашие в борьбе с вооружёнными силами украинских неонацистов и западных наёмников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Семёнов К.К. Память победы. Курская битва. Коренной перелом в войне. М.: Вече, 2020. С. 3.

² Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Вече, 2010. С. 299.

³ История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 7. Завершение коренного перелома в войне. М.: Воениздат, 1976. С. 135.

⁴ Военная история. Развитие артиллерии: учебное пособие / Под общ. ред. В.В. Дятлова. СПб.: Издательство МВАА, 2014. С. 238, 239.

⁵ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 1-й исторический. Инв. 18/1284. Л. 15—20.

⁶ Там же. Л. 22.

⁷ Надьсева Г.С. На службе штабной. Рига: Лиесма, 1972. С. 121, 122.

⁸ Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Тайные страницы Великой Отечественной. М.: Кучково поле, 2009. С. 142.

⁹ Казаков В.И. Артиллерия, огонь! М.: Воениздат, 1972. С. 127.

¹⁰ Курская битва: хроника, факты, люди в 2 кн. / Руковод. авт. коллектива В.А. Жилин. Кн. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2003. С. 25, 26.

¹¹ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 62. Оп. 335. Д. 16. Л. 360—372.

¹² Действия артиллерии объединений и соединений по опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: пособие для офи-

церов наземной артиллерии. М.: Воениздат, 1974. С. 134.

¹³ Лапшин С.А. 65 лет в строю // Михайловец. 2005. № 11. С. 65.

¹⁴ Герои Советского Союза: краткий биографический словарь. Т. 1. М.: Воениздат, 1987. С. 192.

¹⁵ Там же. С. 406.

¹⁶ Замулин В.Н. Потери советских войск в сражении на прохоровском направлении 10—16 июля 1943 года // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 22.

¹⁷ Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1957. С. 463.

¹⁸ Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Кн. 2. М.: Воениздат. С. 222.

V.S. Milbakh, V.A. Chernukhin

«ARTILLERY, ENDURE TO THE END! NEVER RETREAT!»

Problems of Preparation and Application of Artillery in Kursk Strategic Defensive Operation (July 5—23, 1943)

Information about authors. Vladimir Milbakh — professor of the Department of Military and Political Work in Troops (Forces), Mikhailovskaya Military Artillery Academy, D. Sc. (Hist.), professor (St. Petersburg. E-mail: v.milbakh@yandex.ru);

Viktor Chernukhin — professor of the Department of Military and Political Work in Troops (Forces), Mikhailovskaya Military Artillery Academy, D. Sc. (Hist.), professor (St. Petersburg. E-mail: kid62@mail.ru).

Summary. The Battle of Kursk was a decisive turning point not only in the Great Patriotic War of 1941—1945, but also in the entire Second World War in favor of the anti-fascist coalition countries. The artillery of the Red Army played an extremely important role in this operation. The paper contains analysis of a number of problematic questions and ways of their solution during preparation and carrying out of Kursk strategic defensive operation, and reveals the role of artillery in defensive battles. It also shows the heroism, courage and high professionalism of Soviet artillerymen during fulfillment of combat tasks. The instructive experience of artillery use during the Great Patriotic War has not lost its significance during the Special Military Operation of the Armed Forces of the Russian Federation, which began on February 24, 2022.

Keywords: Great Patriotic War of 1941—1945; Battle of Kursk; artillery equipment; organizational forms of artillery; artillery breakthrough corps of the Reserve of the Supreme High Command; fire defeat; artillery countermeasures; antitank defense; artillery-antitank reserve; massing and artillery manoeuver; V.I. Kazakov; S.S. Varentsov; N.S. Fomin.

«ЕСЛИ МИННЫЙ ТРАНСПОРТ ИСПОЛНИЛ СВОЙ ДОЛГ, ТО МОЖЕТ И ПОГИБНУТЬ...»

Минный транспорт «Енисей» в Русско-японской войне 1904—1905 гг.

Сведения об авторе. Толочко Александр Валентинович — командир войсковой части, полковник, кандидат исторических наук (г. Мирный, Архангельская обл. E-mail: zvezdny68@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается один из эпизодов неудачного начала Русско-японской войны 1904—1905 гг. — гибели минного транспорта «Енисей». Действия «Енисея» и его команды 27—29 января 1904 года изложены в официальных документах и были опубликованы ещё в 1910-х годах. Анализ ранее не использовавшихся исследователями воспоминаний судового врача А.А. Агафонова позволяет не только дополнить обстоятельства участия «Енисея» в боевых действиях, но и узнать об отношении офицеров и команды судна к исполнению воинского долга. Известие о постановках русских мин и гибели кораблей, по мнению автора, удержало японское командование от морских десантных операций вблизи Дальнего и Порт-Артура.

Ключевые слова: Российская империя; Япония; Русско-японская война; минный транспорт «Енисей»; минная постановка; Порт-Артур; Талиенванская бухта; капитан 2 ранга В.А. Степанов; лейтенант П.Я. Дрешер; А.А. Агафонов.

Начало Русско-японской войны было крайне неудачным для русского флота. В ночь на 27 января 1904 года в Порт-Артуре были подорваны эскадренные броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада»; в Чемульпо затонули

крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». А 29 января в Талиенванском заливе произошёл нелепый и трагический инцидент: на собственной mine подорвался и затонул минный транспорт «Енисей».

Минный транспорт «Енисей» и однотипный с ним «Амур» были новейшими боевыми судами. По своей сути они были минными заградителями, но из-за отсутствия такого класса судов в русском флоте их официально называли минными транспортами.

Строительство минных транспортов «Амур» и «Енисей» было предусмотрено судостроительной программой 1895 года. Они были заложены на стапелях Балтийского завода в 1898 году и в 1901 году введены в строй. «Амур» и «Енисей» имели водоизмещение 2500 т, ход 17 узлов, артиллерийское вооружение (пять 75-мм и семь

47-мм орудий) было достаточным для отражения атак миноносцев. Главным оружием минных транспортов были 450 мин и приспособления для их установки.

В марте 1902 года оба минных транспорта прибыли в Порт-Артур. Изначально их планировали использовать в мирное время в качестве стационарных, а в военное — после израсходования мин — для несения крейсерской службы.

29 апреля 1902 года командиром «Енисея» был назначен капитан 2 ранга Владимир Александрович Степанов 2й¹. Он участвовал в проектировании минных транспортов и считался одним из лучших офицеров-минёров русского флота². В Порт-Артуре Сте-

панов жил только своим кораблём и командой. В грядущей войне он видел своё судно «храбрым дружинником, налёты которого наводили бы страх на неприятеля»³. Часть его непосредственных подчинённых — мичманы С.Н. Власьев⁴, Б.А. Хрушов⁵, А.М. Де-Симон⁶, Б.А. Дриженко⁷, П.А. Вильгельмс 2й⁸ и надворный советник А.А. Агафонов⁹ — были назначены на минный транспорт в конце 1903 года. Основная же часть команды совершила на «Енисее» переход из Балтийского моря на Дальний Восток, в 1902—1903 гг. принимала участие в учебных постановках мин и считалась опытной и готовой к морской службе.

Хронология событий, имевших место 27–29 января 1904 года на минном транспорте «Енисей», и обстоятельства его гибели описаны лейтенантом Дрешером¹⁰, мичманом С.Н. Власьевым¹¹ и надворным советником Агафоновым¹². Информацию, приведённую ими, а также содержащуюся в некоторых других документах, можно суммировать следующим образом.

В ночь на 27 января 1904 года минный транспорт «Енисей» находился в Западном бассейне внутреннего рейда Порт-Артура. Свободные от службы офицеры по обыкновению собрались в кают-компанию. Там за чаем они продолжили ставший уже обычным разговор о том, будет война с Японией или нет. Почвой для него были многочисленные слухи, ходившие в последнее время в Порт-Артуре. Кто-то утверждал, что японцы начнут боевые действия без объявления войны. Кто-то сообщил, что японский флот уже находится у Вей-Хай-Вея (порт на северо-восточном побережье Шаньдунского полуострова, в 210 км от Порт-Артура). Присутствовавшие пришли к выводу, что, если слухи верны, нападения японских миноносцев можно ожидать уже этой ночью. Около 22 ч офицеры стали расходиться по каютам. Но их отдых продлился недолго.

В 23 ч 35 мин раздался взрыв мины, выпущенной японским миноносцем в эскадренный броненосец «Ретвизан». Несмотря на то что «Ретвизан» открыл огонь, на флагманском броненосце «Петропавловск» считали, что на одном из русских миноносцев произошёл случайный взрыв из-за неосторожного обращения с минным аппаратом. И

только последующие сообщения о торпедировании эскадренного броненосца «Цесаревич» и крейсера «Паллада», интенсивная артиллерийская стрельба на внешнем рейде убедили командование русской эскадры, что началось то, чего они давно ждали, — война с Японией¹³.

И хотя в отражении ночной атаки минный транспорт «Енисей» участия не принимал, эта ночь стала для его команды «бессонной и полной тревоги». Сигналом с Золотой горы гребным судам было приказано идти для оказания помощи «Ретвизану» и при необходимости снять с него команду. С «Енисея» спустились две шлюпки-шестёрки, и они под командованием офицеров ушли на внешний рейд. Чуть позже на Золотой горе был подан сигнал «Амуру» и «Енисею» поднимать пары и выходить на внешний рейд. «Енисей» был подготовлен к выходу, однако дополнительных указаний не поступило, и он остался на прежнем месте.

Лейтенант Н.Н. Ромашев¹⁴ доложил, что, когда он держался около кормы «Ретвизана», за его шестёркой прошла японская мина. Мичман Вильгельмс сообщил, что видел вице-адмирала О.В. Старка¹⁵ на мостике «Петропавловска». По его словам, «адмирал был совершенно убит и растерян нападением».

После прибытия гребных судов капитан 2 ранга Степанов пригласил офицеров в кают-компанию и поздравил всех с началом войны. Он призвал офицеров к «общей трудной работе» и выразил уверенность, что с приходом Балтийского флота «мы задавим коварного врага». Речь командира была с восторгом принята присутствовавшими.

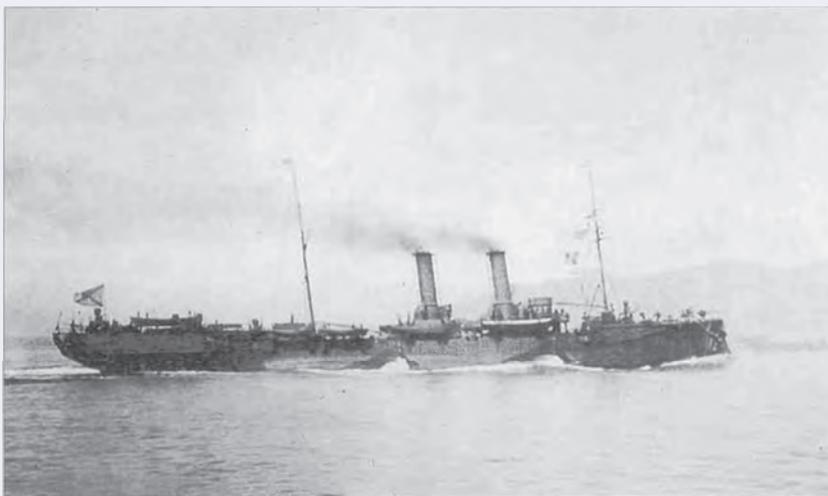
Ранним утром 27 января на борт «Енисея» «на минутку» поднялся капитан 2 ранга М.В. Бубнов¹⁶. С однокашником по Морскому корпусу и лучшим другом Степанов был откровенен. Предчувствуя скорую гибель, он просил друга передать поцелуй

Капитан 2 ранга Степанов пригласил офицеров в кают-компанию и поздравил всех с началом войны. Он призвал офицеров к «общей трудной работе» и выразил уверенность, что с приходом Балтийского флота «мы задавим коварного врага»

Всю ночь свободные от вахты офицеры и матросы находились на палубе. Никто толком не знал, что происходит на внешнем рейде. И только офицеры, возвратившиеся на шестёрках, привезли известия, шокировавшие всех.

своим детям¹⁷ (капитан 2 ранга Степанов овдовел в 1897 г., в России у него остались две дочери).

В 9 ч капитан 2 ранга Степанов приказал начать подготовку мин к постановке без вставления запалов. Из

Минный транспорт «Енисей» в боевой раскраске идёт на постановку мин

погребов были подняты 100 мин, и половина их была подготовлена. В это время к Порт-Артуру подошли главные силы японского флота, и в 11 ч 15 мин по городу и порту был открыт огонь. Неприятельские снаряды ложились и в непосредственной близости от стоявшего без паров на двух якорях минного транспорта. «Енисей» осыпало осколками взрывающихся снарядов, а 6-дюймовым снарядом был снесён носовой боевой фонарь. В случае попадания снаряда в минный транспорт и детонации находившихся на палубе мин от взрыва могли пострадать и соседние корабли. Времени на спуск мин в трюм не было, и капитан 2 ранга Степанов приказал вынуть запальные стаканы, что снижало вероятность взрыва мин, и приспустить шлюпки. Находившиеся на борту «Енисея» осознавали опасность, но ни у кого не было «ни тени страха». Встретив отпор береговых батарей и русской эскадры, японские корабли в 11 ч 50 мин прекратили обстрел и скрылись за горизонтом.

Днём капитан 2 ранга Степанов был вызван в штаб на-

местника¹⁸. Будучи уверенным, что «Енисею» будет поставлена задача по минированию неприятельских баз, он обратился к команде и предложил не желавшим идти с ним «на опасное предприятие» списаться с судна. Однако таковых не оказалось.

Во время непродолжительного схода на берег капитан 2 ранга Степанов случайно встретился с сотрудником порт-артурской газеты «Новый Край» П. Ларенко¹⁹. На его вопрос о положении дел Степанов «отрывисто» ответил: «Что касается минного дела, то мы уже проиграли его. Мы должны были наперед знать, не только когда начнется война, но даже час, когда неприятельский флот намеревался покинуть свой порт. Тогда бы я должен заградить им выход минами, и тут наша эскадра могла бы сразу уничтожить все главные силы неприятеля. Заградить же свои порты от неприятеля — это не задача моих транспортов». На реплику Ларенко о том, что минное дело очень рискованное для самих исполнителей, Степанов ответил: «Как все военные пред-

приятия вообще. Опасность всюду одинаковая. Но если минный транспорт исполнил свой долг, то может и погибнуть, хотя бы от собственных мин — это не беда. К этому должен быть готов каждый командир минного транспорта». При этих словах они пожали друг другу руки и расстались. Ларенко заметил, что «он очень спешил»²⁰.

Около 16 ч капитан 2 ранга Степанов получил от местного план минного заграждения порта Дальний и приказание следовать туда немедленно. «Енисею» предписывалось идти в Талиенванский залив и поставить поперек входа в него две линии мин. Одну — от материка до о. Норд-Саншан-Тау, другую — от Зюйд-Саншан-Тау до о. Пань-Тау, оставив средний проход в порт свободным. После окончания постановки мин Степанову предписывалось идти в Дальний. Там, предупредив портовые власти о выставленном минном заграждении, он должен был вывести из порта суда нейтральных государств. Затем минный транспорт должен был оставаться в Дальнем, «приняв все предосторожности»²¹.

Около 17 ч «Енисей» вышел в море. На корабле снова начали подготовку мин к установке. Неожиданно капитан 2 ранга Степанов получил приказ вернуться в Порт-Артур. Приготовление мин было приостановлено. В Порт-Артуре к «Енисею» присоединился крейсер «Боярин», и в его сопровождении минный транспорт вновь отправился в Дальний. Оба судна шли без огней. Обстановка была напряжённой: сведений о противнике не было, беспроволочные телеграфы постоянно принимали сигналы с японских кораблей. Возмож-

но поэтому во время ночного похода вначале за японские миноносцы были приняты прибрежные камни, а чуть позже русские корабли едва не открыли взаимный огонь, приняв друг друга за неприятеля. Несмотря на то что «Енисей» шёл полным ходом и часть команды находилась на боевых постах, подготовка мин была возобновлена, и к 22 ч первые 100 из них были готовы к установке.

Крейсер «Боярин» довёл минный транспорт до Талиенванского залива и ушёл в Порт-Артур. «Енисей» был оставлен в опасном районе без охраны.

До 24 ч 27 января «Енисей» выставил заграждение в северном проходе из 100 мин. Ночью подходить к о. Норд-Саншан-Тау было опасно, поэтому у берега остался проход шириной в 5 кабельтовых, который предстояло заградить позже. Ночь «Енисей» провёл на якоре у о. Хенд. Команде был предоставлен непродолжительный отдых.

С 6 ч 28 января на «Енисее» начали приготовление следующих 108 мин. Благодаря непрерывной работе к 11 ч они были подготовлены. Несмотря на очень свежую погоду, минный транспорт снялся с якоря и подошёл к месту постановки. В это время с «Енисея» заметили силуэт военного судна. Капитан 2 ранга Степанов приказал приготовиться к бою и даже пошутил, что «теперь драться будет совсем хорошо, так как уже снят верхний слой мин, который помещался в трюмах выше ватерлинии». Но неизвестное судно прошло, не заметив «Енисея», и минный транспорт продолжил постановку. Установка мин этой линии продолжалась до 13 ч, при этом только одна из мин всплыла.

Затем из трюмов подняли следующую партию в 112 мин (для окончания заграждения южного прохода) и начали их приготовление. К 18 ч мины были подготовлены и в течение часа выставлены. Таким образом, поперёк Талиенванского залива было выставлено 320 мин на протяжении 7 миль.

После этого «Енисей» встал на якорь на рейде Дальнего. Там Степанов настоятельно рекомендовал градоначальнику потушить огни на молах и маяке Сан-Шан-Тво для затруднения ориентировки неприятельских кораблей.

В погребах минного транспорта осталось 82 мины, и Степанов решил прикрыть ими пропуск в северной линии и увеличить плотность южной линии. 29 января с

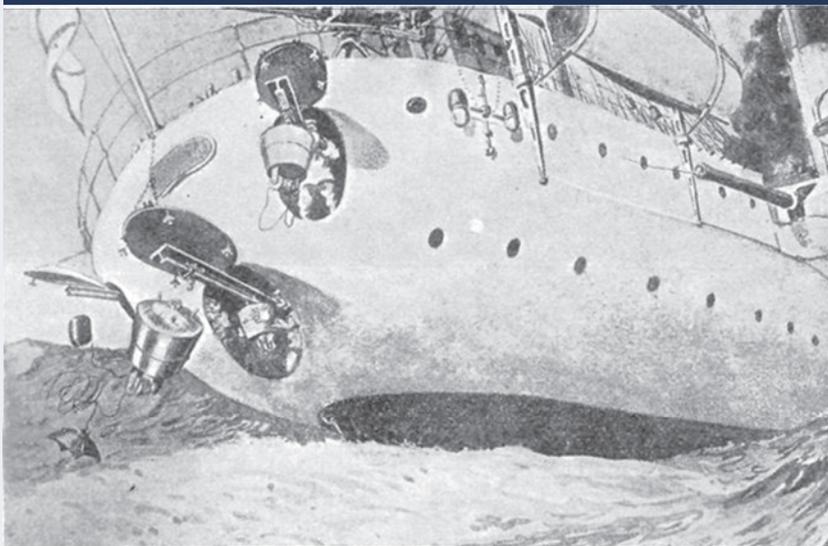
3 до 6 часов оставшиеся мины были подготовлены к установке.

Утро 29 января было ясным, свежим и морозным. В 6 ч «Енисей» снялся с якоря и начал выводить коммерческие пароходы из Дальнего. При этом для скрытия истинного положения минного заграждения транспорт сделал несколько лишних поворотов на рейде. После вывода коммерческих пароходов между островами Сан-Шан-Тау демонстративно были поставлены 2 учебные мины (с песком).

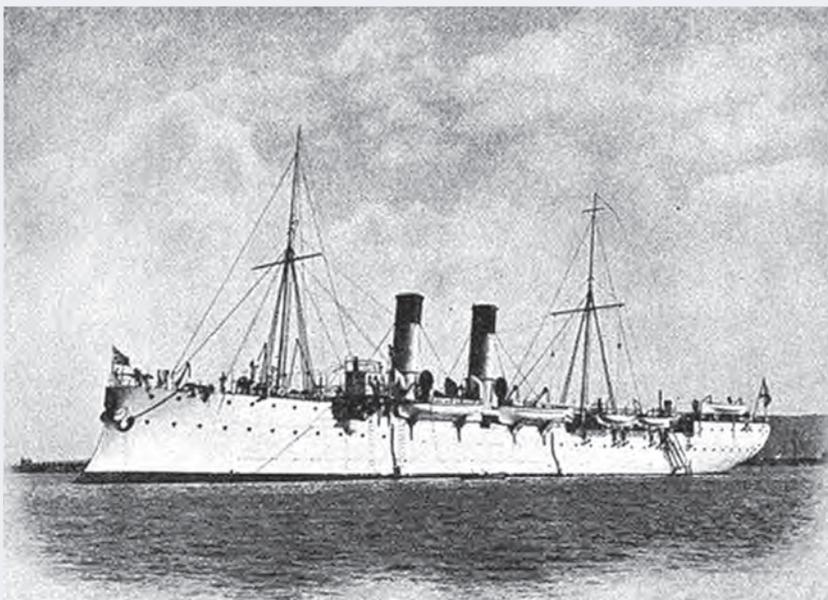
После ухода иностранных судов «Енисей» выставил дополнительную линию из 40 мин в южном проходе. Постановка прошла удачно — всплывших мин не было.

Затем «Енисей» приступил к постановке последней

Степанов приказал приготовиться к бою и даже пошутил, что «теперь драться будет совсем хорошо, так как уже снят верхний слой мин, который помещался в трюмах выше ватерлинии»

Минный транспорт «Енисей» осуществляет постановку автоматических мин нового образца

Минный транспорт «Енисей»

«Неожиданный взрыв ошеломил всех, но, несмотря на ясно осознанную всеми опасность, несмотря на ужасный вид искалеченных людей», паники на «Енисее» не было

линии в северном проходе для перекрытия пропуска, оставленного 27 января. К 12 ч постановка была окончена, но одна из мин всплыла (предположительно из-за неисправности зажима на катушке). Капитан 2 ранга Степанов приказал уничтожить её огнём из винтовок и 47-мм ютового орудия. Однако попасть в мину не удалось. Минный офицер мичман Власьев предложил командиру не трогать её, так как она находилась во второй линии, и «неприятель, прежде чем ее заметит, найдет на мины первой линии», либо позже, по успокоению ветра, уничтожить из парового катера или шестёрки. Степанов предложение Власьева не принял, посчитав,

что большая зыбь и пятибалльный ветер опасны для шлюпок.

Для более удобного ведения огня Степанов приказал подойти к минному заграждению кормой, ориентируясь на берег и всплывшую мину. Артиллеристы из орудия, матросы из винтовок продолжили стрельбу по «упрямой» мине. При этом штурманский офицер мичман Хрущов дважды предупредил командира об опасном сближении с линией минного заграждения. Возможно, выстрелами из орудия был перебит минреп, и мина поплыла по ветру к берегу, однако находившиеся на палубе «Енисея» заметили это не сразу. Сам же минный транспорт после установки

мин, израсходования угля и воды имел меньшую, чем обычно, осадку. Поэтому ветром его постепенно и незаметно сносило к берегу — на первую линию минного заграждения. Мичман Хрущов, находясь на вышке у компаса, проверил пеленг на гору Самсон и обнаружил, что транспорт почти снесло на первую линию минного заграждения. Он громко крикнул находившемуся на переднем мостике командиру: «Владимир Александрович, мы на минах, надо уходить!» Степанов дал команду вахтенному офицеру мичману Дриженко: «Скорее уходите! Кладите на борт и полный ход вперед!» Также он велел прекратить стрельбу по мине.

Дриженко приказал рулевому положить на борт и передвинул ручку машинного телеграфа на «полный вперёд». Транспорт пошёл вправо, тут же последовал взрыв с правой стороны под мостиком в районе 4-го погреба. Мин на «Енисее» уже не было, однако в 4-м погребе находились пироксилиновые пашки (около 6 пудов) для подрывных партий, которые сдетонировали. Транспорт получил огромную пробоину и стал быстро тонуть. Взрывом вырвало весь правый шкафут с выступом 75-мм орудия, мичман Дриженко и несколько матросов были убиты на месте, мичман Власьев тяжело ранен, а капитан 2 ранга Степанов и надворный советник Агафонов получили лёгкие ранения.

По свидетельству лейтенанта П.Я. Дрешера²², «неожиданный взрыв ошеломил всех, но, несмотря на ясно осознанную всеми опасность, несмотря на ужасный вид искалеченных людей», паники на «Енисее» не было. Офицеры для спасения уцелевших

отдавали команды, матросы их исполняли.

Капитан 2 ранга Степанов приказал спускать гребные суда, а команде спастись. При этом он достал револьвер и добавил: «Без суматохи, кто бросится первым, прострелю голову!» Затем он выбросил за борт секретные книги и документы.

Лейтенант Дрешер руководил спуском на воду гребных судов. Механик Н.Д. Яновский²³ приказал остановить машину и травить пар и только после этого разрешил машинной команде подняться на палубу и спастись. Надворный советник Агафонов дал команду на эвакуацию больного из лазарета и пытался оказывать первую помощь пострадавшим на верхней палубе. Фельдшер Богданов успел взять перевязочный материал, которого позже хватило для всех пострадавших.

Несмотря на слаженную работу по спуску гребных судов, одну из шестёрок захлестнуло волной, и из восьмерых человек, находившихся в ней, спасся лишь один. Паровой катер № 2 перевернуло вверх дном (его машина была сдана в порт для ремонта). Паровой катер № 1, баркас, два вельбота, полубаркас и шестёрка были спущены на воду, чуть позже был спущен самодельный (из деталей рангоута) плот. Необходимо отметить, что попасть на гребные суда непосредственно с палубы «Енисея» удалось далеко не всем. Оставшиеся на «Енисее» бросались в воду и пытались доплыть до ближайших гребных судов. Некоторые снимали с себя одежду и обувь и использовали койки в качестве спасательных кругов.

Из офицеров только лейтенанты Дрешер²⁴ и Ромашев, а

также мичман Де-Симон оказались в шлюпках, избежав «купания» в ледяной воде. Раненого мичмана Власьева его подчинённые минёры на руках спустили в шестёрку. Мичманы Вильгельмс, Хрущов и надворный советник Агафонов после недолгого пребывания в воде были подняты на паровой катер и полубаркас. Механик Яновский, доложив командиру о том, что машина остановлена, а команда приступила к спасению, бросился в воду. Он был одним из лучших пловцов эскадры, и самоуверенность погубила его: он поплыл не к своим гребным судам, а к паровому катеру, который спешил из Дальнего на помощь. На катер его подняли в бессознательном состоянии. От переохлаждения он умер, и в Дальний доставили уже его безжизненное тело.

Капитан 2 ранга Степанов остался на палубе последним. Он уже хотел броситься в воду и плыть к паровому катеру, но услышал крик в жилой палубе. Это кричал забытый у дежурного ящика часовой. Степанов спустился вниз, снял его с поста и вместе с ним поднялся на верхнюю палубу. Там часовой снял с себя сапоги, верхнюю одежду и, взяв койку, прыгнул за борт. Степанов, взяв две койки в руки как плавсредство, тоже бросился в воду. Мимо него несло плотик, на котором спасались машинисты. С плотика Степанову протянули весло, он попытался ухватиться за него, но при этом выпустил койки и, потеряв плавучесть, пошёл ко дну (возможно потому, что он был в сапогах и тёплом пальто).

Находившийся на паровом катере № 1 надворный советник Агафонов приказал взять на буксир перепол-

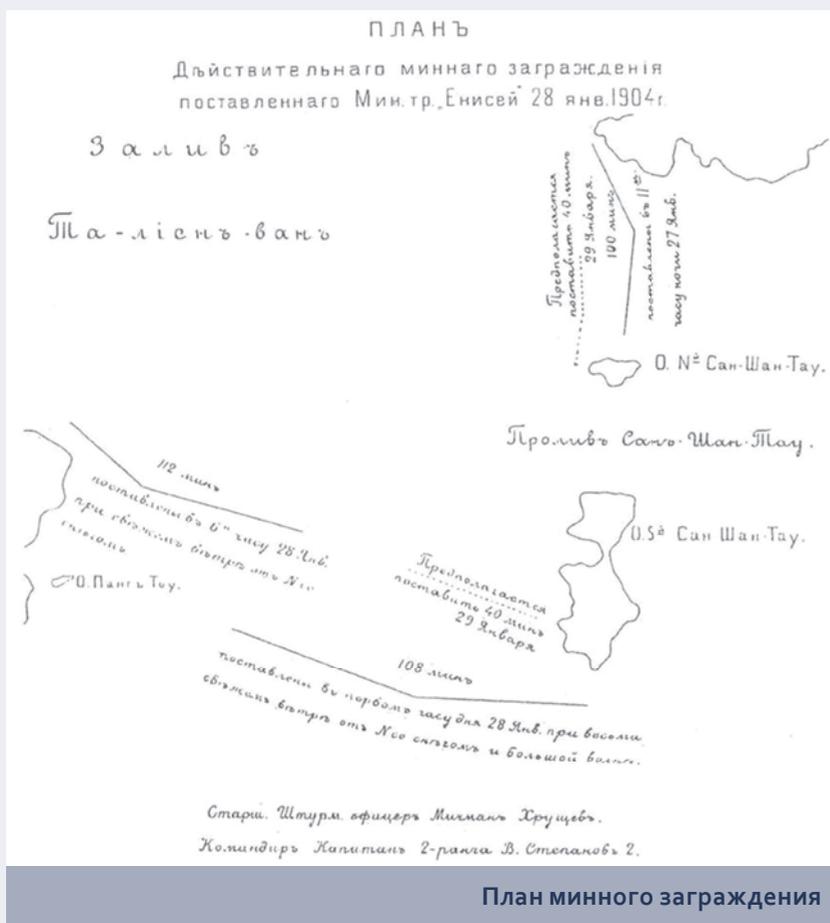
ненные спасёнными баркас и шестёрку и направил свою «флотилию» к берегу. Перевернутый паровой катер № 2, на днище которого находились несколько человек, ветром несло к берегу. Остальные гребные суда ещё некоторое время находились около тонувшего транспорта, вылавливая плававших в ледяной воде людей.

Через 15 минут после взрыва «Енисей» перевернулся и затонул, погружаясь носом. На фоне сумрачного неба и водного пространства вид гибнущего судна с развевающимися кормовым и стеньговыми флагами был тяжёл и величественен. На шлюпках спаслись лейтенанты Дрешер и Ромашов, мичманы Де-Симон, Власьев, Хрущов и Вильгельмс, врач Агафонов и 201 матрос.

Необходимо отметить, что с сигнальной вышки Дальнего видели, как «Енисей» стрелял из орудия, а потом взорвался. Портовые власти предположили, что он был взорван японскими минами, и отправили к месту его гибели два паровых катера.

Добравшись до берега, Агафонов повёл спасённых в ближайшую китайскую рыбацью деревню. Китайцы пустили замёрзших и усталых русских моряков в фанзу и принесли тёплые вещи. Несколькими минутами позже к берегу пристали остальные гребные суда. На берегу командование экипажем принял лейтенант Дрешер. Он повёл подчинённых в деревню, а один из вельботов отправил к месту катастрофы. Вернувшийся вельбот нашёл и спас часового, которого капитан 2 ранга Степанов снял с поста.

В это время Агафонов совместно с фельдшером Бог-

дановым оказывал пострадавшим первую помощь: раненые были перевязаны, а замёрзших пытались вернуть к жизни растиранием. К сожалению, ни спирта, ни возбуждающих средств у них не было, водки в деревне тоже не оказалось. Поэтому обмороженных людей растирали мокрой тканью или голыми руками, а затем закутывали в тёплые вещи. Однако, несмотря на старания, спасти удалось не всех. У умершего от переохлаждения мичмана Хрущова от растирания местами кожа была стёрта до крови.

Через некоторое время паровые катера из Дальнего подошли к бухте. Один из них остановился у китайской деревушки, где находились спасённые моряки. Офицеры и матросы погрузились на них и на свои гребные суда, которые были взяты катерами на буксир. С собой «енисейцы»

везли тела мичмана Хрущова и 9 матросов, умерших на берегу от переохлаждения.

В 19 ч печальная флотилия подошла к набережной Дальнего. Местные жители с ужасом и состраданием смотрели на замасленных, ободранных и окоченевших «енисейцев». После выгрузки матросов увели в казарму 14-го пехотного полка, раненые мичман Власьев и 20 матросов были помещены в местную больницу, а офицеров приютили местные жители.

Вечером того же дня лейтенант П.Я. Дрешер телеграммой доложил вице-адмиралу О.В. Старку об окончании минной постановки, обстоятельствах гибели «Енисея», спасённых офицерах, количестве погибших матросов и просил дальнейших указаний²⁵.

31 января мичман Хрущов, механик Яновский и умершие

на берегу матросы были похоронены на русском кладбище в Дальнем с воинскими почестями. Похоронам предшествовало отпевание в городском соборном храме. До сих пор в «старой» части русского кладбища в Даляне (бывшем русском Дальнем) сохранился массивный монумент с крестом. На нём ещё можно прочесть: «Братская могила мичмана Б.А. Хрущова, инженер-механика Н.Д. Яновского и девяти нижних чинов, погибших на минном транспорте «Енисей» 29 января 1904 года»²⁶.

О действиях офицеров и команды «Енисея» при постановке мин информации немного. Так, лейтенант Дрешер считал, что вся команда действовала умело и с полной отдачей: «За время этой лихорадочной, напряженной работы команда, отлично сознавая опасное положение свое, старалась перегнать друг друга в рвении и усердии; офицерам осталось только следить за правильностью приемов и соблюдением мер предосторожности». Описывая действия подчиненных, минный офицер мичман Власьев подчеркивал, что «за все три дня я не встретил необходимости кого-либо понуждать к работе, делать какие-либо замечания; все делали свое дело так, как только может делать русский матрос, не знающий ни усталости, ни опасности». Надворный советник Агафонов отмечал, что 28 января «команда не хотела отдыхать, пока не будет выполнена вся работа».

После гибели «Енисея» появился слух, обросший в некоторых изданиях «достоверными подробностями», о том, что капитан 2 ранга Степанов добровольно остался на гибнущем судне²⁷. Эта версия повторялась и в более позд-

них публикациях²⁸. Как же на самом деле погиб командир минного транспорта «Енисей», мы, пожалуй, не узнаем: вряд ли «всплывут» неизвестные ранее источники о тех событиях, да и их непосредственных участников давно нет в живых. В 1904 году подробности гибели «Енисея» и его командира необходимо было скрыть от неприятеля, а позже они оказались скрытыми и от общественности в России²⁹. Тем не менее «геройская» гибель Степанова могла отчасти прикрыть его самоуверенность и надежду на русский авось, приведшие к гибели новейшего боевого судна и многочисленным жертвам.

Далее произошла ещё одна трагедия: на минах, установленных «Енисеем», подорвался крейсер «Боярин». В Дальний был направлен капитан 1 ранга Н.А. Матусевич с миноносцами «Выносливый» и «Властный» для спасения крейсера. В его распоряжение была назначена уцелевшая команда «Енисея» при офицерах. Однако 1 февраля «Боярин» затонул, а потому «енисейцы» в Дальнем стали не нужны.

2 февраля офицеры и матросы «Енисея» убыли на пассажирском поезде в Порт-Артур. Команда была одета в

одежду, полученную от местных жителей. В Порт-Артуре матросы прямо с вокзала были направлены на разные корабли и суда эскадры. Мичман Власьев и несколько матросов были помещены в госпиталь.

Совещание морских начальников под председательством наместника признало проведённое «Енисеем» ми-

лиенвана и завершил работу погибшего «товарища».

В марте 1904 года бывший старший офицер «Енисея», уже произведённый в капитаны 2 ранга Дрешер, вышел с ходатайством о награждении офицеров и команды минного транспорта «за молодецкую работу по постановке минного заграждения Талиенванской бухты,

«За все три дня я не встретил необходимости кого-либо понуждать к работе, делать какие-либо замечания; все делали свое дело так, как только может делать русский матрос, не знаящий ни усталости, ни опасности»

нирование Талиенванского залива неудачным³⁰ (возможно, из-за недостаточной прочности минрепов и малого веса якорей несколько мин были выброшены на берег). Поэтому командир минного транспорта «Амур» получил приказ выставить дополнительные минные банки перед Дальним и «исправить дурно поставленные транспортом «Енисей» мины»³¹. 3 февраля «Амур» прибыл в район Та-

а также за примерную распорядительность и точное исполнение долга в момент гибели их корабля при спасении тонущих людей». Однако эти документы погибли на эскадренном броненосце «Петропавловск». Поэтому в июне 1904 года Дрешер, «имея пример награждения за боевые заслуги разных лиц, не умаляя заслуг всех офицеров и всей команды», повторно представил к на-

Могила погибших моряков минного транспорта «Енисей» в Дальяне

граждению наиболее отличившихся.

Несмотря на то что последующие события в Порт-Артуре затмили гибель «Енисея», «за постановку минного заграждения и проявленную распорядительность при спасении команды» в 1904 году были награждены: капитан 2 ранга Дрешер — орденом Станислава 2-й степени с мечами; мичманы Власьев и Де-Симон — орденами Анны 4-й степени³².

Не было в числе награждённых лейтенанта Ромашева и мичмана Вильгельмса. Возможно, Дрешер не считал их «наиболее отличившимися». Это может быть справедливо в отношении мичмана Вильгельмса, который не выполнил задачу по уничтожению всплывшей мины артиллерийским огнём. А вот хладнокровие и распорядительность лейтенанта Ромашева, руководившего при постановке мин их подкаткой, было осо-

бо отмечено мичманом Власьевым в отчёте.

Постановка мин в Талиенванском заливе дорого обошлась русскому флоту: на своих минах были потеряны крейсер «Боярин» и минный транспорт «Енисей». А ведь правильное применение судов этого типа могло повлиять на ход войны на море. Единственный крупный успех русского флота (уничтожение японских броненосцев «Хацусэ» и «Ясима») был достигнут благодаря действиям минного транспорта «Амур».

В то же время описываемые события имели важное значение для всего хода войны. Известие о постановках русских мин и гибели кораблей в какой-то степени удержало японское командование от операций в этом районе в начале войны. Именно в тот период сухопутная оборона Порт-Артура не была готова к осаде, а войска в Южной Маньчжурии мало-

численны. Японский десант вблизи Дальнего в начале войны имел бы катастрофические последствия для Порт-Артура и русской эскадры. Вместо этого японские войска медленно продвигались через Корею. Только к середине июля Талиенванская бухта была очищена японцами от русских мин, и использование ими удобного порта Дальнего как базы сухопутной армии стало безопасным³³.

Иллюстрации из источников: Челомбитко А.Н. Офицеры флота, корпусов, гражданские и медицинские чины, судовые священники Морского ведомства — участники Русско-японской войны. М.: Форум Корттик, 2016; Русско-японская война 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. Отдел III. 1-я Тихоокеанская эскадра. Кн. 1. Вып. 1. СПб., 1911. С. 203; интернет-ресурс: рохоронка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Степанов 2-й Владимир Александрович** (1858—1904). Окончил Морской корпус, артиллерийский и минный классы, Николаевскую Морскую академию. В 1890—1895 гг. флагманский минёр учебного артиллерийского отряда, затем морской агент в Турции, старший офицер броненосца «Петропавловск», с 1901 г. флагманский минный офицер штаба начальника эскадры Тихого океана. Изобрёл автоматическую систему постановки мин на ходе, участвовал в проектировании минных заградителей.

² **Дискант Ю.В.** Порт-Артур. М., 2003. С. 66.

³ **Агафонов А.А.** Воспоминания о гибели транспорта «Енисей» // Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 452. Оп. 1. Д. 20. Л. 49 об.

⁴ **Власьев Сергей Николаевич** (1880—1955). Окончил Морской корпус (1900). С декабря 1903 г. минный офицер минного транспорта «Енисей». При гибели «Енисея» полу-

чил рваную рану головы и потерял 8 зубов. После излечения минный офицер броненосцев «Цесаревич» и «Победа». В декабре 1904 г. на катере прорвался в Чифу. Принимал участие в Мукденском сражении. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну в Добровольческой армии и Вооружённых силах Юга России. Капитан 1 ранга. Эмигрировал во Францию. Состоял в Морском собрании в Париже. Получил советский паспорт. Умер в Версале.

⁵ **Хрущов Борис Александрович** (1883—1904). Окончил Морской корпус в 1902 г. (первым по успеваемости с занесением на мраморную доску). После выпуска назначен на крейсер «Богатырь», где исполнял обязанности ревизора, вахтенного начальника и младшего штурмана. В 1903 г. поступил вольнослушателем в Восточный институт во Владивостоке. С декабря 1903 г. штурманский офицер минного транспорта «Енисей».

⁶ **Де-Симон Анатолий Михайлович** (1880—1918). Окончил Морской корпус (1900). С ноября 1903 г. вахтенный офицер минного транспорта «Енисей». Участник Первой мировой войны. Капитан 2 ранга. С 1918 г. в РККФ.

⁷ **Дриженко Борис Александрович** (1880—1904). С предпоследнего курса Морского корпуса переведён юнкером на Черноморский флот. В 1903 г. произведён в мичманы с назначением в Квантунский флотский экипаж. На крейсере «Баян» совершил переход в Порт-Артур. С ноября 1903 г. вахтенный начальник минного транспорта «Енисей».

⁸ **Вильгельмс 2-й Павел Альфредович** (1882—1904). Окончил Морской корпус (1901) и артиллерийский класс в 1903 г., артиллерийский офицер 2 разряда. С ноября 1903 г. артиллерийский офицер минного транспорта «Енисей», с мая 1904 г. командир батареи «Орлиное гнездо» на сухопутном фронте. По-

гиб при отражении штурма 6 августа 1904 г.

⁹ **Агафонов Александр Александрович** (1886—1940). С октября 1903 г. старший судовой врач минного транспорта «Енисей». В апреле 1904 г. «по болезни» отправлен в Россию. Впоследствии статский советник, старший врач 1-го Балтийского флотского экипажа. В Гражданскую войну в Вооружённых силах Юга России. Остался в России, умер в Севастополе.

¹⁰ См.: Рапорт старшего офицера минного транспорта «Енисей» командующему флотом Тихого океана от 1 июня 1904 г. № 9 // Русско-японская война 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. Отдел III. 1-я Тихоокеанская эскадра. Кн. 1. Вып. 1. СПб., 1911. С. 58—60.

¹¹ См.: Отчёт по минной части на минном транспорте «Енисей» с 27 по 29 января 1904 г. // Там же. С. 60—65.

¹² **Агафонов А.А.** Указ. соч. Л. 49—63.

¹³ См.: Рапорт начальника эскадры Тихого океана вице-адмирала Старка Наместнику от 6 февраля 1904 г. № 628 // Русско-японская война 1904—1905 гг. ... С. 13.

¹⁴ **Ромашев Николай Николаевич** (1881—1920.). С 1901 г. ревизор минного транспорта «Енисей». С апреля 1904 г. минный офицер крейсера «Диана», затем в штабе крепости. Отказался идти в плен и вернулся из Порт-Артура в Россию. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну в Вооружённых силах Юга России. Капитан 1 ранга. Умер в Севастополе.

¹⁵ **Старк Оскар Викторович** (1846—1928). Окончил Морской корпус (1864). Вице-адмирал. С 10 октября 1902 г. командующий флотом в Тихом океане. Сдал командование вице-адмиралу С.О. Макарову и «по болезни» отозван в Россию. Эмигрировал в Финляндию.

¹⁶ **Бубнов Михаил Владимирович** (1859—1930-е). Окончил Морской корпус (1876). Во время Русско-японской войны командир канонерской лодки «Бобр», затем командир Квантунского флотского экипажа. Добровольно пошёл в плен. Впоследствии адмирал, товарищ морского министра. Эмигрировал в Финляндию.

¹⁷ **Бубнов М.** Порт-Артур: воспоминания о деятельности Первой Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 г. // Морской сборник. 1906. № 5. С. 42.

¹⁸ **Алексеев Евгений Иванович** (1843—1917). Военный и государственный деятель. С 30 июля 1903 г. наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке. Проявлял крайнюю враждебность к Японии. С 28 января 1904 г. главнокомандующий сухопутными и морскими силами на Тихом океане. После ряда поражений русской армии заменён генералом А.Н. Куропаткиным. 8 июня 1905 г. уволен с должности наместника. Умер в Ялте.

¹⁹ Литературный псевдоним сотрудника порт-артурской газеты «Новый Край» Павла Петровича Гроссмана. См.: **Масанов И.Ф.** Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. Т. IV. М., 1960. С. 148.

²⁰ **Ларенко П.** Страдные дни Порт-Артура. СПб., 1906. С. 67, 68.

²¹ См.: Начальник временного морского штаба Наместника Е.И.В. — командиру минного транспорта «Енисей» 27 января 1904 г. № 122 // Русско-японская война 1904—1905 гг. ... С. 57.

²² **Дрешер Пётр Яковлевич** (1866—1905). С июля 1903 г. старший офицер минного транспорта «Енисей». Капитан 2 ранга. Умер от болезни.

²³ **Яновский Николай Дмитриевич** (1870—1904). Окончил Морское инженерное училище (1893). Проходил службу на судах Черноморского флота. В октябре 1902 г. назначен на эскадру Тихого океана механиком миноносца «Бдительный». С июня 1903 г. судовой механик минного транспорта «Енисей».

²⁴ В некоторых публикациях указывается, что лейтенант Дрешер длительное время находился в воде, что привело к тяжёлой болезни и смерти в августе 1905 г. Однако врач Агафонов упомянул, что «он сел в шлюпку без купания и был в теплом пальто». См.: **Агафонов А.А.** Указ. соч. Л. 60.

²⁵ Телеграмма старшего офицера минного транспорта «Енисей» Начальнику эскадры Тихого океана 29 января 1904 г. // Русско-японская война 1904—1905 гг. ... С. 58.

²⁶ Интернет-ресурс: www.poxorotka/forum/kitaj/67877-russkie-voenno-morskije-zakhoroneniya-v-azii.

²⁷ **Ларенко П.** Указ. соч. С. 72—74.

²⁸ Минные транспорты «Амур» и «Енисей» // Судостроение. 1988. № 3.

²⁹ **Штер А.П.** На крейсере «Новик». СПб., 1908. С. 39.

³⁰ Протокол совещания 30 января № 4 // Русско-японская война 1904—1905 гг. ... С. 82.

³¹ Начальник Временного Морского Штаба Наместника Е.И.В. контр-адмиралу Лощинскому 29 января 1904 г. // Там же. С. 85.

³² **Челомбитко А.Н.** Офицеры флота, корпусов, гражданские и медицинские чины, судовые священники Морского ведомства — участники Русско-японской войны. М.: Форум Кортк, 2016. С. 74, 115, 124.

³³ **Крестьянинов В.Я.** Морская минная война у Порт-Артура. СПб., 2006. С. 14.

A.V. Tolochko

«...IF A MINE TRANSPORT HAS DONE ITS DUTY, IT CAN ALSO PERISH...»

Mine transport Yenisey in the Russian-Japanese War of 1904—1905

Information about author. Alexander Tolochko — MoD Unit Commander, colonel, Cand. Sc. (Hist.) (city of Mirny, Arkhangelsk Region. E-mail: zvezdny68@mail.ru).

Summary. The paper examines one of the episodes of the unsuccessful beginning of the Russo-Japanese War of 1904—1905, associated with the sinking of the minesweeper Yenisei. The actions of Yenisei and its crew on January 27—29, 1904 are described in official documents and published in the 1910s. The analysis of the memoirs of ship's doctor A.A. Agafonov, previously not used by researchers, enables us not only to supplement the circumstances of the Yenisei's participation in combat operations, but also to learn about the attitude of the ship's officers and crew towards their military duty. According to the author, news about Russian mines and shipwrecks helped to prevent Japanese commanders from carrying out landing operations in the Dalny and Port Arthur area.

Keywords: Russian Empire; Japan; Russo-Japanese War; mine transport Yenisey; laying mines; Port-Arthur; Dalian Bay; captain II rank V.A. Stepanov; lieutenant P.J. Drescher; A.A. Agafonov.

РАЗВИТИЕ ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПОЗДНИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1960—1991 гг.)

Сведения об авторе. Ермолович Ярослав Николаевич — профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции, доктор юридических наук, доцент (Москва. E-mail: yaroslaverm@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе анализа советского военно-уголовного законодательства и практики применения представлены основные тенденции и закономерности его развития на заключительном этапе существования Советского государства. Отмечается, что в рассматриваемый период военно-уголовное законодательство отличалось достаточной стабильностью, а преступность военнослужащих к концу 1991 года несколько сократилась. Это свидетельствует о достаточной эффективности советского военно-уголовного законодательства. Самыми распространёнными воинскими преступлениями были уклонение от военной службы и нарушение порядка подчинённости. Основными тенденциями развития военно-уголовного законодательства являлись ужесточение уголовной ответственности и введение новых составов преступлений, обусловленных научно-техническим прогрессом и возникновением новых вызовов и угроз военной безопасности СССР.

Ключевые слова: СССР; Вооружённые силы; уголовное право; военно-уголовное законодательство; военное право; военно-уголовное право; уголовная ответственность; военнослужащий; преступления против военной службы; уклонение от военной службы.

Позднесоветский период развития военно-уголовного законодательства характеризовался его дальнейшей эволюцией, обусловленной научно-техническим прогрессом, развитием советского уголовного законодательства и всей советской правовой системы в целом.

Первые серьёзные изменения в военно-уголовном законодательстве после принятия Закона СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления» от 25 декабря 1958 года и УК РСФСР 1960 года произошли в 1965 году¹. Состав самовольной отлучки (п. «г» ст. 245 УК РСФСР) был дополнен привилегированной разновидностью, предусматривавшей ответственность за это преступление при смягчающих обстоятельствах, что влекло за собой не уголовное наказание, а дисциплинарное взыскание в порядке, предусмотренном Дисциплинарным уставом Вооружённых сил СССР. Замена уголовных наказаний дисциплинарной или административной ответственностью является ещё одной особенностью совет-

ского уголовного законодательства, существенно отличающей его от современного российского. В настоящее время такой институт в уголовном праве России отсутствует, однако привлечение к административной или дисциплинарной ответственности является препятствием для рассмотрения уголовного дела в суде, если лицо привлекается к уголовной ответственности за то же деяние. Такое дело подлежит возвращению прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Из ст. 255 УК РСФСР было исключено нарушение уставных правил конвойной службы, а по сути, декриминализовано. Уголовная ответственность осталась только за нарушение уставных правил конвойной службы, сопровождавшееся наступлением вредных последствий, для предупреж-

дения которых установлен данный конвой (п. «д» ст. 255 УК РСФСР).

В целом нарушение уставных правил караульной (вахтенной) службы и изданных в развитие этих правил приказов и распоряжений (п. «а» ст. 255 УК РСФСР) было декриминализовано. Новый состав преступления предусматривал ответственность за это деяние только при наступлении вредных последствий или в определённых караулах и вахтах.

Наказание за нарушение уставных правил караульной (вахтенной) службы было увеличено с шести месяцев до трёх лет лишения свободы. Также было уточнено, что положения п. «а» ст. 255 УК РСФСР распространялись только на деяния, совершённые в караулах и на постах по охране складов с

боеприпасами, вооружением, боевой техникой или иных объектах, имевших важное значение.

Был введён новый состав преступления: «нарушение уставных правил сторожевой или патрульной службы, повлёкшее вредные последствия, для предупреждения которых назначен сторожевой караул (пост) или патруль» (п. «г» ст. 255 УК РСФСР). Это преступление наказывалось лишением свободы на срок от одного года до пяти лет или направлением в дисциплинарный батальон.

Нарушение правил несения службы на радиотехнических постах и в дежурных подразделениях (п. «а» ст. 257 УК РСФСР) было заменено на нарушение правил несения боевого дежурства по охране неприкосновенности сухопутного, морского или воздушного пространства СССР либо по предотвращению внезапного нападения на СССР, совершённое лицом, входившим в состав дежурной смены боевого расчёта, экипажа, поста или иного дежурного подразделения, а по сути, был введён новый состав преступления, тогда как квалифицированные разновидности этого преступления не изменились (п. «б», «в» и «г» ст. 257 УК РСФСР).

В 1972 году в уголовное законодательство СССР², а затем и уголовное законодательство РСФСР³ было введено понятие тяжкого преступления, которое определялось как умышленное деяние, представлявшее повышенную общественную опасность. Перечень таких преступлений был изложен в ст. 7.1 УК РСФСР путём прямого перечисления. Дело в том, что в советском

уголовном законодательстве не существовало системы категоризации преступлений, как это имеет место в современном российском уголовном законодательстве, т.е. они не делились на тяжкие, особо тяжкие преступления, а также преступления небольшой и средней тяжести. Сначала существовала научная классификация преступлений по советскому уголовному законодательству, причём в зависимости от мнения конкретного учёного выделялись разные системы классификации преступлений. Затем эти результаты научных исследований были частично реализованы в уголовном законодательстве, а в полной мере категоризация преступлений была введена только в Уголовном кодексе РФ 1996 года. К числу тяжких преступлений были отнесены и семь составов воинских преступлений: неповиновение при отягчающих обстоятельствах (п. «б» и «в» ст. 238 УК РСФСР 1960 г.); сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей (ст. 240); насильственные действия в отношении начальника (ст. 242); нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчинённости при отягчающих обстоятельствах (п. «б» и «в» ст. 244) — с 1984 года; дезертирство (ст. 247); умышленное уничтожение или повреждение военного имущества при отягчающих обстоятельствах (п. «б» и «в» ст. 251); нарушение правил несения боевого дежурства при отягчающих обстоятельствах (п. «в» и «г» ст. 257). Признание преступления тяжким влекло за со-

бой определённые правовые последствия, например, больший срок судимости, невозможность применения институтов отсрочки приговора, условного осуждения, условно-досрочного освобождения и т.п.

В 1974 году ст. 237, 246 и 247 УК РСФСР были дополнены указанием на новый состав военнослужащих — прапорщики и мичманы⁴. Дело в том, что в 1971 году был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О прапорщиках и мичманах Вооружённых Сил СССР» от 18 ноября 1971 года № 2317-VIII, согласно которому в Вооружённых силах СССР вводился институт прапорщиков и мичманов взамен института военнослужащих сверхсрочной службы⁵. Через 9 лет, в 1980 году, указанный состав военнослужащих был дополнен званиями «старший прапорщик» и «старший мичман», при этом отдельно была возвращена категория военнослужащих сверхсрочной службы⁶. Изменения в военном законодательстве потребовали адекватных изменений и в

Медсестра — прапорщик ВС СССР
на афганской войне (1979—1989 гг.)

На учениях

уголовном законодательстве. В части второй ст. 237 УК РСФСР, где давалось определение воинского преступления, было установлено, что по гл. 12 УК РСФСР (воинские преступления) несут ответственность в том числе прапорщики и мичманы органов государственной безопасности. В части уголовной ответственности за самовольное оставление части или места службы и дезертирство (п. «в» ст. 246 и п. «в» ст. 247 УК РСФСР) прапорщики и мичманы приравнивались к офицерам и военнослужащим сверхсрочной службы.

В 1977 году были введены два новых института — сначала в уголовное законодательство СССР⁷, затем в уголовное законодательство РСФСР⁸: условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осуждённого к труду и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением осуждённого к труду. При этом оба этих института не применялись к совершившим преступления военнослужащим срочной службы (ст. 24.2, 53.2 УК РСФСР).

В 1984 году произошли наиболее масштабные изменения в военно-уголовном законодательстве СССР⁹. В гл. 12 УК РСФСР были введены 3 новых состава преступления: нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчинённости (ст. 244 УК РСФСР); нарушение правил обращения с оружием, а также с вещами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 251.1 УК РСФСР); нарушение уставных правил патрулирования (п. «г» ст. 255 УК РСФСР). Ещё 4 состава

преступления были подвергнуты существенной редакции (ст. 243, 246, 255, 260 УК РСФСР).

К военнослужащим в смысле уголовной ответственности приравнивали лиц (военнообязанных), проходивших не только учебные, но и проверочные сборы. В 1980 году в соответствии с Указом Президиума ВС СССР «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР “О всеобщей воинской обязанности”» от 17 декабря 1980 года № 3535-Х¹⁰ ст. 55 этого закона была изменена в новой редакции, согласно которой военнообязанные могли быть призваны, кроме учебных сборов, и на проверочные сборы на срок до 10 дней. В этой части уголовное законодательство отражало изменения в военном законодательстве.

В первоначальной редакции УК РСФСР 1960 года было предусмотрено 2 схожих состава преступления: оскорбление подчинённым начальника и начальником подчинённого (ст. 243) и оскорбление насильственным действием одним военнослужащим другого при отсутствии между ними отношений подчинённости или старшинства (ст. 244). Оскорбление на словах или ненасильственным действием подчинённым начальника или младшим старшего, а равно начальником подчинённого или старшим младшего при исполнении хотя бы одним из них обязанностей по военной службе в 1984 году было декриминализовано, вместо этого в ст. 243 оставили только п. «в» старой редакции — оскорбление насильственным действием подчинённым начальника, а равно начальником подчинённого.

В ст. 244 был включён абсолютно новый состав преступления, ранее не известный советскому и российскому дореволюционному уголовному законодательству, — нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчинённости, выразившееся в нанесении побоев или ином насилии, и два квалифицированных состава: то же деяние, совершённое в отношении нескольких лиц либо повлекшее причинение потерпевшему менее тяжкого или лёгкого телесного повреждения; те же деяния, совершённые группой лиц или с применением оружия, а равно повлекшие тяжкие последствия.

В связи с этими изменениями необходимо отметить, что к началу 80-х годов XX века особо острую проблему в Вооружённых силах и в стране в целом приобрели нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, или так называемая дедовщина. До 1983 года это преступление квалифицировалось как хулиганство (ст. 206 УК РСФСР), ещё называемое в литературе того периода «казарменное хулиганство». Особая общественная опасность этого деяния, его распространённость, а также наблюдавшийся рост количества подобных деяний потребовали его криминализации и институционализации в качестве отдельного состава преступления¹¹. В 1983 году осуждённые за хулиганство военнослужащие составляли 7,7 проц. всех осуждённых военнослужащих, в 1984 году осуждённые за нарушения уставных правил взаимоотношений составляли 7,7 проц. от об-

щего числа осуждённых военнослужащих, тогда как за хулиганство были осуждены 2,1 проц., а в 1985 году соответственно 18,3 проц. и 0,08 проц. В 1985 году удельный вес осуждённых за вновь введённое преступление составил 71 проц. от числа всех осуждённых за преступления против порядка подчинённости и воинских взаимоотношений (ст. 240—244 УК РСФСР)¹².

Состав самовольного оставления части был дифференцирован по срокам и категориям военнослужащих. Так, для военнослужащих срочной службы преступным стало самовольное отсутствие на службе на срок от трёх суток до одного месяца вместо ранее установленного неопределённого срока от трёх суток. Для лиц офицерского состава, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы — свыше десяти суток, но не более месяца, либо от трёх до десяти суток, совершённое повторно в течение года, вместо ранее установленного срока незаконного отсутствия на службе свыше десяти суток. Для всех категорий военнослужащих был введён отдельный квалифицированный состав преступления, когда самовольное отсутствие продолжалось свыше месяца (п. «в» ст. 246 УК РСФСР). Также отдельно был выделен для всех категорий военнослужащих состав самовольного оставления части или места службы, совершённого в военное время, если самовольное отсутствие продолжалось свыше одних суток, вместо ранее установленного просто самовольного оставления части в военное время¹³.

Абсолютно новый состав преступления, изложен-

ный в ст. 251.1 УК РСФСР, заключался в нарушении правил обращения с оружием, а также боеприпасами, взрывчатыми, радиоактивными и иными веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, повлекшем причинение потерпевшему телесных повреждений (основной состав), причинение телесных повреждений нескольким лицам или смерть потерпевшего (квалифицированный состав), повлекшее гибель нескольких лиц либо другие тяжкие последствия (особо квалифицированный состав). Введение такого состава преступления было детерминировано научно-техническим прогрессом, введением новых специальных правил обращения с веществами или предметами, представляющими повышенную опасность, которые регулировались, как правило, подзаконными актами и не имели адекватной уголовно-правовой охраны.

Состав нарушения уставных правил караульной службы снова подвергся редакции. Из п. «а» ст. 255 УК РСФСР было исключено указание на совершение преступления в караулах и на постах по охране складов с боеприпасами, вооружением, боевой техникой или иных объектов, имеющих важное значение. Теперь уголовная ответственность устанавливалась просто за нарушение уставных правил караульной (вахтенной) службы и изданных в развитие этих правил приказов и распоряжений, т.е. произошла частичная криминализация деяния путём распространения действия уголовно-правовой нормы на все караулы и вахты.

Категории сторожевой, патрульной службы, сторожевой караул (пост) были исключены из п. «в» ст. 255 УК РСФСР. Вместо них в этой части статьи был изложен квалифицированный состав нарушения уставных правил караульной службы, повлекшего вредные последствия, для предупреждения которых назначен данный караул (вахта). Существенно было ужесточено наказание за это преступление: верхний предел наказания был увеличен с пяти до десяти лет лишения свободы.

В п. «г» ст. 255 УК РСФСР был изложен новый состав преступления — нарушение уставных правил патрулирования, повлекшее вредные последствия, для предупреждения которых назначен данный патруль, что наказывалось лишением свободы на срок до пяти лет.

Кроме того, была дифференцирована уголовная ответственность за эти преступления в военное время или в боевой обстановке (п. «д» и «е» ст. 255 УК РСФСР). Нарушение уставных правил караульной (вахтенной) службы, повлекшее вредные последствия, для предупреждения которых назначен данный караул (вахта), совершённое в военное время или в боевой обстановке, стало наказываться в том числе и смертной казнью. Хотя этот состав преступления отсутствовал в списке тяжких преступлений (ст. 7.1 УК РСФСР).

П. «а» ст. 257 УК РСФСР был изложен в соответствии с актуальным военным законодательством как нарушение правил несения боевого дежурства (боевой службы) по своевременному обнаружению и отражению внезапного нападения на Советский Союз либо по защите и

обеспечению безопасности СССР.

Состав злоупотребления властью, превышения власти и халатного отношения к службе (ст. 260 УК РСФСР) был разделён на два состава преступления: злоупотребление властью, превышение или бездействие власти (собственно ст. 260) и халатное отношение к службе (ст. 260.1). Был введён новый признак «бездействие власти», т.е. умышленное неисполнение должностных обязанностей, совершаемое систематически либо из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности, а равно если в результате такого бездействия был причинён существенный вред. В современном российском уголовном законодательстве такое преступление отсутствует. Однако путём бездействия при сходных квалифицирующих признаках может совершаться злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ).

Кроме превышения власти, был введён новый признак превышения служебных полномочий. В статьях УК РСФСР о должностных преступлениях использовалась несколько иная терминология. Так, в ст. 170 говорилось о злоупотреблении властью или служебным положением, а в ст. 171 — о превышении власти или служебных полномочий. Тогда как в статье о воинских должностных преступлениях шла речь только о превышении власти (злоупотребление — совершение действий, входящих в круг должностных полномочий, но не вызывавшихся служебной необходимостью, а превышение — совершение действий, явно выходящих за пределы должностных

полномочий). Превышение власти подразумевало использование для совершения преступления авторитета занимаемой должности, а не конкретных служебных полномочий. Таким образом, внесённые изменения привели в соответствие терминологию из разных статей УК РСФСР.

Привилегированный состав злоупотребления властью, превышения или бездействия власти, совершённого при смягчающих обстоятельствах, наказываемый в дисциплинарном порядке, был исключён. Вместо него был введён квалифицированный состав с признаком наступления тяжких последствий. Существенно были увеличены санкции: в основном составе — до пяти лет лишения свободы, в квалифицированном — от трёх до десяти лет, а за совершение этого преступления в военное время или в боевой обстановке — от пяти до пятнадцати лет лишения свободы вместо лишения свободы на срок от трёх до десяти лет при сохранении смертной казни за совершение этого преступления в военное время или в боевой обстановке.

Выделенное в отдельный состав халатное отношение к службе, наоборот, наказывалось более мягко: халатное отношение начальника или должностного лица к службе, причинившее существенный вред, — лишением свободы на срок до трёх лет, а при смягчающих обстоятельствах — в дисциплинарном порядке. Халатное отношение к службе, повлекшее тяжкие последствия, наказывалось лишением свободы на срок до семи лет, а совершённое в военное время или в боевой обстановке — лишением свободы на срок

от трёх до десяти лет. Такая дифференциация уголовной ответственности за воинские должностные преступления являлась оправданной, поскольку умышленные преступления не могут наказываться наравне с неосторожными или наоборот, а включение умышленного и неосторожного преступлений в одну статью порождало неопределённость в толковании этой нормы и ненужные толки в научном сообществе.

В 1985 году было введено положение о том, что направление в дисциплинарный батальон вместо лишения свободы не может применяться к лицам, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы (ст. 34 УК РСФСР¹⁴). Цель этих изменений заключалась в том, чтобы исключить пребывание в дисциплинарном батальоне таких лиц, для того чтобы в военно-пенитенциарных учреждениях не распространялась уголовная субкультура и не проникала в Вооружённые силы СССР. Кроме того, этим

же нормативным актом был увеличен срок содержания в дисциплинарном батальоне в порядке замены лишения свободы на срок с двух до трёх лет.

Следует отметить, что советское уголовное законодательство не содержало отдельных разделов или глав о назначении и исполнении уголовных наказаний военнослужащим в отличие от русского дореволюционного военно-уголовного законодательства. Особенности применения к военнослужащим уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера были интегрированы в общие нормы о наказаниях. В частности, к ним относились:

1) направление военнослужащих, совершивших преступления, в дисциплинарный батальон на срок от трёх месяцев до двух лет (ст. 34 УК РСФСР);

2) лишение воинского звания, которое могло применяться только в качестве дополнительного наказания (ст. 21, 22, 36 УК РСФСР);

Структура преступности военнослужащих Советской армии и Военно-морского флота в период с 1960 по 1991 гг.

- Преступления против порядка подчиненности и воинской чести 18-22 %
- Нарушения правил эксплуатации и вождения машин 10-16,5 %
- Хищения имущества 10-13 %
- Нарушения уставных правил караульной службы 4 %
- Нарушения правил несения боевого дежурства 1 %
- Иные преступления 43,5-57 %

3) замена исправительных работ без лишения свободы содержанием на гауптвахте на срок до двух месяцев (ст. 34 УК РСФСР);

4) замена лишения свободы направлением в дисциплинарный батальон (ст. 34 УК РСФСР);

5) исчисление сроков наказания при их сложении (одному дню лишения свободы соответствовал один день содержания в дисциплинарном батальоне) (ст. 41 УК РСФСР);

6) исчисление сроков наказания (сроки содержания в дисциплинарном батальоне исчислялись месяцами и годами, сроки содержания на гауптвахте — сутками и месяцами) (ст. 42 УК РСФСР);

7) отсрочка исполнения приговора военнослужащему или военнообязанному в военное время (ст. 46 УК РСФСР);

8) зачёт предварительного заключения (предварительное заключение засчитывалось судом в срок наказания при осуждении к направлению в дисциплинарный батальон день за день) (ст. 47 УК РСФСР);

9) условно-досрочное освобождение от наказания и замена наказания более мягким (к лицам, осуждённым к направлению в дисциплинарный батальон, могли быть применены условно-досрочное освобождение от наказания или замена неотбытой части наказания более мягким наказанием по представлению командования дисциплинарного батальона) (ст. 53 УК РСФСР);

10) не имевшими судимости признавались лица, отбывшие наказание в дисциплинарном батальоне или досрочно освобождённые из него, а также военнослужащие, отбывшие наказание в виде содержания на гаупт-

вахте взамен исправительных работ (ст. 57 УК РСФСР).

Отбывание наказания в дисциплинарном батальоне регламентировалось не исправительно-трудовым законодательством¹⁵, а Положением о дисциплинарном батальоне в Вооружённых силах СССР, которое принималось в 1966 году¹⁶ и 1983 году¹⁷. Отбывание уголовных наказаний на гауптвахте регламентировалось общевоинскими уставами Вооружённых сил СССР. Следует иметь в виду, что направление в дисциплинарный батальон было предусмотрено только в санкциях двух статей: самовольная отлучка (ст. 245 УК РСФСР) и промотание или утрата военного имущества (ст. 250 УК РСФСР), а с 1965 по 1984 год — и нарушение уставных правил сторожевой или патрульной службы (п. «в» ст. 255 УК РСФСР). Во всех остальных случаях это наказание назначалось в порядке замены лишения свободы.

Интересно, что Закон 1958 года и соответствовавшая ему глава 12 УК РСФСР за 33 года подвергались существенной редакции всего один раз в 1983—1984 гг. и два раза вносились изменения — в 1965 и 1973—1974 гг. В период с 1991 по 1997 год, до введения в действие современного Уголовного кодекса РФ 1996 года, в гл. 12 УК РСФСР не было внесено ни одного изменения.

Говоря о преступности военнослужащих в рассматриваемый период, следует отметить, что наиболее распространёнными из воинских преступлений являлись уклонения от военной службы. В 1969 году они составляли более половины воинских преступлений и 28 проц. всех преступлений,

совершавшихся военнослужащими. На втором месте были преступления против порядка подчинённости и воинской чести. В 1960-е годы они составляли 18—22 проц. всех воинских преступлений. Нарушения правил эксплуатации и вождения машин в 1960-е годы составляли 10—16,5 проц. Из общеуголовных преступлений наибольшее распространение имели хищения, они составляли порядка 10—13 проц. Нарушения уставных правил караульной службы составляли 4 проц., нарушения правил несения боевого дежурства — 1 проц. В 1969 году 2,95 проц. преступлений были совершены офицерами, 2,01 проц. — сержантами и старшинами сверхсрочной службы, 7,92 проц. — сержантами и старшинами срочной службы, 49,63 проц. — солдатами и матросами, 37,45 проц. — военными строителями¹⁸. Подобная статистика сохранялась вплоть до 1991 года.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что в рассматриваемый период военно-уголовное законодательство отличалось достаточной стабильностью, а преступность военнослужащих несколько сократилась, что свидетельствует о достаточной эффективности советского военно-уголовного законодательства. Основными тенденциями его развития являлись ужесточение уголовной ответственности за воинские должностные преступления, нарушения правил несения караульной службы и боевого дежурства, а также введение новых составов преступлений, обусловленных научно-техническим прогрессом и возникновением новых криминальных вызовов и угроз военной безопасности СССР.

¹ О внесении изменений и дополнений в ст. 9, 19 и 21 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления: Указ Президиума ВС СССР от 26 января 1965 г. № 3228-VI // Ведомости ВС СССР. 1965. № 5. Ст. 58; О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 3 июля 1965 г. // Там же. 1965. № 27. Ст. 670.

² О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Указ Президиума ВС СССР от 18 мая 1972 г. № 2895-VIII // Ведомости ВС СССР. 1972. № 22. Ст. 176.

³ О внесении дополнений и изменений в Уголовный кодекс РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 23 июня 1972 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1972. № 26. Ст. 662.

⁴ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР: Указ Президиума ВС СССР от 26 ноября 1973 г. № 5081-VIII // Ведомости ВС СССР. 1973. № 48. Ст. 679; О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 11 июля 1974 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1974. № 29. Ст. 781.

⁵ Ведомости ВС СССР. 1971. № 47. Ст. 453.

⁶ О внесении некоторых изменений и дополнений в законодательные акты СССР о прапорщиках и мичманах Вооружённых Сил СССР: Указ Президиума ВС СССР от 24 декабря 1980 г. № 3606-X // Там же. 1980. № 52. Ст. 1133.

⁷ О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР: Указ Президиума ВС СССР от 8 февраля 1977 г. № 5199-IX // Там же. 1977. № 7. Ст. 116.

⁸ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 11 марта 1977 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 12. Ст. 255.

⁹ О внесении изменений и дополнений в некоторые акты уголовного законодательства СССР: Указ Президиума ВС СССР от 15 декабря 1983 г. № 10444-X // Ведомости ВС СССР. 1983. № 51. Ст. 784; О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 30 января 1984 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 5. Ст. 168.

¹⁰ Ведомости ВС СССР. 1980. № 52. Ст. 1121.

¹¹ Такая мера получила неоднозначную оценку в научной литературе. См., напр.: *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 750, 751.

¹² См.: *Смердов А.А.* Борьба с преступлениями против установленного порядка взаимодействия между военнослужащими. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 75, 173.

¹³ *Харитонов С.С.* Проблемные вопросы квалификации уклонений от исполнения обязанностей военной службы путём симуляции болезни или иными способами // *Право в Вооружённых Силах.* 2018. № 11. С. 76—85.

¹⁴ О внесении изменений в ст. 29 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Указ Президиума ВС СССР от 5 октября 1985 г. № 3354-XI // Ведомости ВС СССР. 1985. № 41. Ст. 780; О внесении изменений в ст. 34 Уголовного кодекса РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 18 октября 1985 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1985. № 43. Ст. 1500.

¹⁵ См., напр.: *Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 18 декабря 1970 г.* // Ведомости ВС РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220; *Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 1 августа 1933 г.* // *СУ РСФСР.* 1933. № 48. Ст. 208.

¹⁶ Об утверждении Положения о дисциплинарном батальоне в Вооружённых силах СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1966 г. (Протокол заседания Президиума Верховного Совета СССР. 1966. № 56. П. 9). Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант плюс».

¹⁷ Об утверждении Положения о дисциплинарном батальоне в Вооружённых силах СССР: Указ Президиума ВС СССР от 21 апреля 1983 г. № 9172-X. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант плюс».

¹⁸ *Маслов В.П.* Проблемы борьбы с воинскими преступлениями в Вооружённых силах СССР (криминологическое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 146—150.

Ya.N. Yermolovich

DEVELOPMENT OF MILITARY-CRIMINAL LEGISLATION IN THE LATE SOVIET PERIOD (1960—1991)

Information about author. Yaroslav Yermolovich — professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Col. of Justice, D. Sc. (Law), associate professor (Moscow. E-mail: yaroslaverm@mail.ru).

Summary. The paper presents the main tendencies and regularities of its development at the final stage of the existence of the Soviet state on the basis of the analysis of the Soviet military-criminal legislation and practice of its application. It notes that during the period under review the military-criminal legislation was characterized by sufficient stability, and the criminality of servicemen slightly decreased by the end of 1991. This indicates that the Soviet military-criminal legislation was quite effective. The most common military crimes were evasion from military service and violation of subordination. The main trends in the development of military-criminal legislation were the tightening of criminal liability and the introduction of new types of crimes, conditioned by scientific and technological progress and the emergence of new challenges and threats to the military security of the USSR.

Keywords: USSR; Armed Forces; criminal law; penal military code; martial law; military-criminal law; criminal liability; serviceman; crimes against military service; evasion from military service.

ОПЫТ, ОБРЕТЁННЫЙ ЦЕНОЙ НЕУДАЧ

Неаполитанский десант капитан-командора А.С. Грейга (1805—1806 гг.)

Сведения об авторе. Рукавишников Евгений Николаевич — профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) филиала ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова», капитан 1 ранга запаса, доктор военных наук, профессор (г. Калининград. E-mail: ren1956.39@mail.ru).

Аннотация. Статья раскрывает планы 3-й антифранцузской коалиции, их реализацию в Средиземноморском регионе. Целями исследования являются оценка роли морского десанта союзников в Неаполитанском королевстве в ходе кампании 1805 года, выявление степени взаимодействия российской армии и флота в рамках десантной операции. На основе изучения архивных документов в статье приводятся сведения о силах и средствах десанта, этапах действий союзников и сроках их реализации. Автор оценил факторы, повлиявшие на результат действий союзников. Сделан главный вывод: в ходе высадки неаполитанского десанта 1805 года армейские полки и корабли флота приобрели опыт, который они реализовали впоследствии под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина в 1806—1807 гг. в Далмации.

Ключевые слова: 3-я антифранцузская коалиция; Средиземное море; Неаполитанское королевство; Военно-морской флот России; морской десант; А.С. Грейг; Д.Н. Сенявин.

Весной 1803 года обострение англо-французских противоречий привело к отказу от соблюдения обеими державами Амьенского мирного договора и возобновлению военных действий. Осенью того же года посредничество России с целью восстановления мира в Европе не принесло положительных результатов. Александр I вынужден был начать подготовку России к войне против Франции¹.

25 апреля 1804 года Александр I в письме австрийскому императору Францу II выразил обеспокоенность по поводу агрессивной политики Франции и предложил согласовать применение военных сил обеих империй против армии Наполеона².

Соответствующие переговоры российские дипломаты вели в Великобритании, Швеции, Пруссии и Неаполитанском королевстве (Королевстве Обеих Сицилий. — **Прим. авт.**). В начале мая 1805 года из Петербурга в Вену направился генерал-адъютант Ф.Ф. Винцингероде для согласования плана военной кампании. Под руководством эрцгерцога Карла (нем. — *Erzherzog Carl Ludwig Johann Joseph Laurentius von Österreich, Herzog von Teschen*) состоялся ряд совещаний, в которых с австрийской стороны принимали участие тайный советник барон Кульмбах, генералы К. Шварценберг и К. Макк фон Лейберих³. Союзники согласно утверждённой «Военной конвенции» предусматривали наступление на широком фронте от Балтийского до Средиземного моря. В состав ударных группировок планировалось включить российские, английские, австрийские, шведские и неаполитанские войска⁴.

Каждый из союзников, проявляя интерес к Апеннинскому полуострову, стремился удовлетворить в первую очередь свои собственные интересы. Высадка морского десанта в районе Неаполя рассматривалась австрийским командованием как захват плацдарма для последующего освобождения владений Франца II в Северной Италии. Неаполитанский король добивался защиты своего государства от французской агрессии. Великобритания планировала огра-

ниченные боевые действия в Калабрии и утверждение своего господства в Сицилии. Россия ставила более решительные цели стратегического масштаба. Захват плацдарма был необходим для освобождения всей Италии и последующего наступления союзников на Южную Францию⁵.

10 апреля 1805 года в Неаполь прибыл генерал от инфантерии Б.П. Ласси, который с соблюдением мер строжайшей секретности приехал из России⁶. Целями визита являлись изучение обстановки, организация взаимодействия с союзниками и принятие окончательного решения на высадку морского десанта.

29 августа полномочный министр России в Неаполитанском королевстве Д.П. Татищев в ходе тайных переговоров добился подписания «Военной Конвенции» между Россией и Королевством Обеих Сицилий о защите королевства от нападения Франции. Предусматривалось участие королевских войск в войне против Франции. Статья 2 конвенции предоставляла российскому генералу право определить время и место высадки союзных войск⁷. В распоряжение морского десанта передавались все неаполитанские крепости и форты. Снабжение военных сил России и Великобритании после их высадки

А.С. Грейг

в Неаполе гарантировалось за счёт короля. В то же время неаполитанский монарх Фердинанд IV под давлением Наполеона вынужден был подписать договор с Францией о недопущении высадки английских и российских войск на берега королевства. Это позволило французскому корпусу генерала Л. Гувион Сен-Сира покинуть неаполитанскую территорию и направиться в Ломбардию для усиления армии маршала А. Массены⁸.

9 сентября 1805 года Б.П. Ласи приказал капитан-командору А.С. Грейгу согласовать с генерал-майором Р.К. Анрепом, находившимся на Корфу, организацию немедленной погрузки российских войск на корабли. 29 сентября к острову прибыл английский отряд в составе 33 транспортных судов, вышедших с Мальты в охранении брига⁹. Семь английских судов были направлены А.С. Грейгом к островам

Занте и Кефалония для принятия на борт находившихся там 1700 солдат 14-го егерского полка. Дополнительно генерал-майор Р.К. Анреп нанял семь купеческих судов, на шести из которых разместили солдат греческого легиона лёгких стрелков. Оставшееся судно использовалось для перевозки продовольствия. Капитан-командор А.С. Грейг включил в состав десантного соединения линейные корабли «Святой Михаил» и «Мария Магдалина», которые 29 сентября доставили на Корфу войска из России. Корабли имели приказание командира Черноморского флота и портов Чёрного моря вице-адмирала И.И. Траверсе после выгрузки войск незамедлительно возвратиться в Севастополь. А.С. Грейг отменил это приказание, т.к. погрузка войск занимала много времени, да и транспортных средств в его распоряжении было недостаточно¹⁰.

После сбора кораблей и судов у Корфу силы флота были распределены на несколько отрядов. Отряд капитан-командора А.С. Грейга состоял из двух линейных кораблей (74-пушечный «Святая Елена», 66-пушечный «Ретвизан») и 44-пушечного фрегата «Венус». Корабли отряда приняли на борт 739 военнослужащих армейских полков. Капитан-командору А.А. Сорокину подчинялся отряд из двух линейных кораблей (74-пушечный «Святая Параскева», 66-пушечный «Азия») и двух фрегатов (50-пушечный «Михаил» и 44-пушечный «Назарет»). На кораблях отряда разместились 1053 солдата и офицера¹¹. В распоряжение капитана 1 ранга Ф.П. Лелли передали два 74-пушечных линейных корабля («Святой Михаил» и «Мария Магдалина»), принявших на борт 1560 военнослужащих. На 33 английских транспортах разместились

Неаполитанский залив

8206 российских десантников. Шесть зафрахтованных греческих судов предназначались для доставки 1380 лёгких стрелков греческого легиона. Судно «Григорий», военный транспорт больших размеров, с 337 солдатами на борту подчинялось капитан-командору А.С. Грейгу, который возглавил все корабельные силы, привлечённые к высадке десанта в Неаполь. Кроме перечисленных кораблей с Корфу вышли бригантин «Алсиное», неаполитанские бриги «Курьер» и «Стабия». Все отряды планировали совершить переход к месту высадки в едином походном порядке под единым командованием. Для встречи с транспортом, отправленными на Занте и Кефалонию, была заранее назначена точка рандеву на маршруте перехода в Неаполь.

Капитан-командор А.С. Грейг поднял свой флаг на линейном корабле «Ретвизан». Начальник армейских подразделений десанта генерал-майор Р.К. Анреп разместился на линейном корабле «Святая Параскева».

Для отправки в Неаполь предназначались Сибирский гренадерский полк, мушкетёрские: Витебский, Козловский, Колыванский полки и один батальон Алексопольского полка, 13-й и 14-й егерские полки, 3-я рота 6-го артиллерийского полка и греческий легион лёгких стрелков.

По сведениям армейского командования, в составе десанта насчитывались 43 штаб-офицера, 375 обер-офицеров, 897 унтер-офицеров, 10 439 рядовых, 313 полковых музыкантов и 1223 нестроевых чина (денщики и слуги). В артиллерийском парке насчитывались: 12-фунтовых единорогов — 12; 6-фунтовых пушек — 24. Они дополнялись восемью 3-фунтовыми горными орудиями двух егерских

полков¹². (Примерное соотношение калибров в фунтах к миллиметрам орудий, характерных для морской артиллерии XVII—XIX вв.: 3-фунтовые — 61 мм, 6-фунтовые — 95 мм, 8-фунтовые — 104 мм, 12-фунтовые — 110 мм.) Кроме того, на боевых кораблях разместились 443 военнослужащих из 1-го и 4-го морских полков.

На линейных кораблях «Святая Параскева», «Святая Елена» и «Азия» размещалось в среднем по 315 солдат и офицеров при средней численности экипажа 503 моряка. Линейные корабли «Святой Михаил» и «Мария Магдалина» приняли на борт соответственно 760 и 800 десантников за счёт снижения численности экипажей до 239 человек на первом и 283 человек на втором корабле. На флагманский корабль А.С. Грейга «Ретвизан» при численности экипажа 458 моряков были приняты 128 солдат из морских полков и 191 военнослужащий из армейских частей. Десантовместимость фрегатов составила: «Назарета» — 243 военнослужащих, «Михаила» — 343 человека за счёт снижения численности экипажа¹³.

6 октября 1805 года капитан-командор А.С. Грейг рапортом товарищу (заместителю. — **Прим. авт.**) управляющего Министерством морских военных сил вице-адмиралу П.В. Чичагову доложил о завершении погрузки войск на корабли и суда. Силы десанта ожидали благоприятного ветра для начала перехода¹⁴.

10 октября 1805 года флотилия вышла в море. Согласно приказу Б.П. Ласси корабли и суда с Корфу должны были прибыть в порт Акоста (Аугуста? — **Прим. авт.**) и ожидать дальнейших распоряжений. 13 октября, находясь в море, А.С. Грейг на совещании с Р.К. Анрепом доказал опас-

ность захода в указанный порт большого количества кораблей и судов при господствовавшем тогда юго-восточном ветре. Было предложено идти в Сиракузы, и армейское командование не стало возражать против аргументов флотских профессионалов. 17 октября корабли и суда с российскими войсками благополучно бросили якоря на рейде сицилийского порта. Вскоре А.С. Грейг получил от Д.П. Татищева информацию о захвате французским корсаром российского судна. Не имея сведений об объявлении Францией войны против России, Д.П. Татищев предложил А.С. Грейгу при встрече с французскими судами атаковать их.

Английские суда с войсками генерала Д.Г. Крейга, вышедшие с Мальты, не смогли преодолеть неблагоприятные ветры и вернулись на остров. По замыслу операции высадка английских и российских войск в Неаполе должна была осуществляться одновременно. Поэтому 27 октября капитан-командор А.С. Грейг вывел российский отряд из Сиракуз, чтобы у Мальты соединиться с англичанами. В районе мыса Пассаро на юго-восточном побережье Сицилии союзники встретились. Учитывая направление ветра, они решили не следовать в Неаполь Мессинским проливом, а обойти Сицилию с запада. 2 ноября объединённые силы десанта прошли остров Мареттимо у западной оконечности Сицилии и взяли курс на восток, к Неаполю¹⁵.

Вечером 7 ноября 1805 года российский отряд прибыл к Неаполю, а на следующий день туда же подошли англичане. Союзники организовали высадку войск на берег. В подчинении генерала Д.Г. Крейга состояли две пехотные бригады, два эскадрона драгун,

отряд военных инженеров и королевские артиллеристы общей численностью 7553 военнослужащих¹⁶. Генерал от инфантерии Б.П. Ласси принял общее командование армейскими частями десанта. Основная часть войск была расквартирована в Неаполе, некоторые подразделения — в окрестностях города¹⁷. 10 ноября прибыли семь английских судов, доставивших российских егерей с островов Занте и Кефалония¹⁸. 17 ноября Б.П. Ласси доложил императору о наличии в его распоряжении 13 290 российских офицеров и нижних чинов¹⁹. До штатной численности

подразделений не доставало 1856 военнослужащих.

Не встречая сопротивления противника, английские и российские войска вскоре начали движение на север вдоль западного побережья Италии. Небольшая неаполитанская армия совершала марш к восточному побережью для контроля над портом Отранто. По сведениям из достоверного источника, маршал А. Массена создал группировку войск в Ломбардии и опасался движения десанта союзников в тыл своей армии. Противостоявший ему австрийский эрцгерцог Карл, командовавший австрийскими войсками в Северной Италии,

надеялся на решительный манёвр союзников, наступавших из Неаполя. При энергичном манёвре российские войска могли бы завоевать господство на значительной территории Италии²⁰. Движение войск Б.П. Ласси, несмотря на отсутствие противника, нельзя назвать стремительным. Основные трудности возникали из-за неблагоприятной погоды и горных дорог. Пройдя до 70 км северо-западнее Неаполя, российские и английские войска заняли позиции в районе Гаэты, контролируя дорогу на Рим.

Корабли А.С. Грейга из-за штормов оставались в Неапо-

Фрегат «Венус»

литанском заливе. 24 ноября фрегат «Автроил» вышел в море и пять суток пытался бороться с жестоким штормом. Рангоут и такелаж корабля получили многочисленные повреждения, в корпусе возникла течь, и уровень воды в трюме поднялся до 20 дюймов. 2 декабря «Автроил» вынужден был вернуться к эскадре²¹. 28 ноября из-за сильного волнения моря при крепком ветре на линейном корабле «Святая Параскева» лопнул бимс, разошлась обшивка корпуса по обоим бортам, что привело к поступлению воды в корпус. 29 ноября для доставки провизии с берега линейный корабль «Мария Магдалина» спустил на воду 10-вёсельный катер. Сильный ветер и волны разбили его о причал. Катер и провизия утонули²². 2 декабря для ремонта линейного корабля «Ретвизан» и фрегата «Назарет» российские моряки получили с неаполитанских складов смолу и пеньку. 4 декабря линейный корабль «Святой Михаил» из-за обрыва каната во время шторма потерял якорь. На следующий день командир линейного корабля «Азия» просил А.С. Грейга прислать конопатчиков с других кораблей для оказания помощи в устранении течи.

5 декабря 1805 года Б.П. Ласси разрешил А.С. Грейгу покинуть с эскадрой Неаполитанский залив, оставив один линейный корабль и посыльное судно. Начальник эскадры решил в кратчайший срок завершить ремонт кораблей и при первом благоприятном ветре вернуться на Корфу. Из Неаполя один из кораблей должен был направиться в Венецию для согласования действий российской эскадры по защите морских перевозок и снабжению австрийского гарнизона города,

блокированного противником. А.С. Грейг планировал принять меры по обороне Ионических островов от возможного нападения французских войск²³. Этот план в целом соответствовал идеям товарища министра иностранных дел России А.А. Чарторыйского, изложенным в письме к Б.П. Ласси. В нём сообщалось о первых неудачах союзных войск в борьбе против армии Наполеона, допускалась возможность отступления армии эрцгерцога Карла из Северной Италии с оставлением гарнизона в Венеции²⁴. Состояние кораблей эскадры и зимние шторма не позволили сразу приступить к выполнению плана. 7 декабря А.С. Грейг приказал линейному кораблю «Святой Михаил» перейти с открытого рейда Неаполя в более защищённую от ветров бухту Байи в северо-западной части Неаполитанского залива²⁵.

В создавшихся условиях флот продолжал осуществлять морские перевозки в интересах российских войск. А.С. Грейг назначил офицера для организации доставки в Неаполь провизии и других запасов на шести зафрахтованных купеческих судах. 7 декабря бриг «Стабия» доставил из Корфу в Неаполь группу офицеров и служащих. На Корфу готовили к отправке судно шкипера А. Кафарено, принявшее на борт 7313 пудов сухарей с армейских складов. Для доставки в Неаполь двух рот Козловского мушкетёрского полка на Корфу был назначен фрегат «Крепкий», выход которого в море задержался из-за необходимости ремонта корабля, пострадавшего от шторма. Для его замены А.С. Грейг запланировал использовать три зафрахтованных судна, которые должны были принять 450 солдат, сна-

ряжение, патронные ящики и палатки.

Морские перевозки затруднялись не только зимними штормами, но и действиями противника. 6 декабря бригантина «Флора», возвращавшаяся из Бриндизи, была атакована французской 14-пушечной шебекой. На подходах к Корфу произошёл бой, в котором применялись не только пушки, но и стрелковое оружие²⁶.

Несмотря на обязательства Неаполитанского королевства обеспечить российские войска всем необходимым, снабжение полков генерала Б.П. Ласси провизией превращалось в проблему. 8 декабря полномочный министр Д.П. Татищев передал командующему войсками 21 152 талера на закупку продовольствия²⁷. Для доставки провизии с Корфу А.С. Грейг отправил из Неаполя три английских транспорта в охранении фрегата «Венус». Отряд прибыл к Ионическим островам 30 декабря.

27 декабря 1805 года Александр I, оценив деятельность А.С. Грейга по организации высадки российских войск в Неаполе, присвоил ему звание контр-адмирала²⁸.

Российская эскадра, стоявшая в Неаполитанском заливе, продолжала готовиться к возвращению на Корфу. 21 декабря военный транспорт «Григорий» был направлен к острову Тассо в Эгейском море за строевым лесом, необходимым для ремонта кораблей. Накануне Д.П. Татищев сообщил А.С. Грейгу о подписании Австрией и Францией перемирия и рекомендовал на некоторое время отложить выход эскадры в море. Это заявление было сделано на основании письма А.А. Чарторыйского, отправленного 24 ноября 1805 года. В нём сообщалось о намерении Александра I вывести российские войска

из Германии, Голландии и Италии. 20 декабря аналогичная информация поступила от генерала Б.П. Ласси. В ожидании официального повеления императора он созвал военный совет с участием командования союзных войск. При обсуждении плана дальнейших действий в условиях наступления армии маршала А. Массены на Неаполь Д.Г. Крейг предложил эвакуировать войска в пункты их прежней дислокации. Р.К. Анреп доказывал возможность обороны южной части Неаполитанского королевства — Калабрии.

24 декабря Б.П. Ласси приказал пополнить провизию

на кораблях и английских транспортах, подчинённых А.С. Грейгу, до месячной нормы. Требовалось погрузить на корабли и суда больных из береговых лазаретов, порох из армейских запасов и другое имущество, хранившееся на берегу.

Вскоре Б.П. Ласси получил от полковника Д.Д. Шепелева, выполнявшего роль курьера, письмо А.А. Чарторыйского. В нём сообщалось о поражении союзной армии под Аустерлицем и выходе Австрии из войны. Генералу было предписано принять меры к немедленно выводу российских войск из Италии и переброске их в Россию. 26 декабря Р.К. Анреп

сообщил А.С. Грейгу о получении повеления императора, требовавшего приступить к немедленной погрузке войск на корабли и суда. 31 декабря генерал от инфантерии Б.П. Ласси официально объявил подчинённым о воле Александра I и принятии всевозможных мер к спешному уходу российской армии и флота из Неаполитанского королевства.

2 января 1806 года Б.П. Ласси рекомендовал А.С. Грейгу воспользоваться хорошей погодой и 7 января перевести эскадру в Байи, что должно было сократить продолжительность перехода войск к месту погрузки на корабли. Для восполнения отсутствовавших кораблей и судов поручалось заключить контракты с местными судовладельцами. Б.П. Ласси надеялся, что погрузка на корабли эскадры начнётся в Неаполе с 3 января. Кроме войск, необходимо было вывезти из Неаполитанского королевства запасы армейских складов, которые успели к тому времени доставить с Корфу. К 3 января моряки приняли от полковых интендантов 237 пудов крупы и 6648 пудов сухарей. На бриг «Курьер» загрузили 491 мешок ржаной муки. С местного купеческого судна перегрузили 3136 пудов сухарей и 3235 пудов крупы.

В Неаполе благодаря энергичной работе российского генерального консула были зафрахтованы первые три судна, которые к 4 января планировалось сосредоточить в Байи. Туда же перешёл фрегат «Назарет»²⁹.

5 января 1806 года А.С. Грейг направил вице-адмиралу П.В. Чичагову рапорт, в котором доложил о начавшейся погрузке сил и средств десанта на корабли. Из-за недостатка времени возникали сложности в выполнении приказа гена-

Д.Д. Шепелев

нерала Б.П. Ласси о фрахте 21 купеческого судна и завершении погрузки войск к 9 января. Одновременно А.С. Грейг отметил опасность срыва эвакуации десанта из-за наступавших на Неаполь французских войск. Зимние штормы могли задержать выход эскадры в море аналогично ситуации, сложившейся после высадки десанта в ноябре 1805 года. Не желая рисковать, А.С. Грейг решил отправлять корабли и суда в море отрядами по мере их готовности. В первый отряд должны были войти английские транспорты в охранении линейного корабля «Азия» и фрегата «Назарет». Второй отряд состоял из линейных кораблей «Святой Михаил» и «Мария Магдалина». Третий отряд планировалось сформировать из 17 зафрахтованных судов в охранении линейного корабля «Святая Елена» и фрегата «Михаил». Линейный корабль «Святая Параскева» оставался на рейде Неаполя для доставки короля Сардинского в безопасное место. Фрегат «Автроил» и посыльное судно передавались в распоряжение российского дипломата Д.П. Татищева.

Погрузка войск в Байи началась 6 января 1806 года и шла ускоренными темпами. 7 января на фрегат «Михаил» загрузились 256 егерей 14-го полка. 8 января в Байи прибыл Кольванский мушкетёрский полк, который сразу приступил к погрузке на линейные корабли «Святой Михаил», «Мария Магдалина» и английский транспорт. 9 января на борт линейного корабля «Святая Елена» прибыл генерал-майор Р.К. Анреп с офицерами штаба и военнослужащими других частей. 10 января на флагманском линейном корабле «Ретвизан» капитан-командор А.С. Грейга разместились генерал от инфантерии

Д.Н. Сенявин

Б.П. Ласси, офицеры некоторых полков со своими денщиками и слугами. 60-пушечный фрегат «Григорий Великия Армения» был переоборудован в госпитальное судно и принял более 40 больных солдат.

Всего на линейных кораблях «Ретвизан», «Святая Елена», «Святой Михаил», «Азия» и «Мария Магдалина», фрегатах «Михаил» и «Назарет», бриге «Курьер» и бригантине «Алсино» были вывезены 4234 нижних чина и офицера. На 30 английских транспортах разместились 6656 армейских военнослужащих. С помощью российского генерального консула в Неаполе и Капель де Маре были наняты 22 судна,

которые доставили на Корфу 2837 военнослужащих из состава десанта³⁰.

9 января в море вышел первый отряд капитана 1 ранга Г.Г. Белли в составе линейного корабля «Азия», фрегата «Назарет» и английских транспортов. 11 января у острова Стромболи командир отряда приказал фрегату занять кормовые курсовые углы и не допустить отставания отдельных судов. К 19 ч того же дня отряд подошёл к Мессинскому проливу, который преодолел в течение ночи. На рассвете 12 января обнаружилось отсутствие фрегата и четырёх английских транспортов, которые, по полученным сведениям,

ям, стояли на мели. Командир отряда с оставшимися судами продолжил путь и 22 января привёл их на Корфу.

Выполняя поставленную задачу, «Назарет» вечером 11 января подошёл к Мессинскому проливу. В наступившей темноте фрегат сел на мель в 100 м от берега. В аналогичной ситуации оказались четыре английских транспорта. Попытки экипажа снять фрегат с мели своими силами успеха не принесли. В Мессину был направлен курьер к российскому генеральному консулу с просьбой о помощи. С фрегата на рыбачьих лодках начали перевозить на берег солдат 13-го егерского полка. Аналогичные действия предпринимались в отношении российских военнослужащих на английских транспортах, стоявших на мели. В спасении участвовали гребные средства кораблей эскадры вице-адмирала Д.Н. Сенявина, которая с 11 января находилась в Мессине. С аварийных судов были сняты 1166 военнослужащих. Российский генеральный консул прислал из Мессины барказ, который помог фрегату сняться с мели. 15 января «Назарет» вошёл в порт Мессины и приступил к устранению повреждений и пополнению запасов, чтобы в кратчайший срок выйти на Корфу. Два английских транспорта также продолжили плавание на Корфу, а два спасти не удалось.

Утром 16 января 1806 года эскадра Д.Н. Сенявина покинула Мессину и взяла курс на Корфу³¹. В ночь на 17 января линейный корабль «Уриил» при штормовом ветре потерял фор-стенгу (элемент рангута верхней части парусов). При этом три матроса упали в море с фор-марса и утонули. Для оказания помощи повреждённому кораблю были

оставлены линейный корабль «Селафаил» и бриг «Феникс». Остальные корабли Д.Н. Сенявина с военнослужащими дивизии Р.К. Анрепа прибыли на Корфу в полдень 18 января. Спустя четверо суток к острову подошли «Уриил» и сопроводившие его корабли.

11 января из Байи вышли линейный корабль «Святая Елена» и зафрахтованные суда. С ними следовал линейный корабль «Ретвизан», который после выхода из залива прибавил парусов и продолжил путь самостоятельно. А.С. Грейг объяснял свои действия желанием Б.П. Ласси ускорить своё прибытие на Корфу для организации отправки войск в Россию согласно воле императора. «Ретвизан» одним из первых достиг Корфу. К ночи 15 января суда с войсками и воинскими грузами бросили якоря на рейде Мессины. Командир линейного корабля из-за отсутствия лоцмана в тёмное время суток не стал рисковать и остался за маяком. Утром корабль продолжил движение. Усилившийся ветер не позволил судам выйти с места стоянки, поэтому «Святая Елена» вынуждена была стать на якорь. 18 января при благоприятном ветре отряд продолжил движение. Фрегат «Михаил» остался в Мессине. 20 января при крепком ветре на одном из судов порвало паруса, и оно отстало у мыса Стило. Для оказания ему помощи были выделены бриг «Стабия» и судно «Алскон». Остальные суда в охранении линейного корабля продолжили плавание, но на следующий день ухудшение погоды рассеяло отряд. 22 января «Святая Елена» прибыла на рейд Корфу, где уже находились 11 судов³².

13 января 1806 года из Байи вышли линейные корабли «Святой Михаил» и «Мария Магдалина» под общим коман-

дованием капитана 1 ранга Ф.П. Лелли. 22 января отряд благополучно достиг Корфу. Спустя четверо суток прибыли фрегаты «Михаил» и «Назарет». 29 марта к российской эскадре возвратились линейный корабль «Святая Параскева» с капитан-командором А.А. Сорокиным и фрегат «Автроил», которые выполняли поручения сардинского короля и монархов Королевства Обеих Сицилий в Кальяри, Палермо и Мессине³³.

Российские моряки под командованием А.С. Грейга успешно обеспечили высадку дивизии генерал-майора Р.К. Анрепа в Неаполе и её последующее возвращение на Корфу. Было достигнуто тесное взаимодействие с английским флотом, предоставившим транспорты для перевозки войск. Боевые корабли российского флота в ходе десантной операции реализовали опыт, полученный при доставке войск на Корфу из Кронштадта и портов Чёрного моря.

А.С. Грейг в ходе подготовки и проведения десантной операции проявил инициативу и профессионализм. Отмена приказа вышестоящего командования на возвращение двух линейных кораблей позволила сократить время подготовки десантных сил к выходу в море и увеличила состав эскадры. А.С. Грейг добился изменения пункта прибытия на Сицилию, выбрав более безопасный порт.

Во взаимодействии с армейским командованием были организованы распределение десантных сил по кораблям и судам, посадка и высадка войск, погрузка их снаряжения и запасов. Плавание кораблей проходило в сложных осенне-зимних условиях, сопровождавшихся затяжными штормами. При возвращении на Корфу наличие на флагманском корабле старшего по

званию и должности генерала от инфантерии Б.П. Ласси не позволило А.С. Грейгу организовать управление корабельными силами в море, что привело к посадке на мель фрегата и четырёх английских транспортов.

Десантная операция проводилась в благоприятных условиях при господстве союзных флотов на море и отсутствии противника в месте высадки войск на берег. Однако тактические успехи не предотвратили стратегического поражения. Союзный десант не смог решить поставленных перед ним задач. Чис-

ленность российских войск в распоряжении Б.П. Ласси оказалась в два раза меньше запланированной. Количество и боеспособность неаполитанской армии также не соответствовали замыслам союзного командования. Австрийская армия оставила Северную Италию, поэтому дальнейшее наступление в Ломбардию и самостоятельные действия десанта против превосходящих сил противника теряли смысл. Каждый из союзников защищал свои национальные интересы, что отразилось на составе десантных сил и характере их действий.

Боевые возможности группировки российского флота в Средиземном море снижались недостаточным количеством вспомогательных судов и ограниченными возможностями ремонта кораблей. Решающее влияние на исход десантной операции оказало решение Александра I о возвращении войск в Россию.

Вместе с тем в ходе высадки неаполитанского десанта 1805 года армейские полки и корабли флота приобрели опыт, который они реализовали под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина в 1806—1807 гг. в Далмации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История внешней политики России: первая половина XIX века. М.: Международные отношения, 1999. С. 44.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы российского МИД. Серия 1. 1801—1815 гг. Т. 2. М.: Политическая литература, 1961. С. 41.

³ Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра I с Наполеоном в 1805 году. СПб.: Типография штаба отдельного корпуса Внутренней стражи, 1844. С. 15.

⁴ История русской армии и флота в 15 т. Т. 3. М.: Образование, 1911. С. 36.

⁵ Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М.: АН СССР, 1962. С. 333.

⁶ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время в 6 т. Т. 2. СПб.: Типография Сушинского, 1869. С. 100.

⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 2. С. 575.

⁸ Тьер Л.-А. История консульства и империи в 4 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Захаров, 2013. С. 227.

⁹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 166. Оп. 1. Д. 554. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ф. 194. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 3108. Л. 205 об., 206.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 554. Л. 43, 45.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 7 об.

¹⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3108. Л. 209.

¹⁷ Там же. Л. 207.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 554. Л. 56.

¹⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3108. Л. 218, 219.

²⁰ Сборник Русского исторического общества (СБРИО) Т. 82. СПб., 1892. С. 187.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 15. Л. 47.

²² Там же. С. 93 об.

²³ Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 554. Л. 11, 11 об.

²⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 2. С. 636.

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 15. Л. 180.

²⁶ Там же. Д. 18. Л. 458.

²⁷ Там же. Д. 15. Л. 255.

²⁸ Общий морской список. Ч. III. СПб.: Морское министерство, 1890. С. 434.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 19. Л. 100.

³⁰ Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 554. Л. 56.

³¹ Броневский В.В. Записки морского офицера о продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н. Сенявина от 1805 по 1810 год в 4 т. Т. 1. СПб.: Императорская российская академия, 1836. С. 110.

³² РГА ВМФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 19. Л. 361 об.

³³ Там же. Ф. 194. Оп. 1. Д. 25. Л. 25.

Ye.N. Rukavishnikov

EXPERIENCE GAINED AT THE COST OF FAILURES

The Neapolitan landing of Commodore Captain A.S. Greig (1805—1806)

Information about author. Yevgeny Rukavishnikov — professor of the Department of Military-Political Work in Troops (Forces), a branch of the Military Educational and Scientific Center of the Navy Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N. G. Kuznetsov, Captain 1st rank (Res.), D. Sc. (Mil.), professor (city of Kaliningrad. E-mail: ren1956.39@mail.ru).

Summary. The paper reveals the plans of the 3rd anti-French coalition and their implementation in the Mediterranean region. The objectives of the study are to evaluate the role of the Allied maritime landing in the Kingdom of Naples during the campaign of 1805, to identify the degree of interaction between the Russian army and navy within the framework of the sea landing operation. On the basis of the study of archival documents, the paper provides information about the sea landing operation assets, the stages of Allied action and the timing of their implementation. The author assesses the factors that influenced the outcome of the Allied action. The main conclusion: during the sea landing in 1805 in the Kingdom of Naples, the army regiments and navy ships gained experience, which they later implemented under the command of Vice-Admiral D.N. Senyavin in 1806—1807 in Dalmatia.

Keywords: 3rd anti-French coalition; Mediterranean Sea; Kingdom of Naples; Russian Navy; sea landing; A.S. Greig; D.N. Senyavin.

«ИСПЫТЫВАЮ КАКОЕ-ТО СТРАННОЕ ЧУВСТВО, “ГОВОРЯ” ПО “БОДО”. ЧУДЕСНАЯ ЭТО МАШИНКА...»

По материалам фронтовых дневников А.А. Вишневого
к истории применения телекоммуникационных средств
в медицинской науке и технике

Сведения об авторе. Владимирский Антон Вячеславович — заместитель директора по научной работе Научно-практического клинического центра диагностики и телемедицинских технологий Департамента здравоохранения г. Москвы, доктор медицинских наук (Москва. E-mail: vladimirskijav@zdrav.mos.ru).

Аннотация. Научная деятельность академика генерал-полковника медицинской службы А.А. Вишневого была связана не только с хирургией, но и с развитием кибернетики. В 1960—1970-е годы под его руководством и при непосредственном участии разработаны передовые средства автоматизированной дистанционной диагностики. Такая заинтересованность хирурга в компьютерных технологиях — редкое явление, источники которого обнаруживаются во фронтовых дневниках и воспоминаниях современников. В статье проанализированы записи из опубликованных дневников А.А. Вишневого периода его службы в должности главного хирурга Брянского, Волховского и Карельского фронтов (1941—1944 гг.), представляющие важность для понимания процессов формирования научного интереса учёного к проблематике применения телекоммуникационных средств в медицинской науке и технике.

Ключевые слова: СССР; Великая Отечественная война; история телекоммуникационных технологий; А.А. Вишневский; телемедицина; кибернетика; телеграф Бодо.

Разнообразные цифровые информационные и телекоммуникационные технологии принято считать компонентом сугубо современной нам жизни. Всё больше соответствующих инструментов, приложений и систем применяются в тех или иных сферах жизнедеятельности. Целые отрасли становятся полностью «цифровыми». Стремительно развиваются такие процессы и в военной медицине, в частности, достаточно рутинным стало применение телемедицины в военных и военно-медицинских организациях. Телемедицинские технологии — это совокупность информационных технологий для дистанционного взаимодействия с помощью телекоммуникационных средств медицинских работников

между собой или с пациентами для решения разнообразных клинических и медико-организационных задач¹. Невзирая на сформировавшийся стереотип о «современности» и «инновационности» телемедицины, её история — как история научно-технического развития телекоммуникационных технологий в сфере медицины — насчитывает около 150 лет². Роль многих советских и российских учёных в этом развитии остаётся практически не исследованной; особенно это касается личностей, чья деятельность относилась к военной и аэрокосмической сферам. На фоне незначительного количества историографических источников по теме особый интерес вызывают мемуары, личные воспоминания, дневники³.

Александр Александрович Вишневский (1906—1975) — выдающийся военный врач и учёный, генерал-полковник медицинской службы, главный хирург Советской армии, доктор медицинских наук, профессор, академик АМН СССР. Его научное наследие в сфере военно-полевой медицины, хирургии и анестезиологии колоссально. За несколько десятилетий, прошедших с момента ухода из жизни А.А. Вишневского, проведены детальные исследования его личной и профессиональной биографии, научно-исследовательской деятельности⁴. Казалось бы, трудно добавить что-либо к исчерпывающим жизнеописаниям этого учёного, но мы не зря начали нашу статью со слов о телемедицине.

Хорошо известны научные труды Александра Александровича в сфере кибернетики и электроники. Наряду с В.В. Париным, В.М. Ахутиным, Н.М. Амосовым и другими он, несомненно, является основоположником такого отдельного научного направления, как «медицинская кибернетика»⁵.

Вместе с тем имя А.А. Вишневского обычно не ассоциируется с историей развития именно телемедицины (как научно-технического направления по применению телекоммуникационных средств для решения медицинских задач). Нам удалось опровергнуть это заблуждение. Интереснейший дополнительный материал к истории применения телекоммуникаций в медицине и становлению научной деятельности А.А. Вишневского в сфере медицинской кибернетики обнаружен нами в опубликованных материалах — фронтовых дневниках учёного, а также в воспоминаниях о нём.

А.А. Вишневский
1940 г.

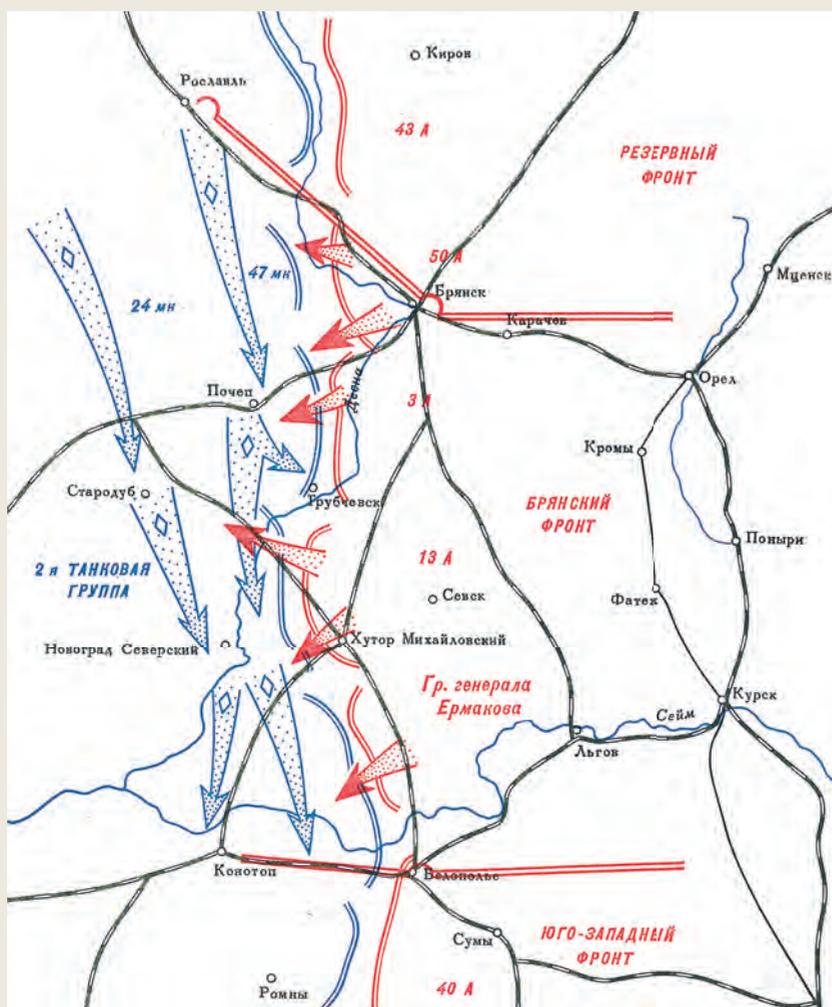
Из кн.: Шапошников Ю.Г.
А.А. Вишневский. М.:
Медицина, 1978. 95 с.

... Август 1941 года, А.А. Вишневский — главный хирург только что созданного Брянского фронта под командованием генерала А.И. Ерёменко. В августе фронт участвует в Гомельско-Трубчевской оборонительной операции, в начале сентября безуспешно атакует 2-ю танковую группу противника, далее ведёт оборонительные бои на орловско-брянском направлении; в ноябре фронт будет расформирован, управление переформировано в управление Оперативной группы Западного направления Юго-Западного фронта. 21 августа противник ведёт разведку боем, а к 23.00 после атаки «силою до 300 танков и мотополка» овладевает г. Почеп. Весь день стрелковые дивизии фронта находятся в обороне. Вечером советская авиация наносит результативный удар и полностью рассеивает автоколонну противника,двигающуюся к г. Стародубу. Части 13-й армии ведут бои

с целью прорыва, находясь в полуокружении. На фронт прибывают пополнения⁶.

В дневнике А.А. Вишневского, в записи от 21 августа, читаем: «<...> Поехал в Брянск на телеграф говорить с Москвой. Соединили очень удачно — сразу попал на Смирнова (Смирнов Ефим Иванович (1904—1989) — генерал-полковник медицинской службы, профессор, академик АМН СССР. В 1939—1947 гг. — начальник (Главного) Военно-санитарного управления РККА. — Прим. авт.). Он дал точные установки о том, что нужно делать в ближайшее время, и обещал удовлетворить все наши просьбы, передав нам госпитали Орловского военного округа. Затем сообщил, где расположен фронтовой склад медицинского имущества, и номера переданных нам санитарных поездов. Отметил, что в санитарных поездах совершенно не оказывается медицинская помощь, и просил навести железный порядок, внедрить медицину, ликвидировать “извозчиный” подход к делу. “Учти, что медсанбаты и полевые госпитали под предлогом различных трудностей работают плохо”, — сказал он ещё. И вдруг лента оборвалась, и мы принуждены были кончить разговор. Я всегда испытываю какое-то странное чувство, “говоря” по “Бодо”. Чудесная это машинка и чудесные девушки на ней работают.

Вспомнилась мне Ухта и то, как мы с начальником санитарной службы 9-й армии Гурвичем во время финской кампании так же вот вызвали Смирнова и просили разрешить нам накладывать гипс раненым с костным повреждением конечностей. Подошёл к нам тогда какой-то командир и, пока девушка клеила ленту нашего раз-

Положение и контрудары войск Брянского фронта в конце августа 1941 г.

Из кн.: Вишневский А.А. Дневник хирурга. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. 2-е изд. М.: Медицина, 1970. 424 с.

В лаконичных фразах фронтового дневника видны небезразличность и, возможно, ещё не осознанная увлечённость технологиями, которая очень значительно проявит себя в дальнейшем

говора, сказал о Смирнове: «Крепкий, толковый у вас начальник!» <...>⁷.

Яркое описание использования телеграфной связи для решения военно-медицинских задач. Что-то подобное можно найти и в автобиографических книгах В.В. Ве-

ресаева о Русско-японской войне 1905 года, но в словах Вишневского неожиданно видны эмоции: «Я всегда испытываю какое-то странное чувство, “говоря” по “Бодо”. Чудесная это машинка <...>». В лаконичных фразах фронтового дневника видны небез-

различность и, возможно, ещё не осознанная увлечённость технологиями, которая очень значительно проявит себя в дальнейшем.

Что же касается «Бодо», то под этим устоявшимся в описываемый период выражением подразумевался телеграфный аппарат конструкции французского инженера Жана Бодо (Jean Vaudot, 1845—1903), технологическим отличием которого была возможность передачи по одной линии связи нескольких сообщений одновременно, а также печать получаемой информации буквами на бумажной ленте (вместо азбуки Морзе). Телеграфные аппараты многократного телеграфирования Бодо были основным видом военной связи в СССР до конца 1930-х годов. С началом Великой Отечественной войны даже на фоне интенсивного укомплектования войск средствами радиосвязи и телефонами телеграф не потерял своей актуальности. Аппараты Бодо, стартстопный аппарат СТ-35, усовершенствованные аппараты Морзе и т. д. стали применяться в войсках на всех уровнях и для разных целей (в т.ч. медицинских). В 1943 году на основе телеграфного буквопечатающего аппарата Бодо был создан более совершенный телеграфный аппарат (2БД-2Г, полевая модель 2БДА-43) с дальностью связи до 2 км⁸. В дневнике А.А. Вишневского встречаются многочисленные упоминания случаев использования телеграфа (впрочем, и иных электрических телекоммуникационных средств): кодированные сообщения о подготовке к приёму большого количества раненых, вызовы к тяжёлым пациентам, управленческие и методические распоряжения (как в приведённой выше цитате)

и т.д. Но куда больше нас интересуют записи, свидетельствующие о применении телекоммуникаций именно в клинических целях, то есть в контексте непосредственного оказания медицинской помощи конкретным раненым и больным. Нами выявлены соответствующие записи о трёх эпизодах.

Первый эпизод относится к 1942 году. 9 июня происходит второе формирование Волховского фронта путём преобразования группы войск соответствующего направления Ленинградского фронта. Командует фронтом генерал К.А. Мерецков, в должности главного хирурга — А.А. Вишневский. В августе—сентябре 1942 года войска Волховского и Ленинградского фронтов проводят Синявинскую наступательную операцию с целью прорыва блокады Ленинграда. Блокада не прорвана, но сорван план противника по захвату города, одновременно скованы силы врага, что способствует успешным оборонительным боям на юге страны. К концу сентября интенсивность наступления стихает, часть войск оказывается в полуокружении, наносятся деблокирующие удары⁹. В это время Вишневский инспектирует медицинские службы, организуя, обучая и оперируя; 29 и 30 сентября он в г. Боровичи посещает сортировочный госпиталь и госпиталь для раненых в грудь, где осматривает военного врача по фамилии Корягина: «У неё осколок авиабомбы проник кпереди от поперечных отростков поясничных позвонков и лежит в забрюшинном пространстве. Предыдущими операциями её основательно измучили, но осколка не нашли». Вишневский хочет немедленно оперировать, но по просьбе раненой вмеша-

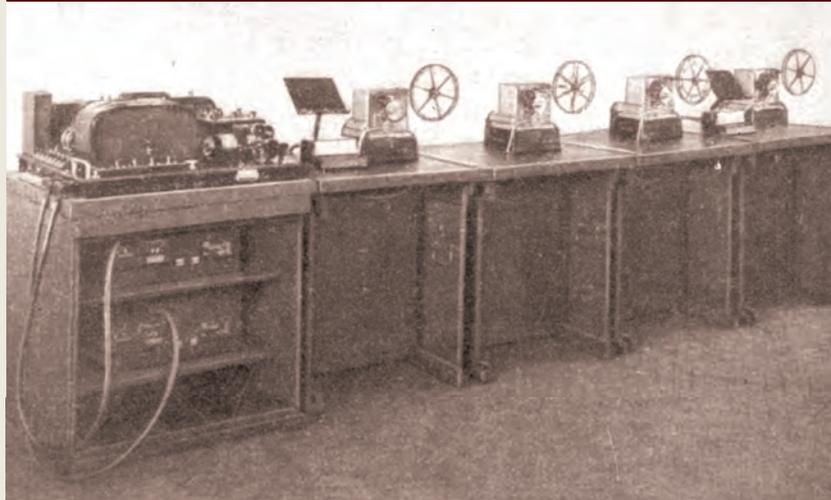
тельство откладывают. Лишь 11 октября А.А. Вишневский возвращается в Боровичи, где 13 сентября выполняет «очень трудную» операцию. В течение следующих 10 дней записи в дневнике скупые, 1—2 предложения, но регулярно указываются состояние и факт выполнения перевязки Корягиной. Наконец 27 октября Вишневский отправляется в г. Неболчи, в распоряжение санитарного управления фронта. В записи от 30 октября читаем: «Получил телеграмму, что Корягина плоха. Я уверен, что ничего страшного нет, и телеграфировал, что затёков быть не может. Они ей распустили всю рану и ничего не нашли»¹⁰.

Следующие эпизоды относятся к 1944 году.

Карельский фронт под командованием генерала К.А. Мерецкова находился в составе действующей армии с августа 1941 года. Длительное время войска фронта занимали оборону, в основном по системе рек и озёр; в июне 1944 года фронт совместно с Ладужской и Онежской военными флотилиями провёл Свирско-Петрозаводскую операцию, успешно атаковав финские войска в Южной Карелии и освободив в том числе г. Петрозаводск. В это время Вишневский, которому недавно было присвоено звание полковника, вновь находился на должности главного хирурга фронта.

В начале июля в составе фронта в районе сёл Реболы и Спасская Губа действовала 32-я армия. В период с 1 по

«Получил телеграмму, что Корягина плоха. Я уверен, что ничего страшного нет, и телеграфировал, что затёков быть не может. Они ей распустили всю рану и ничего не нашли»

Телеграфный аппарат Бодо полевого типа

Из кн.: Пересыпкин И.Т. Связь в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1973. 283 с.

10 июля армия вела упорные наступательные бои на правом фланге, предпринимала обходы с задачей овладеть укрепленными узлами обороны противника¹¹. В дневнике А.А. Вишневого от 10 июля 1944 года читаем: «Утром мне приказали лететь в Медвежгорск. Ранен член Военного Совета 32-й армии генерал Ушаков. Пока собирался, поездку отменили, так как ранили генерала Калашникова (начальника политуправления фронта) и командира корпуса Голованова. Поехал в Видлицу <...>». Повторный вызов к раненому Алексею Михайловичу Ушакову поступает 12 июля, Вишневский отправляется в Медвежгорск на самолёте У-2, где застаёт раненого «в тяжёлом состоянии, ему ампутировали голень». На следующий день (13 июля) пишет: «Утром направил Ушакова на рентген. В лёгких чисто. Отменил сульфидин и сделал ему блокаду. К вечеру вылетел обратно». 18 июля 1944 года: «Утром оперировал... Вернулся в Олонец, где мне сразу вручили телеграмму: “Ушакову плохо, вторичное кровотечение из культи, в ране нет грануляций”. По телефону сказал, что делать»¹².

Итак, в двух представленных эпизодах мы видим вызов к больному, очное оказание помощи, дистанционное сообщение клинической ситуации по телеграфу. Такие же дистанционные рекомендации врача по телефону или телеграммами — в этих лаконичных записях А.А. Вишневого описывает консультации средствами телекоммуникаций, которые в современной терминологии принято называть консультациями с применением телемедицинских технологий.

**Начальник
Военно-санитарного
управления РККА
Е.И. Смирнов**

*Из кн.: Гладких П.Ф.,
Локтев А.Е. Служба здоровья
в Великой Отечественной
войне, 1941—1945 гг.: очерки
истории отечественной
военной медицины. СПб.:
Дмитрий Буланин, 2005. 717 с.*

В октябре 1944 года Карельский фронт совместно с Северным флотом проводит наступательную Петсамо-Киркенесскую операцию. Оборона противника прорвана, войска продвигаются на 160 км, пересекают государственную границу, освобождают г. Киркенес уже на норвежской территории. В начале ноября Финляндия выходит из войны, фронт готовится к расформированию. 12 ноября в госпитале, расположенном в г. Беломорске, Вишневский осматривает раненых: «Отобрал двоих для операции. У одного осколок в сердце, у другого в средостении». Операция для удаления осколков из сердца раненого бойца по фамилии Захаров назначена на 16 ноября. Записи дня операции и последующих двух суток полны напряжения: бессонная ночь, подготовка хи-

рурга к сложному вмешательству, драматическое описание самой операции, ещё одна тревожная ночь... Раненый жив! Но состояние его тяжёлое, требующее постоянного контроля лечения. Два дня Вишневский проводит в Беломорске, но далее вынужден ехать в Петрозаводск: «18 ноября <...> Даю точное расписание всех назначений и прошу каждый день телеграфировать мне <...>». В записях от 19, 20 и 21 ноября приводятся содержания телеграмм о Захарове: общее состояние и состояние хирургической раны, признаки пневмонии, частота дыхания и пульса, температура, аппетит. 22 и 23 ноября телеграммы нет, Вишневский крайне расстроен, но 24-го вновь сообщение: «Наблюдается дальнейшее улучшение. Рана в хорошем состоянии. Пульс 104, ритмичный, пневмония ещё держится. 23 ноября произведена блокада по Вишневному. После блокады наблюдается улучшение самочувствия, температура утром 37,1°». Через сутки А.А. Вишневский вновь в Беломорске, лично осматривает Захарова и констатирует явное улучшение¹³.

И вновь мы видим рутинное использование телекоммуникационных технологий в медицинских целях. Причём речь не об организационных или тактических вопросах, но именно о клинических аспектах. По средствам электросвязи А.А. Вишневному регулярно сообщают клинические данные для дистанционного контроля состояния тяжело раненого.

Примечательно, что во всех эпизодах, указанных в дневнике, Вишневский вовсе не подчёркивает необычность или исключительность дистанционного взаимодействия с помощью телекоммуникаци-

онных средств для решения сугубо клинических задач. Врачебные консультации по телеграфной и телефонной связи являются для него обычным элементом оказания медицинской помощи. В дальнейшем мы проследим влияние такого доверия телекоммуникационным технологиям на развитие научной деятельности А.А. Вишневого. Надо подчеркнуть, что в период военных действий средства электросвязи для Вишневого — это прикладной инструмент, не являющийся предметом или методом научных исследований.

Вместе с тем содержащиеся в дневниках учёного сведения о применении телекоммуникационных средств для решения клинических задач в военно-полевых условиях позволяют почувствовать энергичную заинтересованность А.А. Вишневого в соответствующих технологиях, увлечённость и осознание практической значимости, которые спустя несколько десятилетий обернутся концептуальными научными работами в сфере медицинской кибернетики.

В 1948 году А.А. Вишневский возглавляет Институт хирургии АМН СССР (сам институт создан годом ранее). В 1961 году в Институте открываются сразу две лаборатории кибернетики — беспрецедентный факт для медицинских учреждений того времени. Научные работы ведутся в двух направлениях¹⁴:

1. В лаборатории кибернетики под руководством доктора технических наук, профессора М.Л. Быховского идут разработка кибернетических принципов построения диагностических систем на базе цифровых вычислительных машин, создание автоматизированного медицинского архива. Значительную кон-

**Начальник санитарной службы 9-й армии
М.М. Гурвич**

Из кн.: Гладких П.Ф., Локтев А.Е. Служба здоровья в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг.: очерки истории отечественной военной медицины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 717 с.

сультативную поддержку лаборатории оказывает академик И.И. Артоболевский.

2. В лаборатории биокибернетики под руководством профессора С.Н. Брайнеса изучаются теоретические основы биологической кибернетики, принципы их применения в хирургии, разрабатывается теория управления физиологическими процессами в организме и распознавания образов биологическими системами.

А.А. Вишневский не просто организатор, но активный участник и соавтор многих из перечисленных исследований. Теперь телекоммуникационные технологии вкупе с электронно-вычислительными машинами (ЭВМ) становятся для него одновременно и предметами, и инструментами новых научных исследований. Более того, достаточно простые средства электросвя-

зи времён войны заменяются новыми технологиями — телевизионными, телетайпными; это открывает широкие возможности для медицинской науки и практики.

В биографическом труде Н.П. Кончаловской (дочери художника П.П. Кончаловского — автора одного из самых ранних портретов Александра Александровича)¹⁵ «В поисках Вишневого: Жизнеописание советского хирурга» приводятся следующие воспоминания одного из близких друзей учёного — Николая Петровича Харитоновича:

«<...> Александр Александрович был самым ярким борником применения новейших механических средств в хирургии. Я помню, с каким энтузиазмом он принял появление телевидения:

— Ты представляешь себе, какие возможности открывает телевидение для врачей? — восклицал он. — Ведь теперь в самом отдалённом уголке страны хирург, оперируя больного, может консультироваться с крупными специалистами больших городов. Какую же уверенность это может придать хирургу, с одной стороны, и какую ответственность налагает на него — с другой! Ведь это создает эффект присутствия крупных специалистов при операции. И наоборот! Любой рядовой хирург может наблюдать операцию, которую производит крупнейший хирург. Вот ведь какие дела.

И ЭВМ в институте Вишневого была, конечно, достижением Александра Александровича. Он говорил:

— Машина имеет свойство приводить к неожиданным выводам. Привычное для врача машина часто видит нешаблонным, и это заставляет человека приходить к парадоксальным выводам.

Погрузка раненых в военно-санитарный поезд

1942 г.

Из кн.: Гладких П.Ф., Локтев А.Е. Служба здоровья в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг.: очерки истории отечественной военной медицины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 717 с.

Она способна находиться в непрерывном состоянии напряжения, что для человека абсолютно недоступно. А бесконечная память машины может сохранить человеку уйму времени. И вообще машина может облегчить работу прямым общением через телефон и телетайп»¹⁶.

В этой цитате мы видим концептуальное отношение А.А. Вишневого к применению телевизионных технологий для организации телемостов (в современной терминологии — видеоконференций) с целью обсуждения сложных клинических случаев, причём непосредственно во время хирургических операций.

С конца 1950-х годов в СССР в сфере медицины телевизионные технологии использовались достаточно активно¹⁷, однако в хирургии их применение было ограничено односторонней трансляцией процессов хирургических операций сугубо с образовательными целями. В частности, в 1957—1958 гг. в клинике усовершенствования врачей Военно-медицинской ака-

демии имени С.М. Кирова (г. Ленинград) под руководством профессора Петра Андреевича Куприянова и при непосредственном участии кандидата медицинских наук Б.Н. Аксенова и инженера Б.А. Кузьмина была разработана модель типовой цветной телевизионной хирургической установки; были проведены клинические испытания для обоснования дальнейшего серийного производства¹⁸. В 1957 году в госпитальной хирургической клинике 1-го Ленинградского медицинского института имени академика И.П. Павлова смонтировано одноканальное цветное телевизионное оборудование с оригинальной системой зеркал для отображения операционного поля (работа выполнена будущим профессором А.А. Вороновым и инженером Р.Е. Быковым)¹⁹. Схожее оборудование применялось в 1959 году в Московском институте грудной хирургии (в частности, телевизионные трансляции проводились во время показательных операций на открытом сердце с использованием искус-

ственного кровообращения, проводившихся делегацией хирургов из Великобритании)²⁰; в 1960—1961 гг. в клинике факультетской хирургии Калининского медицинского института, в Калининской областной клинической больнице²¹, а также в 1961 году — в Первом Московском ордена Ленина медицинском институте (1-й МОЛМИ)²².

Указанные опытно-конструкторские и практические работы имели несомненное значение для «увеличения эффективности и убедительности обучения»²³. Однако Александр Александрович Вишневский предвидел следующий — клинический — этап развития этой технологии: двустороннюю связь в режиме диалога, настоящее дистанционное взаимодействие врачей-специалистов для решения насущных клинических задач. В этом предвидении мы наблюдаем прямой результат обширного практического опыта по применению телекоммуникационных средств в медицинских целях, который был накоплен А.А. Вишневым во время войны.

Также в приведённой цитате упоминается ещё один способ применения телекоммуникаций в медицине: так называемая вычислительная диагностика — дистанционная передача биомедицинских данных по телефонным каналам связи для автоматизированной (компьютерной) интерпретации и направления по телетайпу результатов запросившему консультацию врачу.

Вычислительная диагностика была одним из ключевых научных направлений в 1960—1980-е годы. Появление компактных ЭВМ, относительное упрощение процессов программирования,

развитие телекоммуникаций создали основу для научно-технического развития машинного анализа биомедицинских данных. Особенно успешны были научно-практические работы в сфере автоматизированной расшифровки ЭКГ (в СССР здесь можно отметить научные работы под руководством Ю.И. Неймарка и Л.В. Чирейкина, в США — под руководством Цезаря Касереса (Cesar Augusto Caceres))²⁴.

В книге Н.П. Кончаловской находим воспоминания Игоря Петровича Чулкова (хирурга, ученика ещё А.В. Вишневого):

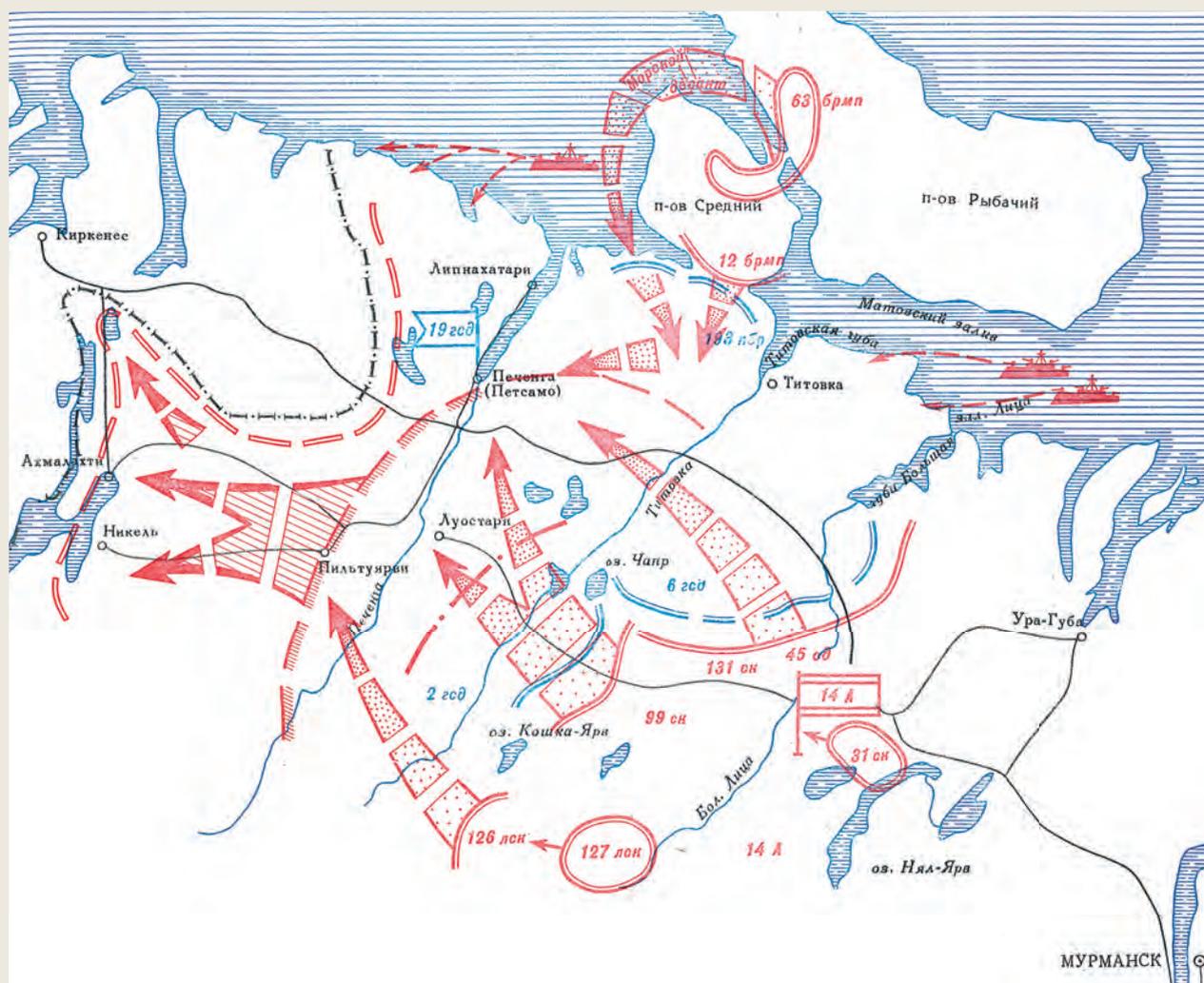
«Игорь Петрович разворачивает заранее приготовленную газету “Коммунар”».

— Вот послушайте: “...В нашей лаборатории созданы диагностические системы для ряда хирургических заболеваний: врождённых и приобретённых пороков сердца, заболеваний печени и желудка. При этом математические принципы “машинного диагноза” оказались универсальными, их можно использовать для построения систем, распознающих заболевания крови, лёгких, центральной нервной системы.

...Машина ставит точный диагноз в 90—92 случаях из

ста. Электронная диагностика ценна ещё тем, что с её помощью удаётся определить характер заболевания, не применяя таких сложных приёмов, как, например, зондирование полостей сердца и пункция...”

И дальше мы читаем с Игорем Петровичем интереснейшие высказывания Александра Александровича о будущем электронно-вычислительных машин, об электронно-медицинском архиве, где все истории болезней закодированы, о том, что с помощью электронного устройства буквально за секунду можно найти для

**Положение и задачи войск правого крыла Карельского фронта
в Петсамо-Киркенесской операции 1944 г.**

Из кн.: Вишневский А.А. Дневник хирурга. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. 2-е изд. М.: Медицина, 1970. 424 с.

Перевязочная госпиталя

1944 г.

Из кн.: Гладких П.Ф., Локтев А.Е. Служба здоровья в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг.: очерки истории отечественной военной медицины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 717 с.

Палата эвакуационного госпиталя

1944 г.

Из кн.: Быков В.П., Андреева А.В., Самбуров Г.О. Госпитальная база Карельского фронта 1941—1945. Архангельск: Северный государственный медицинский университет, 2020. 213 с.

А.А. Вишневский оперирует в присутствии почетного гостя профессора С.С. Юдина (третий слева)

Из кн.: Кончаловская Н.П. В поисках Вишневского. Жизнеописание советского хирурга. М.: Молодая гвардия, 1981. 159 с.

обследуемого больного все аналогичные случаи, ранее наблюдавшиеся в клинике. Таким образом может быть отражён опыт многих клиник страны и даже нескольких стран. Для диагностики на расстоянии используется общая телеграфная сеть, снабжённая телетайпами. <...>

Приходим в кабинет ЭВМ, заведует им врач Ратмир Кузин <...>

И вот я попадаю в фантастический мир современной науки. Электронно-вычислительная машина находится в Москве, на Серпуховской, в Институте имени Вишневского. (Мне однажды Александр Александрович показал эту огромную стенку с кнопками, экранами, лампочками, оконцами.)

Кузин объясняет мне принцип действия ЭВМ.

Через телетайпную связь из Яснополянской больницы делается запрос и посылается закодированная таблица истории болезни пациента, и спустя несколько минут врачи получают из Москвы диагноз, указанный ЭВМ. Запрос на телетайп нередко диктуется в Москву по телефону прямо из яснополянской операционной: «Проверьте диагноз на ЭВМ». А ведь в Ясную Поляну идут запросы из многих других областных больниц, и эта телефонно-телетайпная связь отлично помогает врачам в случаях неясного диагноза»²⁵.

Действительно, под руководством А.А. Вишневского были разработаны «машинные системы» для автоматизированного анализа медицинских данных с целью выявления врождённых пороков сердца (при обучении на выборке из 1400 клинических случаев была достигнута диагностическая точность в 91 проц.), определения типа

желтухи (точность колебалась в диапазоне 75—100 проц.), а также создана система поддержки принятия врачебных решений для выбора плана лечения. Следующим шагом стало совмещение автоматизированного анализа и телемедицины. Был создан способ прямого ввода биомедицинских данных с диагностических устройств в ЭВМ; при этом передача информации от прибора к компьютеру осуществлялась на значительные расстояния. Дистанционная автоматизированная диагностика была внедрена во взаимодействие с медицинскими организациями Ярославля, Новочеркасска, позднее — Хабаровска и Казани²⁶.

В современной медицинской науке и практике, несмотря на очень масштабную цифровизацию, не утихают споры о возможностях и ограничениях телекоммуникационных и информационных технологий. Если проследить историю научно-технического развития телемедицины, то можно увидеть регулярные, повторяющиеся замечания о том, что основным барьером на пути развития методик применения телекоммуникационных средств в медицине является человеческий фактор. И по сей день кипят дискуссии и очень велика доля скептицизма по отношению к дистанционному взаимодействию в медицине (т.е. к телемедицинским технологиям).

В воспоминаниях об А.А. Вишневском мы находим весьма значимую информацию, позволяющую увидеть его увлечённый, но строго взвешенный, действительно научно обоснованный взгляд на эту проблему: «В науке Александр Александрович был передовым человеком. Часто выезжая за границу и следя за научными открытиями, он

А.А. Вишневский в клинике

1960-е гг.

Из кн.: Моргошья Т.Ш., Сыроежин Н.А., Инкин А.В. Памяти академика А.А. Вишневского — главного хирурга Министерства обороны СССР (к 45-летию со дня смерти) // Регионарная анестезия и лечение острой боли. 2021. Т. 15. № 1. С. 85—91.

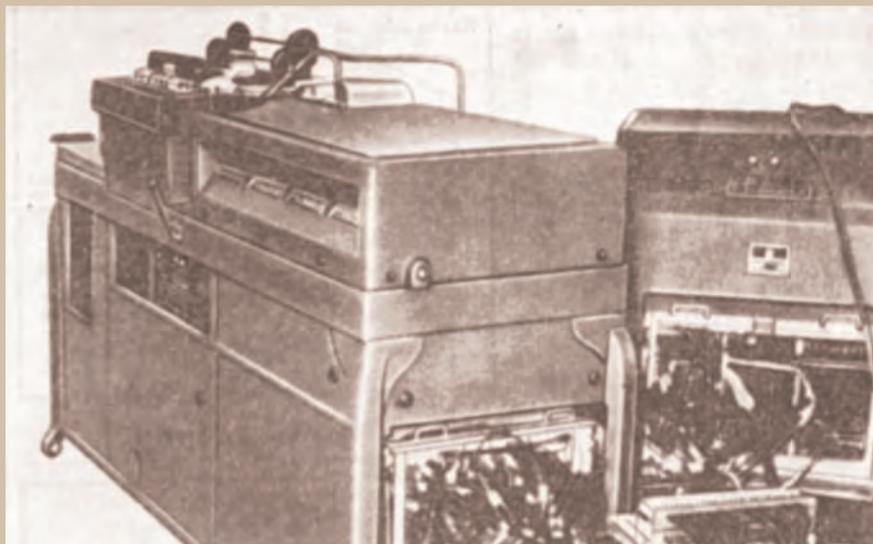
В операционной эвакуационного госпиталя

1944 г.

Из кн.: Быков В.П., Андреева А.В., Самбуров Г.О. Госпитальная база Карельского фронта 1941—1945. Архангельск: Северный государственный медицинский университет, 2020. 213 с.

Аппаратно-программный комплекс для дистанционной автоматизированной диагностики, разработанный под руководством А.А. Вишневского

Из кн.: Вишневский А.А. Избранные работы по хирургии и пограничным областям. Т. 2. М.: Медицина, 1970. 380 с.

Вишневский А.А. (фрагмент портрета)

Художник П.П. Кончаловский, 1951 г.

(оригинал принадлежит семье Вишневских)

Из кн.: Шапошников Ю.Г. А.А. Вишневский. М.: Медицина, 1978. 95 с.

сразу оценил кибернетику. И когда я, сам ещё недооценивая научных исследований, однажды упрекнул его: “Вот вы, Александр Александрович, крупнейший хирург, с

блестящей техникой, а всерьёз принимаете такую чепуху, как кибернетика”, — Александр Александрович, хитро улынувшись, ответил: “<...> Я ведь отношусь ко всему глубже и

вижу намного дальше! Я считаю, что надо идти в ногу с передовой наукой. Но, конечно, кибернетика не является основной в диагностике, а только подсобной” <...> Я смотрю на пачки диагностических анкет, на карты-таблицы дистанционной диагностики, вижу бесконечные столбцы цифр и названия симптомов болезней и дивлюсь, дивлюсь этой великолепной технике. И всё же вспоминаю слова Александра Александровича: “Однако следует помнить, что основным координирующим центром остаётся ЧЕЛОВЕК, его опыт, практика и его талант”»²⁷.

Таким образом, исследование дневников и воспоминаний современников позволило нам выявить особое, прогрессивное отношение А.А. Вишневского к телекоммуникационным средствам с точки зрения их применения в медицинской науке и практике. Передовые научно-исследовательские работы в сфере медицинской кибернетики и дистанционной диагностики выполнялись под руководством и при непосредственном участии Александра Александровича в период 1961—1972 гг. (результаты опубликованы в целом ряде статей и двух монографиях). В этой деятельности мы видим продолжение и научное воплощение энергичного, сугубо прикладного использования телекоммуникационных средств в военно-медицинских целях, описанного во фронтовых дневниках А.А. Вишневского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Андреев А.И., Борисов Д.Н. Применение телемедицинских технологий в повседневной деятельности военно-медицинских организаций

// Известия Российской военно-медицинской академии. 2016. Т. 35. № 2. С. 19—23; Андреев А.И. Телемедицинские технологии в армии

Китая // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2020. Т. 6. № 1. С. 21—25; Бабирин В.С., Кушнирчук И.И., Казан-

цев А.Ю. Возможности и перспективы современной телемедицины в военных организациях // Известия Российской военно-медицинской академии. 2020. Т. 39. № 4. С. 91—93.

² Владзимирский А.В. История телемедицины: стоя на плечах гигантов (1850—1979). М.: Де'Либри, 2019. С. 8—12; Леванов В.М., Орлов О.И., Мерекин Д.В. Исторические периоды развития телемедицины в России // Врач и информационные технологии. 2013. № 4. С. 67—73; Bashshur R., Shannon G. History of telemedicine: Evolution, context and transformation. New Rochelle: Mary Ann Liebert, 2009. P. 69—71.

³ Матчин А.А., Матчина О.И. «Раненый получает... хирургическое пособие... когда... обнаружена потребность...». Челюстно-лицевая хирургия в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2021. № 6. С. 24—29.

⁴ Брюсов П.Г. Выдающийся учёный и военно-полевой хирург (к 100-летию со дня рождения А.А. Вишневого) // Военно-медицинский журнал. 2006. Т. 327. № 6. С. 77—81; Гладких А.П. Первая пересадка сердца в России: успехи и неудачи А.А. Вишневого // Научный альманах. 2021. № 4—3(78). С. 26—29; Моргошия Т.Ш., Сыроеждин Н.А., Инкин А.В. Памяти академика А.А. Вишневого — главного хирурга Министерства обороны СССР (к 45-летию со дня смерти) // Региональная анестезия и лечение острой боли. 2021. Т. 15. № 1. С. 85—91; Шапошников Ю.Г. А.А. Вишнево-ский. М.: Медицина, 1978. С. 5—20.

⁵ Вишнево-ский А.А., Шик Л.Л., Ходоров Б.И. Кибернетика в хирургии // Экспериментальная хи-

рургия. 1959. № 1. С. 6—11; Вишнево-ский А.А., Артоболевский И.И., Быховский М.Л. Принципы построения диагностических машин // Вестник Академии медицинских наук СССР. 1964. № 2. С. 42—49; Быховский М.Л., Вишнево-ский А.А., Харнас С.Ш. Вопросы построения диагностического процесса при помощи математических машин // Экспериментальная хирургия и анестезиология. 1961. № 4. С. 3—15.

⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 202. Оп. 5. Д. 63. Л. 30—35.

⁷ Вишнево-ский А.А. Дневник хирурга. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М.: Медицина, 1970. С. 61.

⁸ Военные связисты в боях за Родину. М.: Военное издательство, 1984. С. 134—147.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 177. Л. 30—34.

¹⁰ Вишнево-ский А.А. Указ. соч. С. 204, 207—209.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 2033. Л. 6—12.

¹² Вишнево-ский А.А. Указ. соч. С. 344—346.

¹³ Там же. С. 379—382.

¹⁴ Он же. Избранные работы по хирургии и пограничным областям. Т. 2. М.: Медицина, 1970. С. 280—284.

¹⁵ Воробьёв А.А., Туманов В.П., Петрова И.А. Неизвестный Вишнево-ский (образ великого хирурга в творчестве великих художников) // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2006. № 1(17). С. 89—92.

¹⁶ Кончаловская Н.П. В поисках Вишнево-ского: Жизнеописание советского хирурга. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 124, 125.

¹⁷ Быков Р.Е., Коркунов Ю.Ф. Телевидение в медицине и биологии. Л.: Энергия, 1968. С. 12—41.

¹⁸ Аксёнов Б.Н., Кузьмин Б.А. Опыт применения цветного телевидения для передачи изображений хирургических операций // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. 1959. Т. 82. № 4. С. 3—10.

¹⁹ Воронов А.А., Быков Р.Е. Использование цветного телевидения для демонстрации хирургических операций // Там же. С. 11—16.

²⁰ Hole-in-heart operation: British surgeons in Moscow // The Manchester Guardian. 9.05.1959. P. 1.

²¹ Караванов А.Г., Ревис В.А. Применение промышленной телевизионной установки (ПТУ-3) для телепередач из операционной // Хирургия. 1961. Т. 37. № 1. С. 128—130.

²² Горшков С.З. Современные достижения телевидения в хирургической клинике // Там же. № 12. С. 119—121.

²³ Воронов А.А. Указ. соч. С. 15.

²⁴ Владзимирский А.В. Указ. соч. С. 106, 107, 110—112, 151—153.

²⁵ Кончаловская Н.П. Указ. соч. С. 57—59.

²⁶ Вишнево-ский А.А., Быховский М.Л., Костюченко Б.М., Мелик-Пашаев А.Н. Дифференциальная диагностика основных ревматических пороков сердца с применением электронно-вычислительных машин // Экспериментальная хирургия и анестезиология. 1967. № 5. С. 19—25; Вишнево-ский А.А., Быховский М.Л., Виноградов В.В., Данилов М.В., Кочишвили В.И., Полтавский Б.М. Применение вычислительных машин для диагностики механических желтух // Там же. 1964. № 4. С. 22—27.

²⁷ Кончаловская Н.П. Указ. соч. С. 58, 59.

A.V. Vladzimirsky

«I HAVE A STRANGE FEELING TALKING ON THE BAUDOT. IT'S A WONDERFUL MACHINE...»

Based on materials from A.A. Vishnevsky's front diaries — on the history of telecommunications in medical science and technology

Information about author. Anton Vladzimirsky — deputy director for Science at the Scientific and Practical Clinical Center for Diagnostics and Telemedicine Technologies of the Moscow Department of Health, D. Sc. (Med.) (Moscow. E-mail: vladzimirskijav@zdrav.mos.ru).

Summary. The scientific activity of Academician Colonel General of Medical Service A.A. Vishnevsky was associated not only with surgery, but also with the development of cybernetics. In 1960—1970s, under his supervision and with his direct participation, modern automated remote diagnostic tools were developed. Such a surgeon's interest in computer technology is a rare phenomenon, the sources of which can be found in the front diaries and memoirs of his contemporaries. The paper analyzes the records from the published diaries of A.A. Vishnevsky during his service as the chief surgeon of the Bryansk, Volkhov and Karelian fronts (1941—1944), which are important for understanding the processes of formation of the scientist's interest in the problems of application of telecommunications in medical science and technology.

Keywords: USSR; Great Patriotic War; history of telecommunications technology; A.A. Vishnevsky; telemedicine; cybernetics; Baudot telegraph.

Д.Ю. Литинский,
Ю.В. Слесарев,
М.Ю. Гаршин

«СЛУЖБА АВИАЦИИ... МОЖЕТ БЫТЬ УПОТРЕБИМА И ДЛЯ АКТИВНЫХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ»

Роль капитана 2 ранга Б.П. Дудорова
в создании отечественной морской авиации

Сведения об авторах. Литинский Дмитрий Юрьевич — научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» (Санкт-Петербург. E-mail: vlnc-vmf-3fil@mil.ru);

Слесарев Юрий Васильевич — старший научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: vlnc-vmf-3fil@mil.ru);

Гаршин Максим Юрьевич — главный научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», капитан 1 ранга, кандидат технических наук (Санкт-Петербург. E-mail: vlnc-vmf-3fil@mil.ru).

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть процесс создания в России морской авиации как составной части службы наблюдения и связи флотов и оценить ранее не конкретизированный вклад капитана 2 ранга Б.П. Дудорова в формирование нового рода сил флота к началу Первой мировой войны на основе изучения разработанных им в Морском генеральном штабе в 1912–1914 гг. организационных документов. Написанный именно Б.П. Дудоровым проект «Положения об авиации и воздухоплавания в Службе связи морей» был одобрен Адмиралтейств-советом 22 декабря 1912 года. Из-за возражений Министерства финансов и Государственного контроля, неповоротливости Государственной думы император Николай II утвердил соответствующий законопроект лишь в июле 1914 года. По представлению Дудорова морской министр дал согласие на привлечение к службе 22-летнего авиаконструктора И.И. Сикорского, в т.ч. для решения задачи импортозамещения.

Ключевые слова: Первая мировая война; Морское министерство России; Морской генеральный штаб; морская авиация; Балтийский флот; Служба связи; И.И. Сикорский; Б.П. Дудоров.

Об истории отечественной морской авиации издано немало книг, как научно-популярных, так и претендовавших на фундаментальность¹, а количество публикаций о конструкциях и боевом применении самолётов гидроавиации периода Первой мировой войны в периодической печати исчисляется многими десятками. Если благодаря опубликованным работам имена первых российских авиаторов, имевших отношение к полётам в интересах морского ведомства, известны не только специалистам, то поиск достоверной, подкреплённой ссылками на исторические документы информации о персоналиях организаторов морской авиации в 1912—1914 гг. не даёт ожидаемых результатов. Вот уже многие годы

— это восхваление деятельности Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования и созданного при нём Отдела Воздушного флота. При этом наибольшие заслуги, естественно, признаются за великим князем Александром Михайловичем Романовым².

Это неудивительно, поскольку признание отсутствия практических, системных организационных и материально-технических мероприятий морского ведомства Российской империи по подготовке к созданию морской авиации накануне мировой войны подменяется пространными рассуждениями об «энтузиастах авиации» и «гениальных предвидениях» отдельных личностей.

Удивляет живучесть легенды о «первом морском лётчике России», которым «назначен» лейтенант Черноморского флота С.Ф. Дорожинский, дважды, в 1909 и 1911 гг., совершавший за казённый счёт длительные поездки во Францию и труднообъяснимые приобретения заведомо не пригодных к морской службе аэропланов от имени морского ведомства³. До 2014 года не утихали споры между Санкт-Петербургом и Севастополем «о родине морской авиации». И если в этом контексте вспоминают начальника Службы связи Черноморского флота капитана 2 ранга В.Н. Кедрина (в основном в связи с двумя «французскими вояжами» С.Ф. Дорожинского), то имя офицера корпуса инженер-механиков флота И.И. Стаховского — руководителя авиации Службы связи Чёрного моря (Черноморского флота) в течение всей войны — упоминается крайне редко.

Отдавая должное результатам архивных поисков энтузиастов-исследователей истории авиационной техники, нельзя не отметить, что в статьях, достаточно подробно освещающих процесс заказа и эксплуатации морской авиационной техники в 1912—1914 гг., отсутствуют упоминания об организационной деятельности авиационного отдела Морского генерального штаба, не говоря уже о конкретных должностях и именах офицеров. Активно работавший по тематике становления и боевой деятельности морской авиации военный историк полковник В.Л. Герасимов, исследовавший и впервые опубликовавший немало интересных документов и являющийся автором единственной статьи о Б.П. Дудорове⁴, к сожалению, не успел в полной мере проследить причинно-следственную

Контр-адмирал
Б.П. Дудоров
Сентябрь 1917 г.

связь событий и определить главную фигуру в историческом процессе, изучению которого посвятил свою творческую деятельность. Наиболее глубоко предпосылки, причины и обстоятельства появления отечественной морской авиации исследованы в работе А.А. Глущенко⁵.

Немногочисленные исследователи, уделившие наибольшее внимание деятельности морских лётчиков Черноморского и Балтийского флотов во время боевых действий, не ставили своей целью оценку эффективности функционирования сложившейся к началу войны организации морской авиации. Многими цитируется введённое в действие приказом по флоту и морскому ведомству № 269 от 14 августа 1914 года «Положение о службе авиации в Службе связи», но никем не предпринималось попыток определить авторов этого и последующих организационных документов, заложивших юридическую основу дальнейшего строительства морской авиации.

Оценивая состояние авиационного дела в России за два года до начала мировой войны в сравнении с ведущими морскими державами⁶, следует признать, что руководство Морского министерства недооценивало возможности и перспективы применения аэропланов для разведки на море, хотя неотложная необходимость повышения эффективности Службы наблюдения и связи флота на Балтийском и Черноморском театрах была вполне очевидна.

В Российском Императорском флоте, к концу 1913 года имевшем полтора десятка подготовленных из морских офицеров лётчиков и 17 аэропланов, так называемых авиационных станций (пунктов базирования и обеспечения боевого применения гидроаэропланов) создано не было, отсутствовали официально утверждённые документы, которые определяли бы назначение и организацию авиационных подразделений и регламентировали прохождение в них службы. Инициативы немногочисленных офицеров на Чёрном море и на Балтике не были скоординированы между собой, отсутствовало централизованное руководство их деятельностью. Приобретение авиационной техники для морского ведомства за границей производилось бессистемно и первоначально носило почти авантюрный характер. Предпринятая в начале 1910 года попытка вызвать интерес командования к авиации успехом не увенчалась.

Ознакомившись с поданными ему докладами и предложениями Морского генерального штаба⁷, в апреле 1911 года морской министр адмирал И.К. Григорович разрешил создание в Службе наблюдения и связи Чёрного моря двух «авиационных отделений с трех-

мя аэропланами в каждом», дав указание выделить кредит на их заказ и приобретение необходимого имущества⁸. В сформированную при Севастопольском воздухоплавательном парке команду военно-морских лётчиков вошли шестеро офицеров, которые под руководством американского лётчика-инструктора Ч. Уитмера прошли обучение пилотированию закупленных в том же году в Северо-Американских Соединённых Штатах гидроаэропланов конструкции Гленна Кёртисса. По инициативе черноморских авиаторов начались практические работы по оценке возможности базирования самолётов на кораблях⁹.

Как известно, в стратегических планах вооружённых сил России на случай войны с Германией ключевая роль в обороне столицы Россий-

ской империи с моря отводилась действиям армии во взаимодействии с Балтийским флотом. Из-за крайней ограниченности возможностей тактической разведки на Балтийском морском театре с использованием быстроходных боевых кораблей требовалось прежде всего своевременное развёртывание эскадры надводных кораблей для боя на Центральной минно-артиллерийской позиции. Назначенный начальником Службы связи в штаб начальника действующего флота Балтийского моря приказом по морскому ведомству № 1 от 3 января 1911 года капитан 2 ранга А.И. Непенин предпринимал большие усилия для создания эффективной сети наблюдательных постов, максимально приближенных к объектам наблюдения.

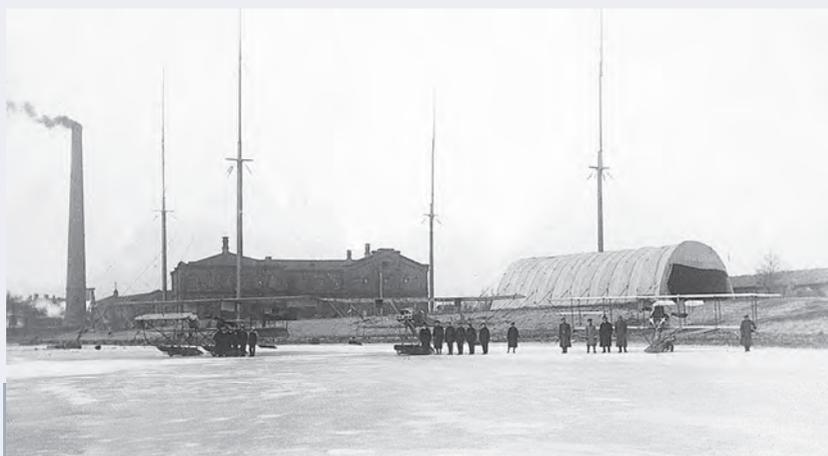
Летом 1911 года слушатель дополнительного курса военно-морского отдела Николаевской Морской академии старший лейтенант Борис Петрович Дудоров¹⁰ получил задание Морского генерального штаба обследовать состояние Службы связи Балтийского моря и высказать свои соображения о проекте её реорганизации.

Прохладно встреченный капитаном 2 ранга А.И. Непениным, посчитавшим присланного ему «академика» неким ревизором, Б.П. Дудоров начал практическое знакомство со Службой связи, рассматривая возможность увеличения эффективности решения её задач с использованием средств авиации.

В апреле 1912 года Б.П. Дудоров, с серебряной медалью окончивший дополнительный курс Морской академии, ста-

Учебное авиационное судно «Орлица» после переоборудования. Петроградский военный порт. Командовал «Орлицей» с июля 1915 по май 1916 г. начальник Воздушного района Службы связи Балтийского моря капитан 2 ранга Б.П. Дудоров

Опытная авиационная станция
в Гребном порту Санкт-Петербурга
Зима 1912/13 г.

новится исполнителем особого поручения Морского генерального штаба. Летом того же года, уже в чине капитана 2 ранга, для ознакомления с состоянием авиационного дела его командируют в Европу. По возвращении из Франции и Англии Б.П. Дудоров назначается председателем комиссии «для обсуждения и разрешения всех технических вопросов по авиации Балтийского моря».

Ранее по приказанию командующего Морскими силами Балтийского моря Б.П. Дудоров составил «Докладную записку о стратегическом значении авиации на Балтийском театре в связи с оперативными задачами Балтийского флота, о задачах, кои могут быть возложены на авиацию в зависимости от состояния современной авиационной техники, о вытекающем отсюда плане развития авиации на ближайшее время и о внутреннем ее сложении»¹¹.

Исходным положением этого документа было свойство нового оружия — только что появившегося гидроаэроплана, настолько мало изученного с тактической и с технической стороны, что ему ещё нигде не отводилось подобающее такому виду оружия место. Исходя

из того, что для развития новой техники следует ставить конкретные и достижимые цели, они формулировались как «расширение горизонта видимости береговых наблюдательных постов в наиболее важных стратегических зонах». Отсюда следовало создание для гидроавиации береговых опорных пунктов.

Особого внимания заслуживает предложенный Б.П. Дудоровым коллегиальный орган — авиационный комитет, ответственный за проведение технической политики, выработку технических требований к авиационной технике, определение необходимых объёмов и закупок летательных аппаратов, вооружения, приборов и специальных материалов. Борис Петрович определял авиационный комитет как «компетентный и наиболее заинтересованный в правильном решении всех технических вопросов авиации орган, обладающий при том большим моральным весом в глазах летчиков и наиболее полно отражающий их мнение как лиц, своею жизнью расплачивающихся за технические ошибки»¹².

Б.П. Дудоров предлагал создать авиационные станции трёх разрядов, которые

по географическим условиям объединялись в «воздушные районы».

Станция 1-го разряда, на которую базируются один или несколько отрядов, состоящих каждый из шести-семи летательных аппаратов, должна иметь стационарные ангары, склады, метео- и радиостанции, помещения для личного состава. Для временного базирования отряда или нескольких гидроаэропланов служит авиационная станция 2-го разряда. Станция 3-го разряда — запасной пункт базирования с минимально необходимым оборудованием. Авиационным станциям придавались посыльные суда и моторные катера.

Станцией 1-го разряда на Балтике должна была стать расположенная на побережье Курляндии Либава, на Чёрном море — Севастополь. Ещё одну станцию 1-го разряда запланировали на западном берегу острова Эзель, на полуострове Папенгольм близ местечка Кильконд. Станции 2-го разряда предполагалось построить в Люзерорте и на острове Оденсхольм, однако из-за недостатка времени и отсутствия гидроаэропланов от их строительства впоследствии отказались. Станцией 3-го разряда определили Ревель¹³.

Сформулированные в виде доклада предложения по созданию морской авиации, автором которых являлся капитан 2 ранга Б.П. Дудоров, начальник Морского генерального штаба вице-адмирал А.А. Ливен представил на рассмотрение морского министра 4 мая 1912 года.

Через две недели, 18 мая, адмирал И.К. Григорович подписал приказ № 127 «Об организации воздухоплавания на Балтийском море». На основании этого приказа во второй половине июля в Санкт-Петербурге началось формиро-

вание Опытной авиационной станции морского ведомства¹⁴. Финансовые средства были отпущены по смете Морского министерства на 1913 год.

Усилиями нескольких офицеров флота на Гутуевском острове и в Гребном порту Санкт-Петербурга предпринимались попытки решения задачи заблаговременного предупреждения о приближении к Финскому заливу сил вторжения противника. Для этого требовались летательные аппараты тяжелее воздуха с такими качествами и техническими характеристиками, которые ещё не были достигнуты передовыми зарубежными авиационными фирмами.

Понимая ничтожную вероятность скорого приобретения нужных гидроаэропланов даже в случае их создания в Европе или в Северной Америке в ближайшее время, не имея в своём распоряжении финансовых средств и других инструментов влияния на отечественных авиастроителей, для проверки осуществимости замысла приходилось идти на риск. Основанием для уверенности Б.П. Дудорова в возможности импортозамещения послужило его знакомство с молодым, но уже известным авиастроителем 22-летним Игорем Сикорским. Дудорову же для составления заданий на проектирование морских самолётов и наблюдения за их постройкой был необходим опытный авиационный инженер, хорошо знакомый со спецификой военно-морского дела. Таких специалистов в России в то время практически не было. По представлению Дудорова морской министр дал согласие на привлечение И.И. Сикорского к службе с приведением его к присяге¹⁵.

К концу 1912 года написанный Б.П. Дудоровым проект

«Положения об авиации и воздухоплавании в Службе связи морей» был представлен в Адмиралтейств-совет и одобрен 22 декабря¹⁶. Морской министр утвердил «Положение...» 19 февраля 1913 года, обратившись в Государственную думу за разрешением отпуска средств на сооружение авиационных станций¹⁷.

Приказ о формировании авиационных частей при Службе связи Балтийского моря вышел 18 мая 1913 года¹⁸.

Поскольку уже созданные на флотах авиационные отряды включили в состав Службы связи, это потребовало дополнительных средств на содержание. Из-за возражений Министерства финансов и Государственного контроля по поводу предлагавшегося увеличения ассигнований на содержание Службы связи морей законодательное утверждение проекта затянулось на два года.

В 1914 году Морское министерство вышло в законодательные учреждения с новыми законопроектами «Об отпуске средств на устройство авиационных станций», «Об отпуске средств на расходы по устрой-

ству и содержанию Службы связи и авиации Морского ведомства», а взамен проекта «Положения о Службе связи» от 12 августа 1912 года на утверждение вносились новые документы — «Положение о Службе связи» и «Положение о службе авиации в Службе связи».

В направленном Морским министерством в Государственную думу 8 марта 1914 года секретном «представлении № 84» пояснялось:

«Служба авиации имеет целью наблюдение за морем и несение разведочной и сторожевой службы за пределами круга действия береговых постов, а также борьбу с воздушной разведкой противника. Значение авиации для чисто боевых целей, т.е. прямого нападения на противника посредством метания взрывчатых снарядов или стрельбы, в настоящее время не настолько еще выяснено на опыте, чтобы ставить эти действия в прямую обязанность авиационных частей, и потому в проект Положения введено лишь общее указание, что Служба авиации, помимо исполнения вышеперечисленных обязанностей, может быть

Начальник Воздушного района Службы связи Балтийского моря капитан 2 ранга Б.П. Дудоров (слева), морские лётчики старшие лейтенанты Б.А. Щербачёв и С.А. Лишин
Июль 1915 г.

употребима и для активных боевых действий.

Служба авиации состоит из летательных аппаратов, соединенных в отряды, и береговых учреждений, обслуживающих эти отряды. Учреждениями Службы авиации являются станции I разряда, на коих постоянно помещаются авиационные отряды, и станции II разряда, служащие лишь для временного пребывания этих отрядов. <...>

Общее руководство авиацией сосредотачивается в Морском Генеральном штабе, в каждом же море — возлагается на командующего Морскими силами. Управление Службой авиации в каждом море вменяется в обязанность начальника Службы связи этого моря»¹⁹.

Поскольку Государственная дума не спешила с одобрением направленного ей представления, 18 апреля морской

министр обратился к председателю Думы М.Б. Родзянко с просьбой о рассмотрении законопроекта в срочном порядке²⁰. Обращение возымело действие — на заседание комиссии Государственной думы по военным и морским делам 23 апреля пригласили временно исполнявшего должность начальника Морского генерального штаба капитана 1 ранга Д.В. Ненюкова и разработчика всех организационных документов будущей морской авиации — начальника Воздушного района Службы связи Балтийского моря капитана 2 ранга Б.П. Дудорова.

Император Николай II утвердил законопроект 23 июля 1914 года, и лишь после этого на Балтийском и Черноморском флотах приступили к строительству авиационных станций. «Положение о службе авиации в Службе связи» было

объявлено приказом по флоту и морскому ведомству № 269 от 16 августа 1914 года.

Дальнейшая служба Б.П. Дудорова на Балтийском флоте, связанная с непосредственным руководством созданием, техническим оснащением, повседневной деятельностью, боевой подготовкой и командованием авиационными подразделениями в течение всего периода боевых действий, заслуживает отдельного исследования²¹.

Бориса Петровича Дудорова, деятельность которого накануне и во время Первой мировой войны долгие годы оставалась в России неизвестной, единственного среди дореволюционных морских авиаторов контр-адмирала, человека чрезвычайно скромного в оценке его собственной роли, следует признать организатором отечественной морской авиации как рода сил флота.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Григорьев А.Б. Альбатросы: из истории гидроавиации. М.: Машиностроение, 1989; Артемьев А.М. Морская авиация России. М.: Военное издательство, 1996.

² Вабищевич Г.Э. Отдел Воздушного флота: у истоков морской авиации и всей военной авиации России. 1910—1917 годы // Легенды и мифы авиации. Вып. 8. М., 2017. С. 3—46.

³ Герасимов В.Л. Отечественная морская авиация начиналась с аэроплана «Антуанетт» // Военно-исторический журнал. 2007. № 10. С. 46—49; Летопись Российского флота от зарождения мореходства в древнерусском государстве до начала XXI века. Т. 2. 1901—1945. СПб.: Наука, 2012. С. 94.

⁴ Герасимов В.Л. «Наш противник как в воздухе, так и на море ещё более активен...»: у истоков отечественной морской авиации стоял контр-адмирал Б.П. Дудоров // Военно-исторический журнал. 2002. № 7. С. 7—13.

⁵ Глуценко А.А. Роль и место радиосвязи в модернизации России (1900—1917). СПб.: ВМИРЭ, 2002. С. 542—626.

⁶ По докладу российского Морского генерального штаба, состояние морской авиации и воздухоплавания ведущих морских держав на начало 1913 г. характеризовалось следующим. Французский флот располагал 24 лётчиками, таким же количеством аэропланов и двумя авиационными станциями. При морском генеральном штабе Франции функционировал воздухоплавательный отдел во главе с капитаном 1 ранга, а технической частью заведовал командир «воздухоплавательного корабля» «Foudre». Военный флот Германии к 1913 г. располагал двумя дирижаблями с эллингами для каждого, 50 аэропланами, 60 лётчиками и тремя авиационными станциями. Организационное и оперативное руководство авиацией и воздухоплаванием было сосредоточено в имперском морском генеральном штабе, техническими и хозяйственными вопросами занимался департамент военно-морских верфей. Бюджет на воздухоплавание с 1912 г. был увеличен втрое (с 10 до 31 млн марок), разрабатывалась пятилетняя программа развития

авиации. Общие расходы оценивались в 44 млн марок, в том числе 35 млн — на дирижабли и 9 млн — на гидроавиацию. Королевский флот Англии имел три дирижабля с одним эллингом, 45 аэропланов, 298 лётчиков и 11 авиационных станций. Бюджет на 1913 г. составлял 500 тыс. фунтов стерлингов, общее руководство осуществлял Воздухоплавательный департамент Адмиралтейства (Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 1401. Л. 6—9 об.).

⁷ Начальник Службы связи Чёрного моря капитан 2 ранга В.Н. Кедрин 25 марта 1911 г. подал командующему Морскими силами Чёрного моря рапорт с предложением сформировать в Службе связи «для ведения морской разведки вне видимости береговых наблюдательных постов» авиационное отделение, подразделение под этим воинское подразделение из трёх лётчиков, трёх гидроаэропланов и необходимого для их обслуживания количества нижних чинов, прикомандированное к определённому району наблюдения. К рапорту прилагались

проект положения о «команде военно-морских лётчиков» и смета на содержание двух авиационных отделений (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 726). Подготовленные В.Н. Кедринным документы уже 6 апреля были доложены морскому министру, которым двумя неделями раньше стал произведённый в адмиралы И.К. Григорович.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 11.

⁹ Александров А.О. Гидроаэропланы Кертисса на Чёрном море // Цитадель. 1995. № 1. С. 78—99.

¹⁰ **Борис Петрович Дудоров** (29 июля 1882 — 11 октября 1965) окончил Морской корпус в 1902 г. Служил вахтенным начальником, младшим штурманским офицером крейсера «Диана». В Порт-Артуре плавал на миноносце «Боевой», затем — флаг-офицер начальника отряда миноносцев, начальника минной обороны Порт-Артура. Исполнял обязанности командира строившейся подводной лодки. За минную постановку в занятой японцами бухте Луиза, следствием которой стала гибель броненосца береговой обороны «Сай-Иен», произведён в лейтенанты и награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантами. После сдачи Порт-Артура находился в плену, вернулся в Россию весной 1906 г. До 1909 г. служил на линейном корабле «Слава». Старший лейтенант (апрель 1910). После окончания с отличием Морской академии в 1912 г. — начальник Восточного района наблюдательных постов и станций Балтийского моря. В 1914 г. — начальник Воздушного района Службы связи Балтийского моря, с началом Первой мировой войны руководил боевой работой морской

авиации и обороной о. Эзель, где находился его штаб.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1451. Л. 21—34.

¹² Там же. Л. 26.

¹³ Во время Первой мировой войны в Ревеле развернулось строительство комплекса сооружений для базирования гидроаэропланов дальнего действия, которое было завершено к моменту оставления города и военно-морской базы русскими войсками. Российской флоту не удалось воспользоваться плодами своих трудов — такая возможность в ходе обеих мировых войн предоставилась противнику. Комплекс сооружений сохранился в Таллине до настоящего времени, используется в качестве морского музея.

¹⁴ Руководителем Опытной авиационной станции был назначен инженер-механик флота капитан Д.В. Александров, ранее прикомандированный к Офицерской авиационной школе и после обучения во Франции в 1911 г. получивший диплом авиатора. Авиационное подразделение, учреждённое приказом командующего Морскими силами Балтийского моря № 709 от 6 сентября 1912 г., первоначально использовалось для обучения окончивших Офицерскую школу лётчиков пилотированию гидроаэропланов.

¹⁵ Контракт с И.И. Сикорским «по вольному найму» был заключён 19 июня 1912 г. сроком на полгода. Когда в июле 1913 г. истёк срок уже годового контракта, Сикорскому предложили увеличенное до 500 рублей в месяц жалование, но авиаконструктор отказался. Впоследствии обязанности специалиста по авиа-

ции при Морском генеральном штабе исполнял корабельный инженер П.А. Шишков.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 736. Оп. 1. Д. 145.

¹⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 293. Л. 3.

¹⁸ К декабрю 1913 г. Служба наблюдения и связи Балтийского моря включала три района (пять отделений), 31 береговую радиостанцию, 25 наблюдательных постов, две ремонтные партии, четыре посыльных судна, ледокол и 18 моторных катеров. Личный состав — 30 офицеров, 40 кондукторов и 693 рядовых.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 328. Л. 71, 71об., 72. (Впервые опубликовано в работе А.А. Глушченко).

²⁰ Там же. Л. 66.

²¹ С 17 декабря 1916 г. капитан 1 ранга Б.П. Дудоров — начальник воздушной дивизии Балтийского моря. После падения монархии в России согласился принять должность первого помощника морского министра, но из-за конфликта с командовавшим Балтийским флотом контр-адмиралом Д.Н. Вердеревским, обнаружившим отданный Б.П. Дудоровым от имени министра секретный боевой приказ подводным лодкам топить любое судно, выходящее из Гельсингфорса в Петроград на помощь большевикам, подал рапорт об отчислении от должности. Произведён в контр-адмиралы (3 сентября 1917 г.) и назначен военно-морским агентом в Японию. После октября 1917 г. пренебрёг приказом Ф.Ф. Раскольникова вернуться в Россию и активно помогал Белому движению. После закрытия русского посольства в Токио до 1923 г. оставался в Японии, затем переехал в США. Скончался в Пало-Алто (Калифорния) 11 октября 1965 г.

D.Ya. Litinsky, Yu.V. Slesarev, M.Yu. Garshin

«AVIATION SERVICE... CAN ALSO BE USED FOR ACTIVE COMBAT OPERATIONS»

The Role of Captain 2nd Rank B.P. Dudorov in the Creation of Domestic Naval Air Force

Information about authors. Dmitry Litinsky — research scientist at the Military Educational and Scientific Center of the Navy Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N. G. Kuznetsov (St. Petersburg. E-mail: vunc-vmf-3fil@mil.ru);

Yuriy Slesarev — senior researcher fellow at the Military Educational and Scientific Center of the Navy Naval Academy, Cand. Sc. (Hist.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: vunc-vmf-3fil@mil.ru);

Maksim Garshin — chief researcher fellow at the Military Educational and Scientific Center of the Navy Naval Academy, captain 1st rank, Cand. Sc. (Tech.) (St. Petersburg. E-mail: vunc-vmf-3fil@mil.ru).

Summary. The paper attempts to consider the process of creating naval air force in Russia as a part of the reconnaissance and communications industry of the fleets and to evaluate the previously unmarked contribution of Captain 2nd Rank B.P. Dudorov to the formation of a new type of fleet forces by the beginning of World War I, based on the study of organizational documents developed by him at the Naval General Staff in 1912—1914. The draft of Regulations on Aviation and Aeronautics in the Communications Branch of the Seas written by B.P. Dudorov was approved by the Admiralty Board on December 22, 1912. Due to the objections of the Ministry of Finance and State Control and the sluggishness of the State Duma, the Emperor Nicholas II did not approve the corresponding bill until July 1914. Upon Dudorov's presentation, the naval minister agreed to engage the 22-year-old aircraft designer I.I. Sikorsky, to solve the problem of import substitution inter alia.

Keywords: First World War; Russian Naval Ministry; Naval General Staff; naval air force; Baltic Fleet; Communications Branch; I.I. Sikorsky; B.P. Dudorov.

«ЭТИ ОРУДИЯ ПРИ ШТУРМЕ ВАРШАВЫ БЫЛИ ОТНЯТЫ ОХОТНИКАМИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА»

Артиллерийские орудия Спасо-Преображенского собора всей гвардии:
апокрифы и легенды

Сведения об авторе. Громов Андрей Владимирович — старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ и ВС) (Санкт-Петербург. E-mail: artillery@yandex.ru).

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы атрибуции трофейных турецких и польских пушек, принадлежащих Спасо-Преображенскому собору всей гвардии в Санкт-Петербурге. Помимо атрибуции и описания самих орудий собора, в т.ч. из его ограды, автор рассматривает также сложившиеся в отечественной историографии мифы вокруг истории самого собора и хранящихся в нём уникальных артиллерийских реликвий. Как показало исследование, в ограде вокруг собора стоят орудия лишь четырёх турецких султанов. Ещё два орудия вообще не подписаны. Участие многих орудий в Чесменском сражении 1770 года не подтверждается. Среди трофейной артиллерии, взятой у турок в Варне в 1828 году, было немало и «вторичных трофеев» — орудий венецианского, имперского и даже папского производства.

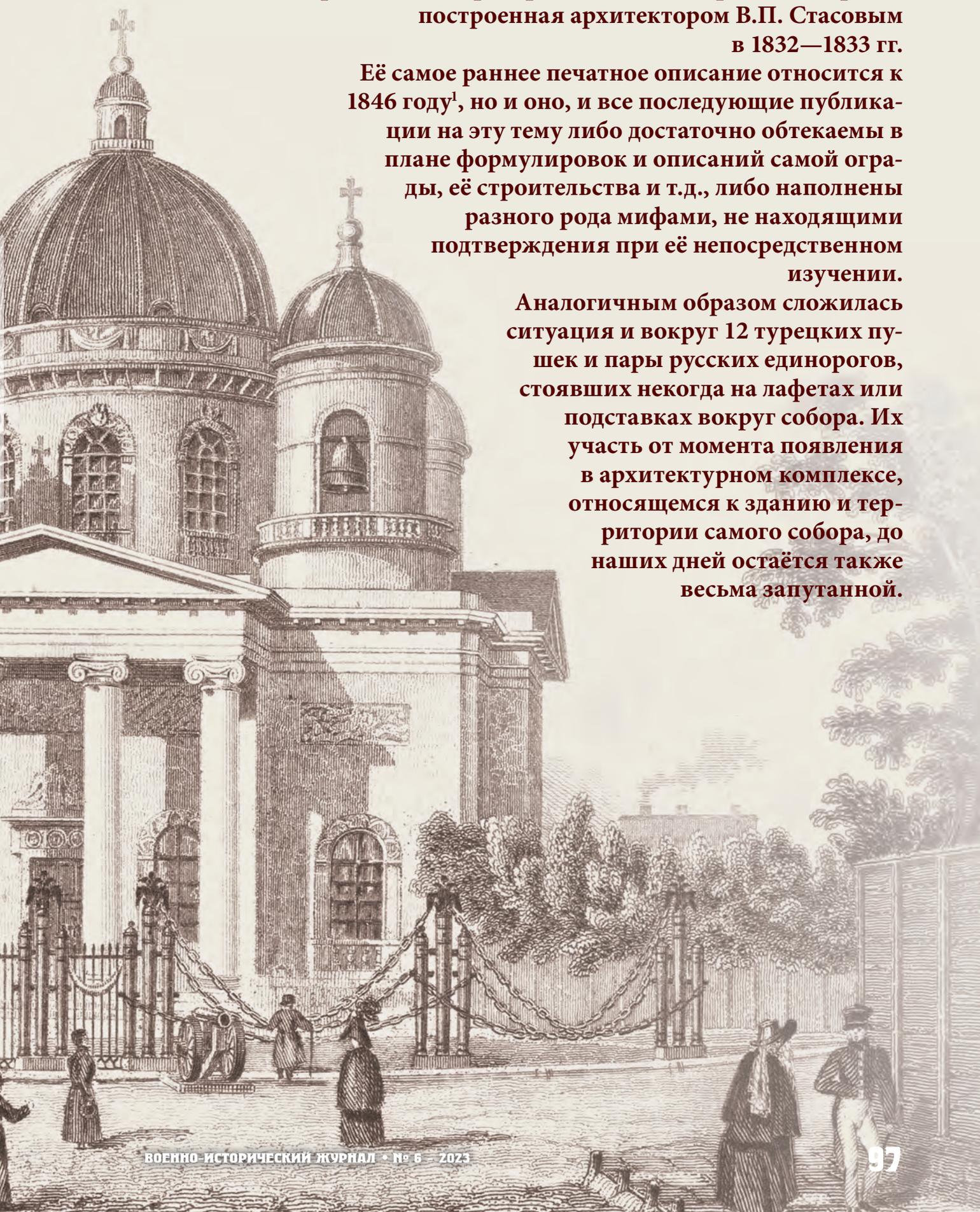
Ключевые слова: военные мемориалы; полковые храмы; памятники; трофеи; сухопутные и корабельные пушки; артиллерия; Спасо-Преображенский собор всей гвардии; Русско-турецкая война 1828–1829 гг.; транспорт «Змея»; Николай I; Санкт-Петербург; Варна; Варшава.

Одним из самых узнаваемых и вместе с тем неизученных архитектурных комплексов Санкт-Петербурга является ограда Спасо-Преображенского собора всей гвардии, построенная архитектором В.П. Стасовым в 1832—1833 гг.

Её самое раннее печатное описание относится к 1846 году¹, но и оно, и все последующие публикации на эту тему либо достаточно обтекаемы в плане формулировок и описаний самой ограды, её строительства и т.д., либо наполнены разного рода мифами, не находящими подтверждения при её непосредственном изучении.

Аналогичным образом сложилась ситуация и вокруг 12 турецких пушек и пары русских единорогов, стоявших некогда на лафетах или подставках вокруг собора. Их участь от момента появления в архитектурном комплексе, относящемся к зданию и территории самого собора, до наших дней остаётся также весьма запутанной.

Более-менее полные описания и ограды, и прочих имеющихся при храме орудий, относятся только ко второй половине XIX века. Среди них можно выделить описание, приведённое в издании «Вестник военного духовенства» за 1901 год²:

«Площадь собора, по Высочайше утвержденному плану архитектора Стасова, засажена деревьями и обнесена кругом эллипсовидною оградой, украшенною турецкими медными орудиями, поставленными стоймя, дулом вниз, по три орудия; среднее из них имеет наверху золоченого двуглавого орла с короною. Группы из сих орудий соединены между собою цепями. Орудия эти взяты в войну с турками 1828 и 1829 года, из крепостей Варны и других. В ограду ведут трое чугунных решетчатых ворот; на главных

из них — западных поставлен золоченый крест, имеющий пьедесталом полумесяц. В самые же ворота вделаны, в виде щитов, два бронзовые изображения медали с надписью: “За турецкую войну 1828 и 1829 годовъ”. Кроме сего, кругом стен самого собора поставлены, на чугунных лафетах, 12 орудий, взятых из тех же крепостей, и пожалованных Императором Николаем 1-м Польше с тем, чтобы они поставлены были в основание монумента, который предполагено было воздвигнуть польскому королю Владиславу, погибшему с войском под Варною. Но так как поляки во время мятежа 1831 г. действовали этими орудиями против русских войск, а наши гвардейцы, при взятии Вольских укреплений в Польше, отняли эти орудия, то Император Николай I всемилостивейше соизволил пода-

рить последние гвардейским войскам и повелел поставить оные вокруг Преображенского собора. Кроме этих орудий, за оградой, по ту и другую сторону главных ворот, поставлены еще два единорога также на чугунных лафетах. Эти последние орудия, отнятые поляками у русских еще в царствование Екатерины II, также употреблены ими против русских, во время мятежа 1831 г., но при штурме Варшавы были отняты обратно охотниками Преображенского полка и составляют собственность последнего»³.

То же число орудий (12 шт.) и единорогов (2 шт.), пожалованных Николаем I гвардейскому корпусу и в т.ч. лейб-гвардии Преображенскому полку, упоминает и полковая история преображенцев. Там же приводится и приказ от 16(28) октября 1831 года

**Ограда Спасо-Преображенского собора
всей гвардии**
Современный вид

графа И.Ф. Паскевича-Эриванского о даровании полку этих пушек⁴.

Все остальные, более поздние описания добавляют к этому как реальные исторические детали, относящиеся к установке ограда и дополнительных пушек вокруг собора, так и привносят в этот вопрос многочисленные неточности. В особенности это относится к современным исследованиям и публикациям в разного рода архитектурных справочниках, краеведческой литературе по Санкт-Петербургу, в современных церковных изданиях и т.д.

К примеру, в справочнике Б.К. Пукинского «1000 вопросов и ответов о Ленинграде» говорится следующее:

«В 1829—1832 годах вокруг собора, по замыслу Стасова, создана весьма оригинальная ограда. Для её устройства были использованы 102

бронзовых ствола трофейных турецких пушек, захваченных русскими солдатами при штурме крепости Тульчи, Исакчи, Варны, Силистрии, а также при сражении под Кулевчи во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Это 3, 4, 6, 12, 18 и 24-фунтовые сухопутные и корабельные пушки. Отлитые в конце XVIII — начале XIX столетия, пушки заряжались с дула и находились на вооружении полковой и осадной артиллерии, а также крепостей. Стрельба из таких орудий велась с деревянных лафетов чугунными ядрами или картечью. На стволах и поныне

сохранились вычеканенные гербы Османской империи⁵, а на некоторых пушках — данные им имена: “Гнев аллаха”, “Священный полумесяц”, “Гром извергающий”, “Дарю лишь смерть” и т. д.»⁶.

Исследователи Н.И. Баторевич и Т.Д. Кожицева добавляют к этим подробностям также то, что в ограде были поставлены и орудия, некогда взятые русским флотом в сражении при Чесме⁷ (24—26 июня (5—7 июля) 1770 г.), хотя в действительности последнее не доказано и не вполне достоверно. Орудия, по их данным, были доставлены в Санкт-Петербург в феврале

«Золочённый крест в сиянии, потирающий полумесяц, символизирует победоносное для России окончание войны»

Единогор Преображенского собора
ВИМАИВ и ВС (МЧА 010/84)

1883 года⁸ из Измаила и Одессы. Там же уточнено и устройство самой ограды:

«На 34 основаниях в виде параллелепипедов из красного гранита высотой 53 см, соединённых между собой невысокой железной решёткой высотой около 80 см, установлено по три пушки дулом вниз. Средние, более высокие, орудия увенчаны двуглавыми коронованными орлами, выполненными из листовой меди. Сложно переплетаясь, ниспускающиеся железные цепи соединяют группы орудий. Напротив портика расположены решётчатые чугунные ворота. Золочёный крест в сиянии, подпирающий полумесяц, символизирует победоносное для России окончание войны. Сами ворота украшены двумя щитами, на которых воспроизведены отлитые из бронзы изображения медалей за войну с Турцией. Так выглядела прекрасная ограда храма Преображения (цв. вкл. 38)»⁹.

Наконец, там же упомянуты 12 пушек на лафетах и 2 русских единорога перед воротами¹⁰, насчёт которых в других источниках сказано, что:

1) к 1901 году они стояли уже на чугунных лафетах¹¹ (вполне возможно, что до того

они были аутентичными деревянными);

2) орудия эти были впоследствии убраны от собора (не ранее 1932 г.)¹²;

3) орудия, поставленные во дворе собора (кроме единорогов), были турецкими, привезёнными по приказу Николая I из крепости Варна. Их подарили в 1829 году Варшаве для памятника польскому королю Владиславу III (убит под стенами Варны в 1444 г. в бою с турками), но в 1831 году они были отбиты снова — во время польского мятежа¹³;

4) не менее половины этих орудий перед Великой Отечественной войной (в 1930-е гг.) были ещё на месте.

Поэтому весьма неожиданными и неоправданными выглядят утверждения современных отечественных исследователей о том, что орудия, отвоёванные русской армией в крепости Варна и вновь отобранные затем в Варшаве в 1831 году, были... польскими!

В своей статье «России верные сыны», посвящённой в том числе Польскому восстанию 1830—1831 гг., исследователь В.Е. Чуров так описывает вооружение верков мятежной Варшавской крепости:

«Кроме полевых орудий, на валы дополнительно устано-

вили от 132 до 200 — оказалось, что никто точно не считал, — крепостных пушек, в том числе 33 чугунные. Среди них были взятые в прусских крепостях Наполеоном, хранившиеся с 1807 года, подаренные Варшаве Николаем I большие польские пушки, отнятые в прошлые войны турками у поляков и взятые русскими в последнюю войну у турок в Варне, французские и русские орудия.

Согласно исследованиям современного нам польского военного историка Томаша Стржежека оборона Варшавы на левом берегу Вислы располагала 98 полевыми орудиями и 6 ракетными станками, из которых 8 полевых пушек 4-й батарейной роты пешей артиллерии и 4 пушки конной артиллерии Чижевского разместили в укреплениях, дополнив стоявшие на валах 130 орудий и 15 ракетных станков. Всего было 228 орудий и 21 ракетный станок, которые обслуживали 4554 армейских артиллериста и около 200 добровольцев Народной гвардии»¹⁴.

Однако следует пояснить, что в действительности все пушки, подаренные императором Николаем I в 1828 году Варшаве, до неё попросту не

Фрагмент ограды собора с пушками у стены
1862 г.

доехали! И не доехали потому, что транспорт Черноморского флота «Змея», на котором они и были отправлены из крепости Варна на перевалочные склады в Одессе и Севастополе, затонул у турецкого берега 27/28 октября (9/10 ноября) 1828 года в ходе шторма¹⁵.

При этом ещё один современный исследователь капитан 1 ранга В.В. Шигин также продолжает считать эти пушки польскими! Без всякой ссылки на какие-либо источники он сообщает об этом следующее:

«В течение суток на “Змею” были погружены 40 тысяч турецких пистолетов и ятаганов, а также 14 трофейных орудий; 12 из них, имевшие на стволах старинные польские королевские гербы, были определены для последующей доставки в Варшаву и украшения фасада дворца генерал-губернатора. Ещё две пушки были особые, наградные. Первая из них была высочайше пожалована за совершённые подвиги генерал-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому, а вторая — генерал-губернатору Новороссии графу Воронцову. Помимо этого на транспорт были погружены раненые — 17 офицеров и полторы сотни солдат для скорейшей их доставки в Одессу, а также почта»¹⁶.

И так как транспорт «Змея» затонул на траверзе турецкого мыса Инада 27 октября (9 ноября) 1828 года, было совершенно неясно, какие именно пушки были захвачены русской армией в ходе штурма Варшавы и впоследствии установлены внутри огады Спасо-Преображенского собора в Санкт-Петербурге.

Так, например, из сохранившихся архивных документов Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), относящихся к

гибели этого транспорта (и соответственно, его груза) у берегов Турции, следует: пушки являлись турецкими 4-фунтовыми (а не польскими!), все они были с турецкими же (польскими) лафетами и, наконец, никаких русских единорогов среди них не было.

Соответственно, те орудия, что стояли вокруг собора и у ворот начиная с 1831 года, должны были поступить позднее и, вероятнее всего, уже не прямым путём — например, через Киевский арсенал или иные аналогичные

выше), то сообщения отдельных дореволюционных историков об их польском происхождении можно было бы считать априори недостоверными. При этом также не было обнаружено никаких документов морского ведомства в пользу того, что какие-либо орудия доставлялись морем из Варны повторно для той же цели. И, соответственно, пушки, отбитые русской армией у поляков во время штурма Варшавы 25–26 августа (6–7 сентября) 1831 года, попали в Польшу другим путём.

Так как транспорт «Змея» затонул на траверзе турецкого мыса Инада 27 октября (9 ноября) 1828 года, было совершенно неясно, какие именно пушки были захвачены русской армией в ходе штурма Варшавы

учреждения, относившиеся в том числе к сухопутному, а не к морскому ведомству.

Таким образом, можно видеть, что вокруг пушек огады собора, как и орудий, украшавших некогда его внутренний двор, накопился уже набор многочисленных вполне устоявшихся мифов, которые перекочёвывают теперь из печатных изданий XIX — начала XX века в современные публикации, в т.ч. в Интернет.

Орудия, стоявшие у собора

Исследование пушек (польских или турецких), стоявших непосредственно у стен самого собора, оказалось долгим и трудным.

Поскольку первые орудия, подаренные Николаем I Варшаве и до неё не доехавшие, были определённ отлиты в Турции, а не в Польше (см.

Однако где они были в итоге отлиты — не совсем ясно. Так, в документах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), посвящённых возвращению пруссаками России польских орудий, вывезенных польским корпусом Ромарино на территорию Пруссии¹⁷, из 95 орудий значатся только 2 «польских» (3- и 6-фунтовые), 3 «пруссских» (все 3-фунтовые) и 3 «3-фун. турецких медных»¹⁸.

Все остальные орудия в этих списках отмечены повсюду как «русские», ибо вся артиллерия Царства Польского (кроме малого количества прусских и французских орудий, оставшихся на складах ещё с эпохи Наполеоновских войн) была отлита исключительно на российских заводах и, соответственно, с российскими клеймами¹⁹.

А это значит, что и в Варшаве на момент штурма также должно было находиться некоторое количество трофейных турецких пушек разных калибров. Хотя не все из них могли использоваться повстанцами как боевое реально действующее оружие. Всё дело в том, что калибр османских пушек не вполне совпадал с диаметром русских ядер. По замечанию артиллеристов, изучавших время от времени взятую у противника артиллерию, только 3-фунтовые и 12-фунтовые калибры турецких пушек «так близко подходят к собственным калибрам нашей артиллерии, что эти орудия могут стрелять нашими снарядами». Однако гаубицы и единороги турецкой артиллерии «не

могут быть употреблены для стрельбы нашими снарядами, имея соответственные калибры менее наших»²⁰.

Поэтому не выглядит удивительным, что некоторые из турецких орудий, не подошедшие по калибру для русских (и польских) ядер, были в реальности не задействованы в бою, а оставались, как утверждает, например, В.В. Шигин, около «дворца генерал-губернатора» (а точнее, наместника Царства Польского)²¹. Все остальные — лёгкие 3-фунтовые, годные для применения по калибру, — и были, судя по всему, вывезены корпусом Ромарино в Пруссию.

Однако если все оставшиеся в Варшаве орудия были польскими (даже с гипотетическими надписями на

турецком на их стволах), то даже по документам РГВИА их вычислить не удастся. Они так и будут числиться в ведомостях как «польские» с указаниями калибров. Но в таком случае получается, что никаких приемлемых объяснений наличия в корпусе Ромарино турецких пушек не существует! Армия Царства Польского, как известно, по настоянию великого князя Константина Павловича не привлекалась к военным действиям в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг. И, соответственно, заполучить эти пушки другим путём полякам было бы просто негде.

Неразберихи в этот вопрос добавляло и замечательное исследование Ф. фон Шмидта, посвящённое польским собы-

Буря

Художник И.К. Айвазовский, 1872 г.

тиям 1830—1831 гг., изданное в Берлине в 1833—1839 гг. Вероятнее всего, именно у него почерпнули версию о «старинных польских» орудиях все последующие исследователи. Вот что он пишет:

«Кроме нескольких вновь отлитых пушек, на польских укреплениях можно было видеть множество прусских орудий, которые со времени несчастной для Пруссак войны 1806—1807 годов хранились в польских арсеналах; наконец, тут же находились и большие турецкие или, вернее говоря, польские орудия, отнятые Турками у Поляков в прежние войны и по взятии Варны подаренные Императором Николаем городу Варшаве в знак братской дружбы между русскими и польски-

ми войсками; теперь город обратил их против своих же войск»²².

Учитывая то, что Фридрих фон Шмидт (он же Фёдор Иванович Смит) в 1830 году состоял при главной квартире армии, отправленной в Польшу, и исправлял должность редактора известий о действиях русских войск для заграничных газет, он, скорее всего, мог лично видеть трофеи, взятые в городе. Поэтому что же именно было в итоге поставлено во дворе Спасо-Преображенского собора в Санкт-Петербурге, довольно долго было не выяснено.

Так, например, среди трофейной артиллерии, взятой у турок в Варне в 1829 году, было немало и так называемых вторичных трофеев, то

есть орудий европейского (венецанского, имперского и даже папского) производства. Одно из таких орудий, датированное периодом правления австрийского императора Рудольфа II (1552—1612), доставленное как раз из Варны сначала в Одессу (1828 г.), а после — в Москву (1831 г.), находится в наши дни в фондах Оружейной палаты Московского Кремля²³.

Все эти орудия в основном помечались турецкими обозначениями калибра и веса, наносившимися поверх ствола, на казённой части. Кроме того, проставлялась и дата, обозначавшая, по-видимому, год турецкой приёмки орудия и признания его годным к службе. Поэтому неудивительно, что аналогичного

Среди трофейной артиллерии, взятой у турок в Варне в 1829 году, было немало и так называемых вторичных трофеев, то есть орудий европейского (венецанского, имперского и даже папского) производства

содержания надписи могли быть начертаны и на орудиях польского производства, если последние в самом деле имелись на вооружении бастионов Варны.

В соответствии с вышесказанным на сегодняшний день можно выделить три основные версии, к сожалению, не изжитые в отечественной историографии, посвящённой собору и его пушкам:

1. Пушки были подарены польские, и они утонули, так что повторно прислали уже турецкие. Эта версия опровергнута окончательно документами РГА ВМФ (см. выше), и на самом деле всё было ровно наоборот.

2. Пушки были турецкие, но они утонули, и тогда были отправлены уже польские (с характерными гравировками на турецком в казённой части ствола).

3. Никаких польских пушек не было вообще, они были турецкими в обоих случаях.

По-видимому, для того чтобы разрешить этот вопрос окончательно, необходимо исследование иконографических источников по собору и его пушкам. Возможно также, что фотоматериалы второй половины XIX — начала XX века позволят в конце концов пролить свет на происхождение этих орудий, а также на то, когда именно лафеты единорогов, стоявших на гранитных постаментах у главных ворот, были заменены металлическими.

Во всяком случае, на имеющихся фотографиях собора 1856 и 1860 гг.²⁴ упомянутые орудия уже стоят на литых чугунных лафетах, а детализация фото орудий вокруг собора вполне позволяет предположить, что орудия, установленные вдоль стен, были всё-таки польскими. При большем увеличении

на раритетных фотографиях Преображенского собора (XIX — начало XX в.) видны дельфины этих орудий. Но очевидно, что в османской артиллерии XVII—XIX вв. (в т.ч. в крепостной и в осадной) орудия почти всегда изготавливались без них — высверливание и последующая обточка дельфинов требовали дополнительных ухищрений при производстве и усложняли, с точки зрения турецких военных, их производственный цикл. Немногочисленные опыты с дельфинами производились только в полевой артиллерии небольших калибров и в основном как подражание европейской (главным образом — наполеоновской) артиллерии²⁵.

Наконец, участь этих орудий также на сегодняшний день остаётся невыясненной. Они, как и единороги, находившиеся по сторонам от главных ворот собора, были изъяты из собственности собора в 1931—1932 гг. и будто бы предлагались для передачи в Артиллерийский музей на Кронверке²⁶.

Орудия из ограды собора

История о том, что часть орудий собора могла быть трофеем русского флота, захваченным у неприятеля при Чесме (1770 г.), также оказывается на поверку очередной городской легендой. В действительности, как показало исследование 2019—2021 гг., в ограде вокруг собора стоят орудия лишь четырёх турецких султанов²⁷, в т.ч. Мустафы III (1757—1774), Абдул-Хамида I (1774—1789), Селима III (1789—1807) и Махмуда II (1808—1839)²⁸.

Кроме того, ещё два орудия из стоящих в ограде вообще странным образом не подписаны — на них нет ни тугры правителя, ни даты отливки.

Ещё одно орудие — 4-фунтовая крепостная пушка (по-видимому, самая архаичная по устройству и очень плохо отлитая) — может датироваться XVI—XVII вв.

Так что претендовать на роль трофеев Чесменского сражения могли бы во всей ограде только орудия Мустафы III. И хотя все они датированы 1183 годом хиджры (т.е. 1769/1770 г.), их участие в самом сражении не подтверждается документами: согласно описи орудий, предназначенных для установки в ограду собора (датирована 11(23) декабря 1830 г.)²⁹, названа каждая(!) из крепостей, из которых эти орудия были взяты.

Всего по описи подробно перечислены 22 пункта (в т.ч. несколько полевых сражений), где эти орудия были захвачены русской армией, но в документах³⁰ нигде не сказано, что к ним добавлялись трофеи более ранних русско-турецких войн, в том числе и екатерининского времени. Соответственно, даже пушки Собора всей гвардии, отлитые при султанине Мустафе III, трофеями Чесменского сражения, к сожалению, не являются.

Таким образом, ни один из расхожих мифов о пушках Спасо-Преображенского собора в Санкт-Петербурге, ратифицированных в современной историографии, не нашёл полного подтверждения. Как правило, большинство из них рассыпаются даже при первом знакомстве с архивными документами, как и с самими орудиями ограды. Но вместе с тем исследования этого архитектурного комплекса ещё весьма далеки от своего завершения, а изучение артиллерийских реликвий собора обещает массу интересных открытий.

- ¹ Исторический указатель достопамятностей Санкт-Петербурга / Составлен и издан Иваном Пушкаревым. СПб., 1846. С. 59, 60.
- ² Ливенцев Н.П. Систематический указатель статей, помещенных в Вестнике военного духовенства за 1890—1899 г. СПб., 1910; *Таранец И.* Описание Преображенского всей гвардии собора // Вестник военного духовенства. 1890. № 1. С. 52—56. — внешняя и внутренняя сторона собора; там же. № 2. С. 88—95. — трофеи и достопамятные реликвии.
- ³ *Таранец И.* Указ. соч. С. 52, 53.
- ⁴ *Чичерин А.* История Лейб-гвардии Преображенского полка. 1683—1883 г. Т. 3. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1888. С. 200, 201.
- ⁵ На самом деле — только печати (тугры) султанов. Никаких «гербов» и «имён» орудий нет в и помине!
- ⁶ *Пукинский Б.К.* 1000 вопросов и ответов о Ленинграде. Л., 1974. С. 343, 344.
- ⁷ *Баторевич Н.И., Кожицева Т.Д.* Храмы-памятники Санкт-Петербурга: во славу и память российского воинства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 247.
- ⁸ Так в тексте! Вероятно — 1833 г.
- ⁹ *Баторевич Н.И., Кожицева Т.Д.* Указ. соч. С. 247.
- ¹⁰ Там же. С. 248.
- ¹¹ *Таранец И.* Указ. соч. С. 52, 53.
- ¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 33. Д. 132. Л. 68, 137.
- ¹³ *Чичерин А.* Указ. соч. С. 200, 201; *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903. С. 252; *Шкаровский М.В.* «Преображенские дела» 1930—1931 гг. // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной академии Русской православной церкви. 2020. № 6. С. 216.
- ¹⁴ *Чуров В.Е.* России верные сыны // Русский пионер. 2013. № 8(41). Ноябрь. С. 118—134.
- ¹⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 243. Оп. 1-1. Д. 2169. Л. 12—13 об. «Рапорт господину вице-адмиралу и кавалеру Мессеру Первому командиру 3-х матчового транспорта “Змея” капитан-лейтенанта Тугаринова»; Ф. 243. Оп. 1-1. Д. 2238. «Следственное дело о крушении тр. “Змея” у местечка Инада на пути из Варны в Одессу»; Ф. 122. Оп. 1. Д. 1. «О погибшем транспорте “Змея”. 1828—1831» (52 листа).
- ¹⁶ *Шигин В.В.* Паруса, разорванные в ключья: неизвестные катастрофы русского парусного флота в XVIII—XIX вв. М.: Вече, 2008. С. 39, 40.
- ¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 503. Оп. 3. Д. 263. Переписка с V отделением Департамента и инспектором местных арсеналов о приеме в Киевский арсенал орудий, захваченных у польских повстанцев. 23 ноября 1831 — 15 марта 1833 г. (63 листа).
- ¹⁸ Там же. Л. 56 об., 57.
- ¹⁹ *Roman Łoś.* Artyleria Królestwa Polskiego, 1815—1831. Warszawa: Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1969. S. 20, 24.
- ²⁰ Сведение об артиллерии, взятой у турок, в сражении 19-го ноября 1853 года // Артиллерийский журнал. 1854. № 2. С. 118, 119.
- ²¹ *Шигин В.В.* Указ. соч. С. 39, 40.
- ²² *Smitt Friedrich von.* Geschichte des polnischen Aufstandes und Kriege in den Jahren 1830 und 1831. Vol. 3. Berlin, 1839. S. 377; русская версия — см.: *Смит Ф.* История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов / Пер. с нем. В. Квитницкий. Т. 3. СПб.: Тип. В.Спиридонова, 1863. С. 482, 483; *Комаров И.А., Зайцев И.В.* Европейская пушка с турецкой надписью из фондов Оружейной палаты Московского Кремля // Османский мир и османистика: сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910—1973). М.: ИВ РАН, 2010. С. 146, 147.
- ²³ Там же. С. 145—148.
- ²⁴ Фото собора 1860 г. См.: <https://www.flickr.com/photos/photohistorytimeline/31911494571/sizes/k>.
- ²⁵ См.: 4-фунтовое турецкое полевое орудие из собрания ВИМАИВ и ВС (МЧА 010/103) // *Громов А.В.* Артиллерийские орудия стран Востока (Турция, Персия, Средняя Азия) в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2018. С. 45, 57.
- ²⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 132. Л. 68; *Куферштейн Е.З., Борисов К.М., Рубинчик О.Е.* Улица Пестеля (Пантелеймоновская). Л., 1991. С. 77.
- ²⁷ Всего 98 пушек и 4 крепостных гаубицы калибром от 1,5 до 11 окка (т.е. от 4 до 39-фунтовых).
- ²⁸ Орудий Мустафы IV (1807—1808) в ограде собора не было выявлено.
- ²⁹ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1-1. Д. 2649. Л. 4. «Ведомость об орудиях, назначенных из завоеванных турецких крепостей для ограды Преображенского всей гвардии Собора в С.-Петербурге».
- ³⁰ Там же. Д. 2377. О выборе пушек, захваченных в Сизополе, Инаде, Мидии, для Преображенского собора в Санкт-Петербурге (14 листов); Ф. 243. Оп. 1-1. Д. 2378. О передаче пушек Преображенскому собору (110 листов); Д. 2649. О перевозке из Николаева в Петербург турецких орудий, захваченных в период Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. (110 листов) и др.

A.V. Gromov

«THESE GUNS WERE TAKEN AWAY BY THE VOLUNTEERS OF THE PREOBRAZHENSKY REGIMENT DURING THE STORMING OF WARSAW»

Artillery guns of The Cathedral of the Lord's Transfiguration of all the Guards: apocrypha and legends

Information about author. Andrey Gromov — senior associate of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Signal Corps (VIMAIV and VS) (St. Petersburg. E-mail: artillery@yandex.ru).

Summary. The paper deals with the attribution of captured Turkish and Polish guns, which belonged to the Cathedral of the Lord's Transfiguration of all the Guards in St. Petersburg. In addition to the attribution and description of the cannons of the cathedral themselves, including the ones in its fence, the author also examines the myths that have developed in domestic historiography around the history of the cathedral itself and the unique artillery relics kept in it. As the research shows, the fence around the cathedral contains the cannons of only four Turkish sultans. Two other guns are not signed at all. The participation of many guns in the Battle of Chesma in 1770 is not confirmed. Among the trophy artillery recaptured from the Turks at Varna in 1828, there were also many repeated trophies: cannons of Venetian, Imperial and even Papal manufacture.

Keywords: battle monuments; regimental churches; monuments; trophies; field and naval guns; artillery; The Cathedral of the Lord's Transfiguration of all the Guards; Russian-Turkish war of 1828—1829; sailing transport ship *Zmeya*; Nicholas I; St. Petersburg; Varna; Warsaw.

«...ЭТА СВЯЗЬ — ВЧ, — КАК ГОВОРИТСЯ, НАМ БЫЛА БОГОМ ПОСЛАНА»

К 80-летию войск правительственной связи

Сведения об авторе. Илюшин Михаил Владимирович — кандидат технических наук, доцент (Москва. E-mail: mike.ilushin@mail.ru).

Аннотация. На рубеже 1920—1930-х годов автоматизация процесса обслуживания телефонных заявок высокопоставленных абонентов совместно с применением аппаратуры высокочастотного (ВЧ) телефонирования, а также различных организационно-технических мер защиты информации подняла телефонную связь для нужд государственного управления на совершенно новый качественный уровень, приблизив её по-настоящему к специальной связи. Следующим этапом повышения конфиденциальности передававшейся по линиям ВЧ-связи информации явилось применение на них засекречивающей аппаратуры. С началом Великой Отечественной войны правительственная связь (ПС) была определена основным средством управления войсками, а её потеря — главной причиной возможных поражений. 15 февраля 1943 года в системе междугородной правительственной ВЧ-связи была организована подсистема правительственной полевой связи, материально-техническую основу которой составили войска ПС (ВПС) и фронтовые отделы. В статье сделана попытка проанализировать историко-технические аспекты создания и развития ВПС.

Ключевые слова: СССР; Кремль; телефонная связь; ВЧ-связь; аппаратура засекречивания; правительственная связь; Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; войска правительственной связи; И.Т. Пересыткин; П.Ф. Угловский; О.И. Репина; П.А. Азбукин; И.Ю. Лоренс.

В 1920-е годы развитие государства и его основных институтов, появление новых индустриальных центров, политика централизации власти потребовали своевременной, безопасной и достоверной специальной телефонной связи в интересах руководства страны. В первое время эту задачу выполняла «Кремлёвка» — выделенная сеть телефонной связи высших органов государственной власти¹. При этом телефонная связь с регионами осуществлялась по линиям междугородной связи Народного

комиссариата почт и телеграфов, для чего ручные коммутаторы («верхний» и «нижний») и автоматическая телефонная станция (АТС) Кремля были подключены соединительными линиями к Московской центральной телефонной станции. Вопросы, связанные с удовлетворением запросов на установку телефонных аппаратов (ТА) и обслуживанием сети телефонной связи Кремля, были в ведении специального подразделения — Отдела связи Всероссийского центрального исполнительного комитета.

Основными направлениями совершенствования магистральной сети телефонной связи являлись повышение эффективности использования пропускной способности, устойчивости функционирования и протяжённости существовавших линий связи.

Сеть дальней низкочастотной телефонной связи с использованием принципа частотного уплотнения к 1927 году объединяла более 50 трансляций, в т.ч. на линиях достаточно большой протяжённости (Ленинград — Харьков, Москва — Тбилиси, Москва — Магнитогорск и др.)².

Дальнейшие исследования по уплотнению линий связи одновременно велись по двум направлениям — ВЧ-телефонирование и наложение на телефонную связь дуплексного телеграфирования. В результате исследований были разработаны первые в России образцы соответству-

ющей аппаратуры. Установка ВЧ-телефонирования, разработанная Я.И. Великиным под руководством П.А. Азбукина, была введена в эксплуатацию на линии Октябрьской железной дороги Ленинград — Бологое (май 1926 г.). При этом воздушная медная цепь уплотнялась одним ВЧ-телефонным каналом³. В 1926 году под руководством В.Н. Листова была разработана установка ВЧ-связи, позволявшая организовать три телефонных канала по одной воздушной медной цепи⁴. Первая отечественная аппаратура, обеспечивавшая по каждому проводу телефонной цепи дуплексную телеграфную передачу одновременно с телефонной связью, была разработана под руководством В.И. Величутина и введена в эксплуатацию на линии Ленинград — Москва (январь 1927 г.)⁵.

Сразу после успешных опытов ВЧ-телефонирования (с 1928 г.) Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете народных комиссаров СССР приступило к строительству ведомственной сети междугородной ВЧ-связи, обособленной от телефонной сети общего пользования⁶. Функции по «обслуживанию телефонной связью высокой частоты» возложили на 4-е отделение Оперативного отдела (ОО) ОГПУ, которое в 1929 году возглавил И.Ю. Лоренс⁷. Первоначально центральную станцию ВЧ-связи разместили в основном здании ОГПУ, в доме № 2 по улице Дзержинского (позже станцию переместили на 3-й этаж дома № 12)⁸.

Выделенная сеть междугородной ВЧ-связи, изначально планировавшаяся как оперативная сеть связи в интересах ОГПУ, почти сразу после

создания стала применяться для нужд государственного управления. 1 июня 1931 года произошло её юридическое оформление: 4-е отделение в составе ОО ОГПУ, обеспечивавшее обслуживание ВЧ-связью абонентов высшего звена государственного управления, было переименовано в 5-е отделение (техническое) с теми же функциями (приказ ОГПУ № 308/183 от 10 июня 1931 г.)⁹. С того дня начался временной отсчёт

факта образования междугородной правительственной ВЧ-связи. В 1934 году отделение ПС осталось в составе ОО, но уже Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. Введение подразделений ВЧ-связи с момента их образования в структуру органов государственной безопасности было обусловлено важностью абонентов и необходимостью всю информацию о линиях

Телефонный аппарат АТС Кремля — «вертушка» (компания «Л.М. Эриксон и К°»)

Петроград, 1922 г.

Архивный фонд Музея Спецсвязи ФСО России

ВЧ-связи и проводившихся на них мероприятиях держать в строжайшей тайне.

На рубеже 1920—1930-х годов развитие междугородной правительственной телефонной связи сдерживалось невозможностью отечественной промышленности полностью удовлетворить возрастающие требования телефонной отрасли, и поэтому отдельную технику ВЧ-уплотнения приходилось закупать за рубежом, преимущественно у немецкой фирмы Telefunken¹⁰. Ситуация изменилась после 1934 года, когда специалисты завода «Красная Заря» сначала разработали, а затем освоили серийное производство 3-канальной аппаратуры ВЧ-уплотнения цветных цепей с передачей тока несущей частоты («СМТ-34», «ТВЧ-34») и без его передачи («СМТ-35», «ТВЧ-35»), обеспечив начало планомерного оснащения центральной и территориальных ВЧ-станций современной отечественной каналобразующей аппаратурой¹¹.

Разработка и применение на магистральных воздушных линиях связи аппаратуры ВЧ-телефонирования позволили поднять ПС на новый качественный уровень, приблизив её по-настоящему к специальной связи. Оборудование ВЧ-связи осуществляло перенос сигнала разговорных частот от нескольких источников (многократное телефонирование) в более высокую область частот (единицы и десятки килогерц), предотвращая тем самым прямое (без использования дополнительного оборудования) прослушивание переговоров. Применение принципа ВЧ-связи совместно с «вертушками» (телефонными аппаратами, подключёнными к правительственной АТС в Кремле или междугородной автоматике

П. А. Азбукин

типа «МА-5» и «МА-3» на других узлах ПС) считалось гарантом обеспечения конфиденциальности телефонных сообщений.

Однако никаких гарантий, кроме организационных, секретности переговоров автоматическая ВЧ-связь того времени не предоставляла в силу отсутствия технических устройств защиты информации. Речевые сигналы (РС), перенесённые в ВЧ-область и передававшиеся по воздушным линиям связи, возможно было прослушать на станциях Народного комиссариата связи (НКС), параллельных цепях, а также с помощью обычного длинноволнового радиоприёмника, расположенного на достаточном удалении от линий ВЧ-связи. Кроме агентуры иностранных спецслужб, действовавшей на территории нашей страны, техническую разведку злоумышленники активно проводили и на территории зарубежных стран, когда каналом утечки информации выступали специальные подключения к информационным цепям¹². Для исключения

возможности прослушивания переговоров, шедших по цепям ВЧ-связи, проложенным транзитом через территории зарубежных стран, такие линии стали оборудовать специальными устройствами — защитными фильтрами и генераторами шума¹³. Так зарождались методы технической защиты информации.

Исследования в области разработки шифровальной техники в 1930-х годах проводились в нескольких организациях СССР, включая завод «Красная Заря», на котором в период 1935—1936 гг. инженеры заводской лаборатории К. П. Егоров и Г. В. Старицын создали инвертор «ЕС-2» — образец первого поколения отечественных устройств автоматического засекречивания, получивших наименование «аппаратура простого засекречивания». К началу Великой Отечественной войны советской промышленностью была разработана целая серия простых («ЕС-2М», «МЕС-2М», «МЕС-2А», «МЕС-2АЖ», «ПЖ-1», «ПЖ-8М») и сложных («С-1») «секреток», обеспечивавших сравнительную конфиденциальность телефонных переговоров по проводным каналам ВЧ-связи¹⁴. Маскираторы речи — так согласно современной классификации¹⁵ называются подобные устройства, — несмотря на достаточно сложные алгоритмы преобразования исходного РС (инверсия спектра, перемешивание отдельных частотных полос с их инверсией по определённому закону, двойная модуляция с изменением второй несущей частоты по произвольному закону и пр.), защищали переговоры на короткое время при прямом прослушивании и использовании простых устройств и не защищали от специального подслушивания

посредством сложной аппаратуры, т.е. не обеспечивали гарантированную стойкость.

Вместе с тем применение аппаратуры засекречивания на линиях ВЧ-связи позволило подтвердить статус сети как правительственной, по сути, превратив её в «общегосударственную систему специальной телефонной связи, территориально охватывающую всю территорию СССР и обслуживающую руководство партии, правительство, а также центральные аппараты и периферийные объекты целого ряда народных комиссариатов»¹⁶. На май 1941 года ПС предоставлялась 755 абонентам (при расчётной нагрузке на ВЧ-связь 500 абонентов), сеть включала 134 оконечных и 39 транзитных станций ВЧ-связи и была оснащена 66 единицами аппаратуры засекречивания¹⁷. Учитывая тот факт, что из общего количества всех абонентов ПС более 50 проц. составляли должностные лица органов государственной безопасности и ведомств обеспечения обороноспособности страны¹⁸, можно сделать вывод о ведущей роли силовых структур в управлении государством в условиях нарастания военной угрозы.

С началом войны остро проявилась потребность в надёжной и конфиденциальной связи с фронтами. В приказе, подписанном Верховным главнокомандующим И.В. Сталиным (июль 1941 г.), ПС была определена основным средством управления войсками, её потеря — главной причиной возможных поражений¹⁹. Действительно, первоначальные поражения Красной армии объяснялись, кроме прочего, полным или частичным отсутствием стратегической связи управления Вооружёнными силами, обу-

словленным ведомственной разобщённостью в руководстве государственной и военной связью страны²⁰, а также неполным мобилизационным запасом связного оборудования НКС²¹. Основной проблемой при обеспечении ВЧ-связью военного командования явилось постоянное и бессистемное перемещение пунктов управления (ПУ) в условиях постоянной угрозы их захвата противником. На связистов ложилась колоссальная нагрузка: свёртывание под огнём противника всех средств и линий связи, перемещение и предоставление связи уже в новом ПУ. В таких условиях от эффективности работы связистов напрямую зависели успех той или иной операции, сохранность живой силы и техники.

Первым шагом к повышению эффективности использования видов и средств связи в интересах обороны страны стало объединение руководства военными и гражданскими органами связи — бывший нарком связи И.Т. Пересыпкин был одновременно назначен начальником Управления

связи Красной армии (УСКА, с 5 августа 1941 г. — Главное УСКА) и заместителем наркома обороны. Для «обеспечения манёвренности в использовании телефонной связи по высокой частоте во фронтовой полосе» при крупных оперативных штабах Красной армии были созданы 12 подвижных групп связистов. Они придавались штабам фронтов и армий, подчинялись начальникам районов ПС и обеспечивали «прямые телефонные переговоры командования штабов фронтов и армий с Центром»²².

Ввиду особой важности ВЧ-связи Ставки Верховного Главнокомандования (СВГК) с фронтами и армиями ответственность за её организацию была возложена на вновь созданный (2 октября 1941 г.) Отдел правительственной связи (ОПС) НКВД СССР. С конца декабря 1941 года во исполнение решения руководства НКВД стали образовываться ОПС фронтов, что предусматривало создание станций ВЧ-связи при штабах оперативных объединений²³. С того момента основным средством связи в

«№ 364» — унифицированный ТА для работы с АТС образца 1929 г.

стратегическом и оперативном звеньях управления стала выступать правительственная ВЧ-связь. В качестве оконечных абонентских устройств телефонной связи использовались полевые унифициро-

ванные телефонные аппараты с фоническим («УНА-Ф-31») и индукторным («УНА-И-31») вызовами²⁴, аппараты без источников питания с индукторным («ТАБИП-1») и фоническим («ТАБИП-2») вызовами,

а также более ранние модели («УНА-Ф-28», «УНА-И-28»). Для оперативной коммутации применялись простейшие ручные коммутаторы с фоническим вызовом на 6 («КОФ-33») и 12 («РЭ-12») линий и ин-

Таблица

Коммутационное и оконечное оборудование связи, применявшееся в войсках правительственной связи в ходе Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)

Тип	Название	Год / страна разработки*	Тип вызова / питание**
Полевые телефонные аппараты	«УНА-Ф-28»	1928 / СССР	Фонический / МБ
	«УНА-Ф-31»	1931 / СССР	
	«УНА-Ф-42»	1942 / СССР	
	«УНА-Ф-42М»	1942 / СССР	
	«УНА-Ф-43»	1943 / СССР	
	«УНА-И-28»	1928 / СССР	Индукторный / МБ
	«УНА-И-31»	1931 / СССР	
	«УНА-И-42»	1942 / СССР	
	«УНА-И-43»	1943 / СССР	
	«ТАИ-43»	1943 / СССР	
	«FF-33»	1933 / Германия	
	«ЕЕ-8А»	1942 / США	
	«2005-W»	1943 / США	
	«ИАА-44»	1944 / США	
	«УНА-ФИ-43»	1943 / СССР	
	«ТАБИП-1»	1939 / СССР	
«ТАБИП-2»	1939 / СССР	Фонический / без ИП	
«ЕЕ-108»	1940 / США	Индукторный / без ИП	
Стационарные телефонные аппараты	«№ 364»	1929 / СССР	Шлейфный / ЦБ
	«W-28»	1928 / Германия	
	«W-38»	1938 / Германия	
	GPO № 332 «Строуджер»	1937 / Англия	
Коммутационное оборудование	«РЭ-12»	1928 / СССР	Фонический / МБ
	«КОФ-33»	1933 / СССР	
	«КОФ-43»	1943 / СССР	
	«К-10»	1943 / СССР	Индукторный / МБ
	«Р-20»	1932 / СССР	
	«Р-60»	1932 / СССР	
	«ФИН-6»	1941 / СССР	ФИ / МБ
	«ПК-10»	1944 / СССР	
«ПК-30»	1943 / СССР	ФИ / МБ(ЦБ)	

Составлена по: Жуков Д.П. Телефонное дело. М.: Военное издательство МВС СССР, 1947. С. 116—380; Муравьев К.Х. Анализ техники связи Советской армии по опыту Великой Отечественной войны. Дисс. ... канд. техн. наук. Л., 1948. С. 139—179.

Обозначения.

Тип вызова: ФИ — фоноиндукторный.

Питание: ИП — источник питания.

* — указан год первого выпуска изделия.

** — некоторые полевые ТА и коммутаторы системы МБ посредством специального приспособления или штатными средствами возможно было подключать к коммутационному оборудованию системы ЦБ, включая АТС. Коммутационное оборудование (кроме коммутаторов ПК-30, Р-20, Р-60) своих разговорно-вызывных приборов не имело (применялся обычный полевой ТА).

дукторные коммутаторы на 20 («Р-20») и 60 («Р-60») линий, а также номерники на 12 линий. Образование каналов ПС осуществлялось преимущественно по воздушным (столбовым) линиям с помощью аппаратуры «СМТ-34» и «ТВЧ-34», а засекречивание передававшейся по ним информации — маскираторами «ПЖ-8М». Линии ВЧ-связи возводились и обслуживались линейными подразделениями НКС и линейными ротами связи Красной армии.

Таким образом, в ходе войны длительное время наблюдалась двойственность в управлении — подразделения ОПС НКВД обеспечивали стационарную службу полевой специальной связи (функционирование каналообразующего, коммутационного и оконечного оборудования), подразделения Народного комиссариата обороны (НКО) и НКС отвечали за линейную службу (строительство, восстановление и эксплуатацию постоянных воздушных линий связи). Это негативно влияло на качество телефонной связи для нужд высшего военного руководства страны. Государственный Комитет Обороны (ГКО) своим постановлением (11 января 1942 г.) планировал исправить ситуацию путём передачи из НКО в оперативное подчинение НКВД 30 линейно-эксплуатационных рот связи и создания в ОПС линейной службы. Однако внушительных результатов добиться не удалось, и поэтому функции по предоставлению линий и проводов для ПС СВК со штабами фронтов и армий были возложены на НКВД (постановление ГКО от 30 января 1943 г.)²⁵. Приказом народного комиссара внутренних дел СССР № 204 от 31 января 1943 года была обозначена дата 15 февраля

1943 года, к которой все работы по формированию частей связи внутренних войск НКВД и приёму линий ПС от ГУСКА НКО должны были быть завершены²⁶. Именно этот день принято считать официальной датой образования ВПС, руководство которыми с 10 июня 1943 года стало осуществлять Управление ВПС (УВПС) во главе с начальником управления генерал-майором войск связи П.Ф. Угловским.

После создания ВПС при каждом фронте были сформированы полки ПС, в состав которых входили 3 батальона: строительный, эксплуатационный и кабельный. Полки имели оперативное подчинение ОПС фронта, в составе которого были выделены 4 отделения: стационарное, линейно-эксплуатационное, линейно-строительное и хозяйственное. К лету 1943 года парк оборудования связи немного обновился — появились отечественные («УНА-И-42», «УНА-Ф-42», «УНА-И-43»,

«УНА-ФИ-43» и др.) и зарубежные по линии «Амторга» («ЕЕ-8А» и др.) полевые ТА системы местной батареи (МБ), построенные преимущественно по противоместным схемам, обеспечивавшим снижение местного эффекта²⁷ и повышение дальности связи, коммутаторы систем местной («К-10», «КОФ-43» и др.) и центральной («ЦБ-2У») батарей разной ёмкости, трофейная («ТФб») и отечественная («СМТ-42» «Сойка») каналообразующая аппаратура ВЧ-связи, промежуточные усилительные трансляции «ТВЧ-42» («Стриж»), «закрывающая» аппаратура «СИ-15» («Синица»)²⁸.

После получения трофейных полевых ТА в бакелитовом корпусе «FF-33» отечественная промышленность освоила выпуск полевого ТА с индукторным вызовом «ТАИ-43». Несмотря на внешнюю схожесть с немецким аналогом, «ТАИ-43» изготавливался из отечественных элементов и обеспечивал высокое качество

«W-28» — немецкий настольный ТА для работы с АТС образца 1928 г.

связи. Необходимо отметить, что указанный ТА, разработанный под руководством инженера Научно-исследовательского испытательного института связи Красной армии подполковника О.И. Репиной, стал основным полевым телефоном Красной, а затем и Советской армии. В период войны по причине отсутствия необходимых материалов ТА выпускался в деревянном корпусе (было произведено около 500 тыс. аппаратов). После войны в СССР было вывезено в качестве репараций оборудование одного из немецких заводов, производивших ТА «FF-33», и «ТАИ-43» обрёл бакелитовый корпус.

Для организации ВЧ-связи на участке армия — фронт специалисты ВПС прокладывали полевой кабель типа «ПТФ-7» или «ППК-4» от полевого ПУ до точки подключения к линейной цепи (подключали концы абонентского шлейфа к верхней «крайней» воздушной цепи). С 1943 года на фронтовых станциях ВЧ-связи для обслуживания телефонных заявок абонентов в автоматическом режиме стали применять междугородную автоматику типа «МА-5». У абонентов в таких случаях устанавливали отечественные («№ 364») или зарубежные («Строуджер», «W-28», «W-38» и др.) автоматические ТА. Для ручного обслуживания вызовов абонентов использовали коммутаторы системы центральной батареи (ЦБ). Интересный факт: первый начальник УВПС НКВД СССР генерал-майор П.Ф. Угловский, объезжая фронтовые станции ВЧ-связи, всегда пользовался «своим» трофейным ТА «31W10» фирмы «Сименс и Гальске», способным взаимодействовать с АТС в режиме ЦБ и полевыми коммутаторами в режиме МБ. В Москве ка-

налы с фронтами были выведены на специальный ручной коммутатор. При обслуживании заявок на соединение все представители СВГК и командующие фронтами использовали пароль «Молния», а при выходе на связь Верховного главнокомандующего — «Большая молния». Для указанных соединений всегда готовились два канала — основной и резервный (через соседние фронтовые станции).

Анализ применявшегося во время боевых действий коммутационного и оконечного оборудования (представлены в таблице) позволил сделать вывод о том, что даже после технического обновления подразделений ВПС для телефонных переговоров активно применялись образцы, принятые на вооружение задолго до начала войны. Однако за счёт мужества, высокой квалификации и физической выносливости связистов ПС предоставлявшаяся высшему военному руководству страны связь отличалась оперативностью и высоким качеством. Так, после очередного выполненного задания по организации специальной связи «вэчисты» (так называли специалистов подразделений правительственной ВЧ-связи) доложили командующему 3-й гвардейской танковой армией генерал-лейтенанту танковых войск П.С. Рыбалко: «ВЧ-связь есть, товарищ генерал». На что командующий произнёс: «Вот это оперативность! А если бы такая связь была в начале войны? Пожалуй, до Волги не докатились бы...»²⁹. Командующий 1-м Белорусским фронтом маршал К.К. Рокоссовский отмечал: «Специальная ВЧ-связь всегда своевременно и точно обеспечивала командование войск фронта надёжно

действующую систему связи... это, безусловно, весьма положительно сказалось на надёжности управления командующим наступающими войсками фронта»³⁰. Выдающийся полководец Маршал Советского Союза И.С. Конев в своей книге «Сорок пятый» исчерпывающе отразил мнение многих военачальников о важности ПС во время Великой Отечественной войны: «Надо сказать, что эта связь — ВЧ, — как говорится, нам была богом послана. Она так выручала нас, была настолько устойчива в самых сложных условиях, что надо воздать должное и нашей технике, и нашим связистам, специально обеспечивавшим эту связь и в любой обстановке буквально по пятам сопровождавшим тех, кому было положено пользоваться ею»³¹. Вместе с тем в то время организационно-техническими мерами гарантировалась только относительная секретность переговоров по ВЧ-связи, так сказать, под гарантию НКВД. Что касается телефонных линий, проходивших по территории других стран, где деятельность иностранной технической разведки не была затруднена, то по ним ведение секретных переговоров было категорически запрещено³².

В послевоенное время ВПС были подвержены техническому переоснащению. В кратчайшие сроки были разработаны и созданы первая отечественная стационарная аппаратура засекречивания гарантированной стойкости, полевые варианты аппаратуры засекречивания временной стойкости, развёрнуто производство первых полевых станций ПС. С 1959 года в части ВПС стала поступать полевая стационарная техника, в т.ч. с аппаратурой засекречивания, что дало войскам

возможность строить самостоятельную полевую сеть ПС, являющуюся прямым продолжением стационарной. Полу-

ченный опыт обеспечения ВЧ-связью высокопоставленных абонентов в боевых условиях в последующем позволил под-

разделениям ВПС с успехом выполнять поставленные задачи в условиях мирного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Илюшин М.В. «Какая замечательная вертушка!». К 100-летию правительственной автоматической телефонной связи в России // Военно-исторический журнал. 2022. № 2. С. 34—45.

² Валдаев С.А. Связь, которая не подведёт. М.: Славянский диалог, 2001. С. 7.

³ Федеральное государственное унитарное предприятие Ленинградский отраслевой научно-исследовательский институт связи (ЛОНИИС): история и современность, 1918—2008. СПб., 2008. С. 10—18.

⁴ Великая Победа в 15 т. Т. 10. Война в эфире. М.: МГИМО — Университет, 2015. С. 9.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Энциклопедия Федеральной службы охраны Российской Федерации. Т. 1. История органов государственной охраны и специальной связи. М.: Кучково поле, 2012. С. 361, 362.

⁷ Астрахан В.И. и др. Правительственная электросвязь в истории России: монография. Ч. I. 1917—1945. М.: Наука, 2001. С. 71.

⁸ Ильинский М.М. Тайны спецсвязи Сталина 1917—1945 гг. М.: Вече, 2004. С. 35.

⁹ Правительственная связь СССР, 1931—1941: сборник документов. Т. 1. М.: Славянский диалог, 1997. С. 9.

¹⁰ Троянов С.В. Становление и развитие правительственной

междугородной телефонной связи (1931—1941 гг.): историческое исследование. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 13.

¹¹ Федоров А.П. История создания и развития междугородной правительственной связи // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 169—173.

¹² Великая Победа. С. 12.

¹³ Правительственная связь СССР... С. 98.

¹⁴ Ильинский М.М. Указ. соч. С. 38.

¹⁵ Кириллов С.Н., Малинин Д.Ю. Теоретические основы асинхронного маскирования речевых сигналов: учебное пособие. Рязань: Рязанская государственная радиотехническая академия, 2000. С. 3.

¹⁶ Астрахан В.И. и др. Указ. соч. С. 109.

¹⁷ Великая Победа. С. 11.

¹⁸ Безрядин С.В., Перепелицын А.В. Развитие правительственной высокочастотной связи НКВД СССР в условиях нарастания военной угрозы // Грамота. 2012. № 10(24). Ч. 2. С. 20—23.

¹⁹ Богом посланная связь: воспоминания связистов-ветеранов войск правительственной связи. Орёл, 2008. С. 28.

²⁰ Ильинский М.М. Указ. соч. С. 214.

²¹ Хохлов В.С. От шахтёра до наркома и маршала. М.: РИА ВивидАрт, 2010. С. 231.

²² Ильинский М.М. Указ. соч. С. 215.

²³ Астрахан В.И. и др. Указ. соч. С. 130.

²⁴ Фонический вызов формируется посредством электрического звукового прибора (зуммера), а индукторный — простейшей динамомашинки, вырабатывающей переменный ток (индуктора).

²⁵ Правительственная связь СССР... С. 13.

²⁶ Там же. С. 16.

²⁷ Местный эффект — явление прослушивания собственного голоса и окружающих шумов в телефоне (телефонном капсюле) ТА. Для снижения местного эффекта в ТА применяются противоместные схемы различного типа.

²⁸ Безрядин С.В., Перепелицын А.В. Проблемы развития фронтовых отделов правительственной связи НКВД и их материально-технического обеспечения в операциях Красной армии 1942 г. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 1(144). Вып. 25. С. 127—131.

²⁹ Богом посланная связь... С. 46.

³⁰ Гребенников В.В. Криптология и секретная связь. Сделано в СССР. М.: Алгоритм, 2017.

³¹ Конев И.С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1970. С. 21.

³² Правительственная связь СССР... С. 250.

M.V. Ilyushin

«...THIS CONNECTION — HF, AS THEY SAY, WAS SENT TO US BY GOD»

On the 80th anniversary of the government communications troops

Information about author. Mikhail Ilyushin — Cand. Sc. (Tech.), Associate professor (Moscow. E-mail: mike.ilushin@mail.ru).

Summary. At the turn of the 1920s—1930s automation of the process of servicing telephone applications of high-ranking subscribers together with the use of high-frequency (HF) telephony equipment, as well as various organizational and technical measures to protect information raised telephone communication for the needs of public administration to a completely new qualitative level, bringing it really close to «special communication». The next step in increasing the confidentiality of information transmitted over the HF communication lines was the use of security equipment on them. With the beginning of the Great Patriotic War (GPW) government communications (GC) was defined as the main means of controlling troops, and its loss was the main cause of possible defeats. On February 15, 1943 a subsystem of government field communications in the system of long-distance government HF communications was organized, the material and technical basis of which was formed by the GC troops (GCT) and front-line departments. The paper attempts to analyze the historical and technical aspects of the creation and development of the GCT.

Keywords: Kremlin; telephone communication; HF communication; security equipment; government communications; the Great Patriotic War; government communications troops; I.T. Peresypkin; P.F. Uglovsky; O.I. Repina; P.A. Azbukin; I.Y. Lawrence.

ДИВИЗИЯ ЗНАМЕНИ ПОБЕДЫ

Знамя Победы...

Переоценить значение этой государственной реликвии, этого уникального исторического явления и его влияние на жизнь современного российского общества невозможно.

Символ разгрома нацизма в годы Великой Отечественной войны, олицетворение беспримерного подвига советского народа и его Вооружённых сил, сконцентрированное выражение героизма воинов-освободителей, беззаветности партизан и подпольщиков, страданий оккупированного захватчиками мирного населения, самоотверженности тружеников тыла — Знамя Победы сегодня словно бы вышло из музейного хранилища и вернулось в боевой строй.

Тысячами копий Знамени Победы овеяны многочисленные колонны Бессмертного полка, ежегодно в День победного триумфа проходящие по городам и сёлам России. Уникальная реликвия обладает грандиозной силой, спланивающей и мо-

билизирующей народы нашей страны, невзирая на различия в национальности, вероисповедании, возрасте, социальном положении.

Знамя Победы воюет на фронтах Специальной военной операции. Потомки воинов-победителей в память о своих героических предках несут знаменитое полотнище на броне современной боевой техники и даже на небольших нарукавных шевронах, размещают его в своих блиндажах и окопах и поднимают над освобождёнными от неонацистов городами и селениями Донбасса.

Одновременно с этим Знамя Победы вызывает яростную злобу со стороны недругов России, становится могучим аргументом против всяческих попыток извратить историю, лишить советский народ и его Вооружённые силы решающей роли в разгроме германского нацизма.

Знамя Победы — наша неотъемлемая память, слава и гордость. Ни у кого, нигде и никогда не будет такой реликвии, пользующейся несокрушимой всенародной любовью и непререкаемым уважением.

Но много ли мы знаем об этой всеми искренне почитаемой реликвии?

Расшифровать сокращения и цифры, принятые в годы Великой Отечественной войны для обозначения воинских частей и соединений, особого труда не составляет:

«150-я стрелковая ордена

Кутузова II степени

Идрицкая дивизия

79-й стрелковый корпус 3-я Ударная армия 1-й Белорусский фронт».

Но когда, при каких обстоятельствах и в каких сражениях прославленная 150-я дивизия обрела боевые награды, а Знамя Победы — всемирно известную надпись?

Фотоальбом «Имя Идрицы на легендарном Знамени Победы»*, изданный группой энтузиастов при участии полковника в отставке П.А. Калинина, помогает ответить на все эти и многие другие вопросы.

Его автор — Владимир Леонидович Спиридонов, капитан 2 ранга запаса — шаг за шагом, от страницы к странице в обширном иллюстрированном очерке рассказывает читателям не только об истории воз-

Обложка фотоальбома

* Имя Идрицы на легендарном Знамени Победы: фотоальбом. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Идрица, 2022. 96 с., 2 вкл.

никновения рабочего посёлка Идрица в начале XX века, его становления в качестве районного центра и стратегически важного железнодорожного узла. С использованием подлинных фотографий и документов в книге объясняются причины, в силу которых в предвоенные годы военно-политическим руководством СССР было принято решение о строительстве в Идрице крупного военного городка, по некоторым данным, второго по величине в Советском Союзе. Здесь же рассказывается о том, как весной 1941 года под командованием Героя Советского Союза генерал-майора Д.Д. Лелюшенко в Идрице начал формироваться 21-й механизированный корпус.

Отдельные главы фотоальбома повествуют о трагических страницах в истории посёлка — о трёхлетнем периоде его оккупации немецко-фашистскими захватчиками.

С одной стороны, эти годы вошли в историю Идрицы карательными акциями гитлеровцев и их приспешников; многотысячными жертвами со стороны мирного населения; массовыми расстрелами заложников; функционированием нацистского сортировочно-пересыльного лагеря, поставившего как местных жителей на принудительные работы в страны Европы, так и детей в концлагерь Саласпилс для сдачи крови в немецкие госпитали.

С другой стороны, это период активного сопротивления оккупантам, массового партизанского и подпольного движения. Уникальными иллюстрациями для этих страниц фотоальбома послужили кадры киноплёнки, отснятой в 1943 году в Идрицком районе военным кинооператором-документалистом С.С. Школьниковым.

Долгожданное освобождение от захватчиков пришло в Идрицу в результате многомесячных боёв — с конца ноября 1943 по 12 июля 1944 года — по прорыву немецкой оборонительной линии «Пантера» и овладению идрицким железнодорожным узлом. Силами трёх армий велось это сражение непосредственно на идрицкой земле. Значение достигнутого на этом участке фронта стратегического успеха было столь велико, что 12 июля 1944 года Москва салютовала войскам, овладевшим Идрицей, салютом второй категории — как за освобождение крупного областного центра. Восемь наиболее отличившихся воинских частей и соеди-

нений были удостоены почётного наименования «Идрицкие». Для 150-й дивизии присвоение этого наименования стало первой боевой наградой.

Но и цена достигнутого успеха была чрезвычайно высока. В настоящее время в братских могилах на территории бывшего Идрицкого района покоятся останки почти 12 тыс. павших воинов-освободителей. Ежегодно эти захоронения пополняются останками сотен погибших бойцов, обнаруженными поисковиками в ходе Вахт Памяти. Поисковому движению на идрицкой земле посвящены особые страницы фотоальбома.

Примечательно, что среди награждённых почётным наименованием «Идрицкая», была и 171-я стрелковая дивизия. В дальнейшем обе «Идрицкие» дивизии — 150-я и 171-я — оказались на острие штурма Рейхстага.

Кратко в фотоальбоме указано на возрождение в наши дни прославленной 150-й дивизии и присвоение новому соединению полного наименования от предшественницы военных лет — 150-я мотострелковая Идрицко-Берлинская ордена Кутузова дивизия.

Фотоальбом дополнен двумя цветными вкладками. Первая из них — географическая карта бывшего Идрицкого района с указанными на ней местами совершения, в боях за Идрицу, подвигов воинами-освободителями, удостоенными звания Героев Советского Союза. Здесь же отмечены братские захоронения погибших солдат и офицеров.

Вторая вкладка посвящена единственному в России памятнику Знамени Победы, открытому рядом с Идрицей 30 апреля 2022 года. Монумент воздвигнут Российским военно-историческим обществом при поддержке администрации и жителей Псковской области. На этой же вкладке кратко изложена история Идрицы и зарождения Знамени Победы на идрицкой земле.

Внимательный читатель, ознакомившись с фотоальбомом, узнает и безошибочно поймёт, что героизмом защищавших и освобождавших её солдат, мужеством и самоотверженностью народных мстителей — партизан, жертвенностью местных жителей Идрица заслужила, завоевала великую честь — навечно начертать своё имя на Знамени Великой Победы.

ПОГРАНИЧНИКИ В ОПЕРАЦИЯХ ПРОТИВ МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ

Сведения об авторе. Лиштованный Евгений Иванович — доктор исторических наук, профессор (г. Иркутск. E-mail: evgeniilishtovanniy@mail.ru).

Аннотация. В рецензии даётся краткий анализ коллективного труда о вкладе частей и подразделений пограничных войск НКВД в разгром милитаристской Японии. Отмечается значительная роль советских погранвойск в обеспечении надёжной охраны дальневосточных рубежей СССР в предвоенное время, достижениях победы над Японией в августе 1945 года.

Ключевые слова: Советско-японская война; Япония; пограничные войска; разведывательно-диверсионная деятельность; агентурная сеть.

На первый взгляд рецензируемую книгу* можно отнести к ряду очередной в цикле работ, посвящённых истории отечественной пограничной службы. Однако при внимательном ознакомлении с материалом приходишь к пониманию, что коллектив авторов постарался представить на суд читателей сводный, несущий в себе фундаментальные характеристики труд. В нём на основе комплексного подхода анализируются особенности участия погранич-

ных частей и подразделений НКВД в наступательных и десантных операциях советских Вооружённых сил против войск милитаристской Японии в августе 1945 года.

Начало повествования «издалека», фактически с обращения взоров японских сёгунов на материковый Китай, Корею, российский Дальний Восток и Сибирь, не только не отягощает общий концептуальный замысел книги, но помогает понять историческую логику, приведшую к затягиванию «Восточного узла». Читателя подводят к пониманию того, что вооружённое столкновение Российской и Японской империй, боровшихся за своё влияние в регионе, было неизбежным. Русско-японская война 1904—1905 гг. наглядно продемонстрировала стремление обеих сторон к стратегическому господству на материковых и океанических пространствах Дальнего Востока. В XX веке новый геополитический расклад позволил императорской Японии на порядок усилить свою агрессию, в том числе на маньчжурском направлении, проверяя на прочность границы Советского Союза.

Значительный объём книги составляют материалы, описывающие работу пограничных подразделений НКВД по пресе-

чению разведывательно-диверсионной деятельности японцев на дальневосточных рубежах СССР, а также на территории Монголии накануне Второй мировой войны. Подчёркивается, что спецслужбы Японии имели богатый опыт разведывательной деятельности на российской, а позже и советской территории. В 1920—1930-х годах ими была создана разветвлённая, хорошо законспирированная агентурная сеть в дальневосточном пограничье. Главным образом вербовка осуществлялась из числа китайцев, орочей, нанайцев, в небольшом количестве — из числа корейцев и японцев. Особое место в решении этой задачи отводилось русским эмигрантам, в первую очередь белогвардейцам. Набор кадров, отмечают исследователи, осуществлялся через центральные органы «Объединения российских эмигрантов», многочисленные монархические объединения, костяк которых составляли участники военных формирований Г.М. Семёнова, Р.Ф. Унгерна, И.М. Калмыкова и др. С 1943 года советская разведка регулярно получала сведения о русских воинских отрядах на территории Маньчжурии. Часть из них летом 1945 года находилась в полной боевой готовности для вторжения на советскую территорию. Всего, по данным НКВД, в январе—

Обложка книги

* Маслов К.Н., Семёнов Ю.Б., Слободянюк А.А. В тени Великой Победы: пограничные войска в Советско-японской войне 1945 года. М.: Граница, 2022. 708 с.

июне 1945 года пограничными войсками дальневосточных округов были задержаны 282 нарушителя. Среди них русские, китайцы, корейцы, монголы, орочи, японцы.

Авторы выделяют отличительные черты дальневосточной границы, отмечая её протяжённость, особые природно-климатические и физико-географические условия. Исторически сложилось так, что даже в мирные периоды граница, проходившая по рекам Аргунь и Амур, акватории озера Ханка и Японского моря, характеризовалась жёстким военным противостоянием. В этой связи исследователями применён термин «стреляющая граница». Как указывается в книге, установившийся порядок повседневной пограничной службы был нарушен лишь однажды. В самом начале советской наступательной операции 1945 года отдельные участки границы с Маньчжоу-Го были открыты и перестали охраняться в обычном режиме. Делалось это для того, чтобы пропустить части и соединения Красной армии, наносившие удары по боевым порядкам противника.

Самим пограничникам также предстояло принять участие в боевых действиях. По данным на 13 июля 1945 года, их численность на Дальневосточном театре военных действий составляла 41 972 человека. Все они входили в состав трёх военных округов — Забайкальского, Хабаровского и Приморского. Как отмечают исследователи,

для мирного времени такого количества вполне хватало. В условиях же разворачивавшихся военных действий перед пограничниками встала задача значительного повышения надёжности охраны и обороны государственной границы. В этой связи в западных районах страны к переброске на Дальний Восток были сформированы 12 пограничных полков, а также несколько полков и управлений войск НКВД по охране тыла советских фронтов.

Материалы книги опираются на прочную историографическую и источниковую базу. Помимо материалов главных российских архивов использованы документы Центрального архива ФСБ России и Центрального пограничного архива ФСБ России. Присутствует уникальный фотоматериал из Центрального пограничного музея ФСБ России и региональных пограничных управлений. В Приложение вошли таблицы, которые иллюстрируют численный состав пограничных подразделений НКВД на дальневосточных рубежах, соотношение сил и средств советских оперативных групп и японо-маньчжурских погранполицейских отрядов. Приведены биографические данные ряда сотрудников разведотделов НКВД, в том числе китайцев и корейцев по происхождению.

В приложении 67 страниц отведены рассекреченным «Описаниям» по участию советских пограничников в войне

с Японией 1945 года. Среди них подробные материалы боевых действий оперативной группы 54-го погранотряда по ликвидации группы противника в районе посёлка Шурфовая, 74-го погранотряда по уничтожению японо-маньчжурской погранохраны и гарнизонов Мохо, Лагоу, Чилиндзы. Представлено описание боевых действий по разгрому японо-маньчжурских погранполицейских отрядов.

Особое внимание привлекает раздел «Навечно в памяти народной», вобравший в себя свидетельства об увековечении памяти пограничников, погибших в ходе Советско-японской войны 1945 года. Приводятся имена В.Ф. Козлова, Я.К. Перфильева, М.С. Деревянко, А.С. Гапонова, А.Я. Довбия и других героев-пограничников. В их честь названы заставы, открыты мемориалы и памятники в Забайкальском, Хабаровском и Приморском краях, а также в посёлке Саньхэ (городской округ Хулун-Буир, Внутренняя Монголия, Китай). Этот раздел книги даёт прекрасный материал для военно-патриотического воспитания подрастающего поколения.

Таким образом, вышедший труд стал значительным вкладом в общий багаж научной литературы по истории формирования и функционирования советской границы, а также роли отечественных погранвойск в победе Советского Союза над Японией в августе 1945 года.

E.I. Lishtovanny

BORDER GUARDS IN OPERATIONS AGAINST MILITARISTIC JAPAN

Information about author. Evgeny Lishtovanny — D. Sc. (Hist.), professor (city of Irkutsk. E-mail: evgenilishtovannyi@mail.ru).

Summary. The review provides a brief analysis of the collective work on the contribution of units and divisions of the NKVD border troops to the defeat of militaristic Japan. The significant role of the Soviet border troops in ensuring reliable protection of the Far Eastern borders of the USSR in the prewar period, achieving victory over Japan in August 1945 is noted.

Keywords: Soviet-Japanese war; Japan; border troops; intelligence and sabotage activities; agent network.

ИЮНЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 июня — День военно-транспортной авиации.

1 июня 1933 года, 90 лет назад, в строй введён Челябинский тракторный завод. На его территории в годы войны возник Танкоград, на котором силами эвакуированных производств Кировского и Харьковского заводов изготовлено 18 тыс. танков и САУ 13 типов и более 48 тыс. танковых дизелей. В 2020 году Челябинску присвоено почётное звание РФ «Город трудовой доблести».

1 июня — 105 лет со дня начала издания (1918) научно-теоретического журнала «Военное дело» (с 1936 г. — «Военная мысль»).

2 июня 1943 года, 80 лет назад, произошло успешное отражение силами и средствами ПВО массированного налёта немецкой авиации на Курский железнодорожный узел. Налёт длился более 10 часов, в нём участвовало 543 самолёта. Вражеской авиации, несмотря на отчаянные усилия, не удалось разрушить железнодорожный узел. Врага достойно встретили воины Воронежско-Борисоглебского района ПВО, а также истребители 16-й и 2-й воздушных армий.

7 июня 1993 года, 30 лет назад, распоряжением Президента РФ на базе машиностроительного завода имени М.В. Хруничева и КБ «Салют» образован Государственный космический научно-производственный центр им. М.В. Хруничева.

8 июня 1898 года, 125 лет назад, в Николаевске-на-Амуре сформирована минная рота, предназначенная для подводной минной обороны р. Амур против речных флотилий и вторжения морских судов.

9 июня 1828 года, 195 лет назад, во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. отряд русской гребной флотилии из 16

А.У. Константинов

канонерских лодок под командованием капитана 1 ранга И.И. Завадовского, пройдя под выстрелами крепости Браилов, напал на стоявшую в Мачинском рукаве турецкую флотилию из 23 судов. В ходе трёхчасового сражения неприятельские корабли были потоплены и 12 судов взяты в плен.

12 июня — Государственный праздник РФ. День России.

12 июня 1923 года, 100 лет назад, родился А.У. Константинов, маршал авиации (1985), Герой Советского Союза (1946). Участник Великой Отечественной войны,

командир эскадрильи (1944). Воевал на Сталинградском, Южном, 1, 2 и 4-м Украинских фронтах. Совершил 327 боевых вылетов, сбил 22 самолёта противника. В 1970—1987 гг. — командующий войсками ряда объединений и округов ПВО. Умер 22 октября 2006 года.

12 июня 1943 года, 80 лет назад, в канун Курской битвы, Сумское соединение Сидора Ковпака по приказу Центрального штаба партизанского движения начало Карпатский рейд по глубоким тылам противника. В ходе его проведения ковпаковцы разгромили немецкие гарнизоны и бандеровские отряды в сорока населённых пунктах Западной Украины. Уничтожая транспортные коммуникации, партизаны сумели на длительное время блокировать важные направления подвоза гитлеровских войск и боевой техники к фронтам Курской дуги.

15 июня 1963 года, 60 лет назад, принят на вооружение ракетный комплекс Р-16У с шахтным и наземным стартами «Шексна-В».

16 июня 1943 года, 80 лет назад, на вооружение ВВС СССР принята первая отечественная бортовая РЛС «Гнейс-2».

К концу 1944 года ею были оснащены более 230 самолётов.

18 июня 1678 года, 345 лет назад, в ходе Русско-турецкой войны 1676—1681 гг. турецко-татарское войско (120 тыс. человек) под командованием великого визиря Кара-Мустафы осадило Чигирин на Правобережной Украине. Началась героическая двухмесячная оборона крепости 12-тысячным гарнизоном, которым командовали окольный И.И. Ржевский, генерал Патрик Гордон и казачий гетман Павел Животовский.

20 июня — День специалиста минно-торпедной службы ВМФ России.

21 июня 1943 года, 80 лет назад, утверждён Акт об итогах проверки фактов издевательств над советскими военнопленными в лагере на хуторе Вертячем Городищенского района Сталинградской области. В документе отмечено: «После освобождения хутора Вертячего, в лагере советских военнопленных было обнаружено 87 трупов красноармейцев и командиров. Более 10 трупов были настолько изуродованы, что потеряли человеческий вид. У многих замученных пленных были распороты животы, выколоты глаза, отрезаны уши и носы, часть трупов носила следы ожогов. За три с половиной месяца существования лагеря на хуторе Вертячем погибло от голода, истязаний, болезней и расстрелов по меньшей мере 1500 человек советских военнопленных».

21 июня 1958 года, 65 лет назад, первый полёт совершил опытный самолёт «105» (главный конструктор Д.С. Марков). Серийное производство нового бомбардировщика под названием Ту-22 началось в 1960 году в Казани. Впервые самолёт показан на воздушном параде в Тушино в 1961 году, а в следующем году принят на вооружение.

22 июня 1943 года, 80 лет назад, в Москве в ЦПКиО им. Горького открылась выставка образцов трофейного вооружения, захваченного у врага. До конца войны она пополнялась новыми экспонатами,

которых к 800-летию Москвы (1947) скопилось до 7000.

22 июня — Памятная дата России. День памяти и скорби — день начала Великой Отечественной войны (1941 год).

29 июня 1788 года, 235 лет назад, во время Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. русский флот под командованием Ф.Ф. Ушакова нанёс поражение турецкому флоту под командованием капудан-паши Эски-Гассана в сражении близ Очакова. Турецкий флот из 43 судов был атакован у Кинбурнской косы гребной флотилией из 50 судов контр-адмирала К. Нассау-Зигена. В том сражении турки потеряли 6 кораблей и 7 более мелких судов. Наши потери — 18 человек убитыми и 67 ранеными. Благодаря разгрому турецкого флота, шедшего с подкреплением к осаждённому и блокированному с моря Очакову, войскам Г.А. Потёмкина удалось штурмом взять крепость.

29 июня — Памятная дата России. День партизан и подпольщиков.

Журнал «Военное дело»

Публикация А.Л. БОЧАРОВОЙ

Сведения об авторе. БОЧАРОВА Анастасия Леонидовна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru)

ОРГАНИЗАТОР

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЫСТАВОЧНЫЙ ОПЕРАТОР

МКВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
КОНГРЕССЫ И ВЫСТАВКИ

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ
ФОРУМ «АРМИЯ-2023»**

**14–20 АВГУСТА
ПАТРИОТ ЭКСПО**

www.rusarmyexpo.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

3. Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.

4. Список литературы, оформляемый конечными ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.

5. Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.

6. Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.

7. Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: mil_hist_magazin@mail.ru или ric_vig_1@mail.ru.

8. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.

9. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);

2) аннотацию на русском и английском языках (100–150 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов);

4) рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;

5) текст публикации должен содержать автоматические конечные ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;

6) примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;

7) сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

1. Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 x 297 мм).

2. Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).

3. Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.

4. Текст набирается с соблюдением следующих правил:

поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см;

межстрочный интервал — полуторный;

абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами);

перенос слов — отключён;

инициалы между собой пробелами не отделяются;

при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-);

кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.

5. Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.

6. Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».

7. Иллюстрации:

1) векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;

2) растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.

Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;

3) все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисовочные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки:
119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12
E-mail: ric_vig_1@mail.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно
оформить:

• по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом
почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;

• Объединённому каталогу «Пресса России» через
ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях
Республики Крым и г. Севастополя;
• интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39887 для
подписчиков всех регионов;
• интернет-каталогам агентств на сайтах:
www.podpiska.pochta.ru
www.akc.ru
www.pressa-rr.ru;

• заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением
в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой
бандеролью.

Сдано в набор 21.04.2023
Подписано к печати 19.05.2023
Формат 60x84/8.

Тираж экз. 2220 Зак. № 2682-2023"
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная
звезда» Минобороны России
125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Тел.: (495) 941-23-80
E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46
E-mail: reklama@korrnet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Цена свободная
© «Военно-исторический журнал», 2023

Тел. маркетинг: (495) 941-32-09,
(495) 941-34-72, (495) 941-39-52,
<http://redstarprint.ru/>
E-mail: kr_zvezda@mail.ru

ГЛАВНЫЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ХРАМ РОССИИ

210 лет Морскому Никольскому собору в Кронштадте

В начале XX века в Санкт-Петербурге по инициативе морского ведомства был разработан проект создания в Кронштадте самого крупного из морских соборов, построенных в Российской империи. Он задумывался как памятник всем погибшим морякам Русского флота, а также как место сбора и хранения реликвий военно-морской славы. Одним из требований к составлению проекта было условие, чтобы высота купола позволила собору служить ориентиром с моря, а крест храма был бы первым, что бросалось в глаза мореплавателям при приближении к русской столице. Главным разработчиком проекта стал архитектор В.А. Косяков. В основу внешнего облика Морского собора он положил знаменитый константинопольский храм Святой Софии.

Закладку собора предварил молебен, совершённый в сентябре 1902 года протоиереем Иоанном Кронштадтским в присутствии главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала С.О. Макарова. Строительство велось на средства морского ведомства, пожертвования моряков и верующих со всей страны. Храм отличало великолепное внутреннее убранство. Список имён для мраморных досок вечного поминовения утверждал император. Освящение и открытие собора, названного Никольским (во имя Святого Николая Чудотворца, покровителя мореплавателей и других путешественников), состоялись 10(23) июня 1913 года. В присутствии Николая II и членов императорской фамилии его освящение провёл протопресвитер военного и морского духовенства отец Георгий Щавельский.

При советской власти собор подвергся «опале»: в 1929 году как религиозное учреждение он был закрыт, его

убранство по большей части демонтировали и разрушили. Сняли вершину собора – крест, с куполов смыли позолоту, замазали штукатуркой мозаичные иконы, ликвидировали памятные доски поминовения. Здание использовалось в качестве различных учреждений культуры. В годы Великой Отечественной войны в пространстве под куполом храма был размещён наблюдательный и корректировочный пост корабельной и береговой артиллерии Кронштадта. Во время артобстрелов врага в собор попало несколько артиллерийских снарядов. С 1956 года здесь размещался клуб Кронштадтской крепости и концертный зал на 1250 мест с театральной сценой. В 1973 году в здание храма из кронштадтского Дома моряков была перенесена военно-морская музейная экспозиция, посвящённая истории Кронштадта и Русского флота и ставшая филиалом Центрального военно-морского музея.

В 1995 году здание Морского Никольского собора в Кронштадте получило статус объекта исторического и культурного наследия федерального значения. С 2003 года за счёт средств государства, Русской православной церкви (РПЦ) и пожертвований благотворителей велась его реставрация. В 2013 году собор, возвращённый в ведение РПЦ, был освящён и открыт для посещений. При поддержке Синодального отдела РПЦ по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями собор стал главным военно-морским храмом России.

Морская направленность видна уже при подходе к храму: крест на куполе вписан в штурвал, а края куполов украшает переплетение якорей и канатов. По абсолютным размерам собор несколько меньше своего византийского прототипа. Светлые стены и золотые купола придают собору лёгкость, воздушность и нарядность. Все архитектурные решения воплощают идею единения самых важных для моряка образов: моря и неба. Верхняя часть храма, символизирующая небо, оформлена витражами, мозаиками и фигурами святых. Нижняя – мрамором в медной оправе, с мозаичными изображениями обитателей морских глубин. На стенах – сцены из жизни людей, связанных с морем. На мраморных плитах чёрного цвета – около 1000 имён адмиралов, офицеров, гардемарин, медицинских и гражданских чинов морского ведомства, погибших в боях, походах и при исполнении служебного долга. Нижние чины представлены общим количеством, за исключением тех, кто совершил выдающийся подвиг и чьи имена запечатлены отдельно. Внутри алтарной части собора находятся белые мраморные доски с именами погибших представителей флотского духовенства. В северной части сохраняется след от неразорвавшейся немецкой бомбы, пробившей купол и упавшей на гранитный пол в 1943 году. Важным объектом собора остаётся музейная экспозиция «Кронштадтская крепость» — филиал Центрального военно-морского музея.

На Якорной площади около храма проходят важные события флота: выпуски из военно-морских училищ, принятие военной присяги, посвящение в курсанты.

Публикация Н.Ф. Ковалевского

